

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук, PhD (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- Е. И. Дергачева-Скоп д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- O. G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- M. S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- T. S. Borisova Dr Habil., PhD (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- E. I. Dergacheva-Skop Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National University of Athens, Greece)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Новак И. П.* Именная морфология памятника тверской карельской письменности – перевода «Евангелия от Марка» 9
- Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В.* Терминологический инструментарий описания связующих единиц русского языка 21
- Темиргазина З. К.* Брови, ситец и улыбка: некоторые особенности авторской интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева 34
- Берендеева М. С., Цинь Мэн.* Структура лингвокультурных концептов *ТРУД* / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических текстов 1940-х – 1970-х годов 47
- Чжоу Хайянь.* Выражение категории определенности / неопределенности с помощью слова «один» в русском языке в сопоставлении с китайским аналогом 56
- Кутафьева Н. В.* Семантика и способы выражения множественного числа у существительных в русском и японском языках 67
- Мальшиева Н. В., Данилов И. А.* Отражение представлений якутов о животном мире в процессе номинации растений 78

Литературоведение

- Маштакова Л. В.* Сибирь как символистский топос: «Тени и отзвуки» П. Л. Драверта 89
- Абрамова К. В., Капинос Е. В., Силантьев И. В.* Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера 98

Кротова Д. В. От горной породы до могильной плиты: образ камня в лирике В. Шаламова 110

Гудкова С. П., Осьмухина О. Ю., Самойленко В. А. Особенности репрезентации образа Китая в современном лирическом цикле путешествий 118

Научная жизнь

Бартош Н. Ю. VI Международная междисциплинарная научная конференция «Метаморфозы культуры: Donum didacticum. Дидактический код в культуре XVIII–XX вв.» в НГУ 128

Высоцкая И. В. II Межвузовский онлайн-семинар памяти профессора В. В. Бабайцевой «Многоаспектность единиц языка и речи» (Новосибирск, НГУ, 10 февраля 2022 г.) 132

In memoriam

Памяти Елены Ивановны Дергачевой-Скоп 136

Информация для авторов 139

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Novak I. P.* Nominal Morphology of the Tver Karelian Translation of “Gospel of Mark” 9
- Kuznetsova N. V., Pochtareva O. V.* Terminological Tools to Describe the Connecting Units of the Russian Language 21
- Temirgazina Z. K.* Eyebrows, Chintz and a Smile: Some Features of the Author’s Interpretation of the Concept *BEAUTY* in the Poetry of Pavel Vasiliev 34
- Berendeeva M. S., Qin Meng.* The Structure of Linguacultural Concepts *LABOR* / 劳动 in the Russian and Chinese Worldviews Based on the Material of Journalistic Texts of 1940s – 1970s 47
- Zhou Haiyan.* The Expression of Certainty / Uncertainty Using the Word “Odin (One)” in Russian in Comparison with the Chinese Counterpart 56
- Kutafeva N. V.* Semantics and Ways of Expressing the Plural of Nouns in Russian and Japanese Languages 67
- Malysheva N. V., Danilov I. A.* The Reflection of the Yakut Perception of the Animal World in the Process of Nominating Plants 78

Literature

- Mashtakova L. V.* Siberia as a Symbolistic Topos: Shadows and Echoes (1904) by Pyotr L. Dravert 89
- Abramova K. V., Kapinos E. V., Silantev I. V.* Siberia and the Far East in the First Half of the 20th Century as a Space of Literary Transfer 98

<i>Krotova D. V.</i> From the Rock to the Grave Plate: Image of the Stone in V. Shalamov's Lyrics	110
<i>Gudkova S. P., Osmukhina O. Yu., Samoylenko V. A.</i> Representation Peculiarities of the Image of China in the Modern Lyrical Cycle of Travel	118

Scientific Life

<i>Bartosh N. Yu.</i> VI International Interdisciplinary Scientific Conference “Metamorphoses of Culture: Donum didacticum. Didactic Code in the Culture of the 18 th – 20 th Centuries” at NSU	128
<i>Vysotskaya I. V.</i> II Interuniversity Online Scientific Seminar in Memoriam of Professor Vera V. Babaytseva “Multiaspectiveness of Language and Speech Units” (Novosibirsk, NSU, February 10, 2022)	132

In memoriam

In memory of Elena I. Dergacheva-Skop	136
Instructions to Contributors	139

Научная статья

УДК 811.511.112'367.62-112(470.331)
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20

Именная морфология памятника тверской карельской письменности – перевода «Евангелия от Марка»

Ирина Петровна Новак

Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук
Петрозаводск, Россия
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова
Российской академии наук
Москва, Россия
novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Аннотация

Представлен анализ именной словоизменительной системы памятника тверской карельской письменности «Маркешта Святой Ївангелии» (1820 г.) и ее сопоставление с современными данными, полученными в ходе работы лингвистической экспедиции (2020 г.) в козловский ареал расселения тверских карелов, а также с материалами рукописной грамматики тверского карельского языка А. А. Белякова (1948) и грамматики новописьменного варианта языка, основанных на диалектных материалах той же группы говоров, что и перевод. Проанализированы основные грамматические категории имени: число и падеж. В результате исследования сделан вывод об архаичности языка памятника, содержащего целый ряд явлений, не нашедших продолжения в современных тверских карельских говорах, а также определены инновационные черты, возникшие в них в недавнем прошлом.

Ключевые слова

карельский язык, диалектология, памятник письменности, лингвистическая экспедиция, грамматика, именная словоизменительная система, архаизм, инновация

Благодарности

Подготовка корпуса и конкорданса текста, а также экспедиционные работы выполнены при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. Ю. В. Норманская), анализ языковых данных памятника выполнен в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 121070700122-5)

Для цитирования

Новак И. П. Именная морфология памятника тверской карельской письменности – перевода «Евангелия от Марка» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20

Nominal Morphology of the Tver Karelian Translation of “Gospel of Mark”

Irina P. Novak

Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russian Federation

The Ivannikov Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

Abstract

The article presents the results of an analysis of the nominal inflectional system of a two-centuries-old account of the Tver Karelian written language – the Gospel of Mark “Маркешта Святой Іовангели” translated into the Kozlovo subdialect of the Karelian language in 1820. This study is of high relevance due to the absence of papers describing the morphological system features of the language of this account, which is a key element in the study of the Karelian language history and dialectology.

As part of the work, the materials from the translated text were compared to the data gathered during the linguistic expedition to the Kozlovo area of the Tver Karelian settlement in the summer of 2020, as well as to the data from the handwritten grammar of the Tver Karelian language by A. A. Belyakov (1948) and the grammar of the new scripted variant of the Tver Karelian language, based on dialectal material for the same group of subdialects as the translation of the Gospel. In addition, the revealed features are compared to the materials of other Karelian supradialects and dialects, both contemporary and presented in late 19th century descriptions.

The article examines two grammatical categories of nominals: the number and the case. The analysis of the material led to the conclusion that the language of the manuscript is archaic, and also revealed a number of phenomena that were not presented in modern Tver Karelian subdialects and helped to identify the innovative features of relatively recent origin in the subdialects.

Keywords

Karelian language, dialectology, written monuments, linguistic expedition, grammar, nominal inflectional system, archaism, innovation

Acknowledgements

The preparation of the corpus and concordance of the text, as well as expeditionary work, was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00403 “Digital description of the dialects of the Uralic languages based on the analysis of big data”, the analysis of the linguistic data of the monument was carried out under the state order of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (research topic no. 121070700122-5)

For citation

Novak I. P. Nominal Morphology of the Tver Karelian Translation of “Gospel of Mark”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-9-20

В 2020 г. исполнилось 200 лет первому печатному изданию на тверском карельском языке – переводу Евангелия от Матфея «Герранъ мія́нь Шюндю-руѡхтынанъ Святой Іовангели Матвѣйста» (1820)¹, а также рукописи перевода Евангелия от Марка «Маркешта Святой Іовангели»², поступившей в том же 1820 г. в Российское библейское общество. Эти переводы относятся исследователями к одним из первых лексикографических памятников тверского карельского языка. Им предшествует лишь недавно обнаруженная в авторском сборнике древнерусского книжника Прохора Коломнятина карело-русская словарная запись 1668 г. «Сказание о преведении корѣльскаго речения на слове(н)ский» [Савельева, 2019].

Тверские карельские переводы Евангелий являются памятниками исключительного значения для исследования истории карельского языка, его исторической грамматики, а также диалектологии. В них представлен тверской карельский диалект (козловский говор) собственно карельского наречия начала XIX в., т. е. того периода, когда карелы, переселившиеся в XVI–XVII вв. с исторической родины – северо-западного Приладожья, проживали в Верх-

¹ Герранъ мія́нь Шюндю-руѡхтынанъ Святой Іовангели Матвѣйста, Карьяланъ кѣлѣлля. Пійтери, 1820. 96 с.

² РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1820 г. Д. 313. Л. 62–99.

неволежье около двух столетий. С одной стороны, в языке еще сохранились отдельные архаичные черты древнекарельского языка, с другой – в нем уже наметились основные черты, характеризующие тверскую диалектную речь. На момент создания переводов (1817–1820 гг.) язык еще не был подвержен сильному влиянию со стороны соседнего русского языка, поскольку вплоть до конца XIX в. карельский язык в регионе оставался основным средством общения [Громова, 2011, с. 44].

Оба перевода Евангелий были выполнены священником села Козлова Вышневолоцкого уезда Григорием Ефимовичем Введенским и священником Новоторжского духовного уездного училища Матвеем Андреевичем Золотинским [Тверские переводные памятники..., 2020, с. 3–12]. История возникновения переводов четко прослеживается по архивным источникам³, что позволяет идентифицировать их язык как козловский говор тверского карельского диалекта начала XIX в. Публикация перевода Евангелия от Матфея вызвала большой резонанс в финно-угроведении. Второй же памятник, перевод Евангелия от Марка, долгое время оставался неизвестным лингвистам, пока не был обнаружен в 1959 г. в фондах Российского библейского общества Г. Н. Макаровым. Им же была подготовлена и опубликована первая расшифровка рукописи [Макаров, 1971].

Описанию графической, фонетической и лексической систем языка обоих памятников посвящен ряд статей отечественных языковедов⁴, однако морфологическая система переводов до сих пор не становилась предметом анализа. В рамках настоящего исследования для платформы Lingvodoc были подготовлены корпус и конкорданс текста перевода Евангелия от Марка⁵, на основании которого произведен анализ его именной словоизменительной системы. К исследованию привлечены также рукописная «Грамматика карельского языка: Калининское наречие собственно-карельского диалекта» А. А. Белякова [1948], грамматика тверского карельского новописьменного языка [Новак, 2020], образцы тверской карельской речи второй половины XX в.⁶, а также полевые материалы экспедиции 2020 г. в Козловское сельское поселение Спировского района Тверской области (4 информанта: И1 – 1965 г. р., урожд. д. Еремеевка, И2 – 1957 г. р., урожд. д. Житниково, И3 – 1947 г. р., урожд. д. Березай, И4 – 1943 г. р., урожд. д. Березай), анализ материалов которой позволил определить ряд категорий, продуктивных в языке памятника, но вышедших из активного употребления в современном тверском карельском диалекте.

Для карельского языка, относящегося к языкам агглютинативного типа⁷, характерна следующая структура именной словоформы: лексическая основа слова + показатель числа + падежное окончание + притяжательный суффикс. В рамках настоящей статьи предлагается обратиться к анализу категорий числа и падежа.

Грамматическая категория числа

Для именной словоизменительной системы языка анализируемого памятника характерно противопоставление единственного (не маркировано) и множественного числа (соотношение 77 к 23 %).

³ РГИА Ф. 808. Оп. 1. 1820 г. Д. 313.

⁴ Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Прибалтийско-финское языкознание. 1963. Т. 39. С. 70–79; Макаров Г. Н. Карельская рукопись полуторавековой давности // Вопросы финноугорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 176–184; Громова Л. Г. Фонетические особенности языка тверского памятника карельской письменности Евангелия от Матфея // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars IV. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2011. С. 127–134; Громова Л. Г. Некоторые особенности использования кириллицы в тверском памятнике карельской письменности «Евангелие от Матфея» // Актуальные проблемы православной теологии. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2013. Т. 2. С. 58–62.

⁵ Маркешта святой Іовангели. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3619/9/perspective/3619/12/edit> (дата обращения 17.02.2021); Конкорданс Маркешта святой Іовангели. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3596/6/perspective/3596/7/edit> (дата обращения 17.02.2021).

⁶ Открытый корпус вепсского и карельского языков. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения 19.02.2021).

⁷ Ison suomen kieliopin verkkoversio. URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения 12.02.2021).

Для выражения множественного числа **номинатива** и **аккузатива** используется окончание **-ть**, восходящее к уральскому языку-основе [Lehtinen, 2007, S. 67]: *Варраштамизётъ, отаннатъ, (абивойнатъ), вйжагукишётъ, муьнивоътъ, пагатъ азиётъ...* ‘Кражи, взяточничества, обиды, коварства, обманы, плохие дела...’ (7:22)⁸; *...пагинатъ олдыхъ эй югенъ-уьлазётъ.* ‘...речи были неодинаковые.’ (14:56).

В **косвенных падежах** для образования форм множественного числа употребляются суффиксы **-й-**, **-и-**, возводимые языковедами к уральскому языку-основе [Häkkinen, 2002, S. 73], а также **-лой-** / **-лөй-**, восходящий к древнекарельскому языку [Основы..., 1975, с. 54; Leskinen, 1998, S. 365; Tuomi, 1990, S. 195]: *Ляккөмя лягизихъ кюлихъ и линнойхъ...* ‘Пойдем в ближние деревни и города...’ (1:38); *А иче шюввяхъ лъишкйлөйнъ кодилоя, и шильмисся вйкөлойнъ кумарреллахъ...* ‘А сами едят дома вдов и на глазах долго молятся...’ (12:40).

Дистрибуция показателей множественности в тексте памятника не отличается от современного представительства явления в тверских карельских говорах, а также от их распределения в привлекаемых к сравнению грамматиках [Беляков, 1948, с. 42–49; Новак, 2020, с. 53–57]:

1) показатель **-й-** используется:

- в именах с основой на **-а** / **-я**, когда присоединение показателя вызывает чередование **-а** / **-я** : **-о** / **-ө**: *яллой-ла* < *ялга* ‘нога’, *виллой-хъ* < *вилла* ‘шерсть’, *равдой-хъ* < *равда* ‘железо’;
- в многосложных именах с основой на дифтонг, когда в результате присоединения форманта выпадает первый компонент дифтонга: *ойзгьй-да* < *ойзгь* ‘правильный’, *пухтөй-са* < *пухтөй* ‘кровотечение’, *вуйттөй-да* < *вуйттөй* ‘одежда’;

2) показатель **-и-** употребляется:

- в именах на **-а** / **-я**, когда эти гласные выпадают перед показателем множественности: *шильми-сся* < *шильмя* ‘глаз’, *корви-хъ* < *корва* ‘ухо’, *пойи-лда* < *пойга* ‘сын’;
- в двусловных именах с основой на **-е**: *миёги-стя* < *миёш* (миёге-) ‘человек’, *лягизу-хъ* < *ляхинъ* (лягизе-) ‘ближний’, *лапиш-лла* < *лапиш* (лапише-) ‘ребенок’;

3) в остальных словоизменительных типах (одноосновные имена с основой на **-е**, **-и** / **-ы**, лабиализованные гласные, а также односложные имена на дифтонг) используется показатель **-лой-** / **-лөй-**: *лёмбо-лой-ла* < *лёмбо* ‘черт’, *тавды-лой-сса* < *тавды* ‘болезнь’, *пуь-лой-ста* < *пуь* ‘дерево’.

Для языка памятника допустимым является использование двух вариантов образования форм множественного числа от двусловных имен с основой на **-е**: *кязи-хъ* < *кязи* (кяде-) ‘река’, но *възи-лөй-хъ* < *възи* (въде-) ‘вода’. Для современных тверских говоров, как и для некоторых других говоров собственно карельского и ливвиковского наречий, также характерно отсутствие унификации в данной позиции [Беляков, 1948, с. 50–51; Бубрих и др., 1997, к. 113; Новак и др., 2019, с. 185].

Грамматическая категория падежа

Падежная система памятника представлена 14 падежами. Самыми частотными являются грамматические падежи, однако между объектными падежами в таблице частоты встречаемости падежных форм (см. таблицу) оказался внешнеместный падеж адессив, что объясняется включением в круг его значений в собственно карельском наречии полного набора функций аллатива. Довольно распространены местные падежи иллатив, элатив, инессив, аблатив, а также падеж состояния эссив, тогда как случаев использования транслатива в переводе встречается мало (29 словоформ). Самыми редкими оказались падежи с конкретной семантикой инструктив и абессив (36 и 10 словоформ).

⁸ Здесь и далее для контекстных примеров в скобках через символ «:» приводятся номера соответствующих глав и стиха.

Частота встречаемости падежных форм в тексте памятника и падежные маркеры
Frequency of occurrence of case forms in the text of the monument and case endings

Падеж	Встречаемость,			Падежный показатель		
	% от всех именных словоформ	ед. ч.	мн. ч.	памятник	Беляков А.А., 1948	Новак И.П., 2020
Номинатив	28,6	23,53	5,07	-, -тъ (мн.)	-, -т (мн.)	-, -t (мн.)
Партитив	15,67	12,55	3,12	-ă / -я̃, -ô / -ö, -ě, -та / -тя, -да / -дя, -я (мн.)	-a / -ä, -o / -ö, -e, -da / -dä, -ta / -tä	-a / -ä-, -o / -ö, -e, -da / -dä, -ta / -tä
Адессив	15,35	9,91	5,43	-лла / -лля	-лла / -llä	-lla / -llä
Генитив	13,93	10,85	3,08	-нъ; -(i)ěнь (мн.)	-н	-n
Аккузатив	9,14	7,34	1,8	-, -нъ, -тъ	-, -н, -т (мн.)	-, -n, -t (мн.)
Иллатив	5,13	4,11	1,02	-хъ, -зѣ, -же	-х	-h
Элатив	4,22	2,8	1,42	-шта / -штя, -ста / -стя	-шта / -штä, -ста / -stä	-šta / -štä, -sta / -stä
Инессив	3,2	2,58	0,62	-шиша / -шиша, -сса / -сся	-шиша / -шишä, -сса / -ссä	-šša / -ššä, -ssa / -ssä
Эссив	1,86	1,33	0,53	-на / -ня	-на / -ня	-na / -nä
Аблатив	1,25	1,12	0,13	-лда / -льдä	-лда / -ldä	-lda / -ldä
Инструктив	0,76	0,06	0,7	-нъ	отсутствует	отсутствует
Транслатив	0,62	0,6	0,02	-кшии, -кси	-кшии, -кси	-kši, -ksi
Абессив	0,21	0,19	0,02	-тта / -ттä	-тта / -ttä	-tta / -ttä

Морфологически исходной формой склонения имен служит **номинатив**, не имеющий в единственном числе специального окончания: ...*жé Мивнъ вгълли, и Мивнъ чикко, и Муѳ-мо Мивла онъ*. ‘...тот Мой брат, и Моя сестра, и Мать мне.’ (3:35); *Кънъ-мубнъ Тямя онъ, іотто и туўли и мъри Гяндя куўнёллахъ?* ‘Кто такой Это есть, что и ветер и море Его слушаются?’ (4:41).

Показателем **генитива** единственного числа является **-нъ**, возводимый к уральскому праязыку [Lehtinen, 2007, S. 67]: ...*да ііѳкшіёчєннѳ-тяхъ, и гяне́нъ-кєра олііє́нъ-тяхъ*... ‘...да ради клятвы и ради с ним находящихся...’ (6:26); ...*рохкуѳчєгуѳ мяни Пилуѳтанъ-луѳ, и пак-кой Шюндюруѳхтынѳ гібіє́дѳ*. ‘...осмелившись, вошел к Пилату и просил тело Иисуса.’ (15:43). Образование форм множественного числа генитива происходит следующим образом:

1) с основой множественного числа на $-(C^9)i / -(C)i$ используется окончание генитива **-ёнъ**: *ріѳгкі-ёнъ* < *ріѳгкѳ* ‘грех’, *инегмизі-ёнъ* < *инегминъ* ‘человек’, *вангі-ёнъ* < *ванга* ‘старый’;

2) с основой множественного числа на дифтонг употребляется окончание **-нъ** или **-(i)ёнъ**: *ови-лой-нъ* < *ови* ‘дверь’, *лёмбо-лой-нъ* < *лёмбо* ‘черт’, *куѳлгъ-нъ* < *куѳліє* ‘покойник’; *каргу-лоі-ёнъ* < *каргу* ‘медведь’, *шигѳі-ёнъ* < *шигѳа* ‘свинья’, *ялгѳі-ёнъ* < *ялгѳа* ‘нога’. Отсутствие унификации в данной позиции может объясняться трудностями передачи форм средствами кириллицы.

Схожее распределение показателей генитива множественного числа характеризует ливвиковские и собственно карельские говоры Карелии [Бубрих и др., 1997, к. 113–114], что позволяет возвести его к древнекарельскому периоду развития языка, когда произошел переход прибалтийско-финских праязыковых показателей **-ten* > *-jen*, **-den* > *-en*. [Новак и др., 2019, с. 197].

В ходе полевой работы для генитива удалось зафиксировать употребление единого окончания **-п** (= **-нъ**), что отражено и в грамматиках [Беляков, 1948, с. 42; Новак, 2020, с. 59–60]: *gul’uz’in myöjōin kohat*¹⁰ ‘места продавцов голубей’ (И1); *vanhoin kniigoin alla* ‘под старыми книгами’ (И2); *Nämä oldih šigoin paimenet*. ‘Это были пастухи свиней’ (И3); *Koirat šyvväh stolan alla lapšin muruloida*. ‘Собаки едят под столом крошки детей.’, *jalloin alla* ‘под ногами’ (И4). Результаты опроса информантов, наряду с анализом тверских карельских диалектных текстов второй половины XX в., указывают на утрату тверскими говорами исконной системы образования форм множественного числа генитива, представленной в языке перевода. Наличие форм на *-en*, зафиксированных языковедами в толмачевских говорах конца XIX – начала XX в. [Пунжина, 1975, с. 108], позволяет датировать упрощение системы первой половиной прошлого столетия.

Дистрибуция показателей **партитива** единственного числа, возводимых к финно-угорскому аблативу на **-tA*, подвергшемуся в прибалтийско-финском праязыке суффиксальному чередованию **-tA* : **-δA* [Häkkinen, 2002, S. 78; Lehtinen, 2007, S. 122], зависит от типа лексической основы слова. При склонении двух- и более сложных одноосновных имен на одиночный гласный используются показатели **-ѳ / -ѳ**, **-ѳ / -ѳ**, **-ѳ**, присоединение которых приводит к образованию восходящего дифтонга: *паглу-ѳ* < *пагѳа* ‘завязка’, *пѳйві-ѳ* < *пѳйвя* ‘день’, *элу-ѳ* < *эло* ‘добро, имущество’, *лизѳвяю-ѳ* < *лизѳвѳ* ‘добавка’, *мѳвкю-ѳ* < *мѳвкю* ‘буханка хлеба’, *генгі-ѳ* < *генгі* ‘душа’; тогда как образование форм партитива от одноосновных имен с основой на дифтонг и двусосновных имен происходит путем присоединения к основе (согласной у двусосновных) формантов **-та / -тя** (в глухой фонетической позиции), **-да / -дя** (в звонкой фонетической позиции): *рагѳаши-та* < *рагѳаши* ‘народ’, *мѳт-тя* < *мѳзи* ‘мед’, *муѳ-да* < *муѳ* ‘земля’, *юѳр-да* < *юѳри* ‘корень’. В грамматиках тверского карельского языка [Беляков, 1948,

⁹ Под символом «С» подразумевается любая согласная фонема.

¹⁰ Передача примеров, записанных от информантов, производится в упрощенной финно-угорской транскрипции.

с. 44–45; Новак, 2020, с. 61–62], как и в разговорной речи современных тверских карелов, распределение формантов происходит аналогичным образом.

Множественное число партитива в тексте памятника образуется путем присоединения трех вариантов показателей:

1) с основой множественного числа на $-(C)i / -(C)\bar{i}$ используется окончание $-\bar{e}$: *муд̄зи-̄е* < *муд̄нь* ‘такой’, *р̄я̄х̄ки-̄е* < *р̄я̄х̄кя* ‘грех’, *таймены-̄е* < *таймень* ‘всход’;

2) с основой множественного числа на дифтонг $-oi / -öi$ употребляется окончание $-я$, при этом происходит слияние конечного компонента дифтонга с аналогичной начальной фонемой показателя: *шано-я* < *шана* ‘слово’, *па̄зино-я* < *па̄зина* ‘разговор’, *пӯ-ло-я* < *пӯ* ‘дерево’, *шиво-ло-я* < *шивотъ* ‘поясница’, *тиги-л̄о-я* < *тиги* ‘мошкора’;

3) с основой множественного числа на прочие дифтонги используется окончание $-да$: *ой̄г̄й-да* < *ой̄г̄й̄* ‘правильный’, *вуй̄тт̄ей-да* < *вуй̄тт̄ей̄* ‘одежда’. Схожая система характерна и для собственно карельских говоров Карелии [Бубрих и др., 1997, к. 115–118; Новак и др., 2019, с. 201–202].

В ходе полевой работы удалось зафиксировать лишь две из представленных в памятнике схем образования партитива множественного числа – на $-e (= -\bar{e})$ и $-da / -d'ä (= -da / -d\bar{a})$, что опять же указывает на упрощение данной системы. На месте показателя множественного партитива $-ja / -j\bar{ä} (= -я)$ используется формант $-da / -d'ä$, например, *Opaštujat pöl'l'äššyttih hänen paginoida*. ‘Ученики испугались его разговоров.’ (И1); *Mie n'ian mieštä kuin puuloida*. ‘Я вижу людей как деревья.’, *eu pert'il'oid'ä* ‘нет изб’ (И2); *Hyö perguáčettih kivil'oid'ä vaš*. ‘Они бились о камни.’ (И3); *Ken huiguačou hiän šanoida*. ‘Кто стыдится их слов.’, *evle järvil'oid'ä* ‘нет озер’ (И4). Стоит отметить, что еще во второй половине XX в. в анализируемых говорах были зафиксированы редкие формы на $-ja / -j\bar{ä} (= -я)$ [Бубрих и др., 1997, к. 115, 118], однако в грамматике А. А. Белякова они не упоминаются [Беляков, 1948, с. 44–45]. При этом самый старший из опрошенных информантов единожды употребил древнюю форму множественного числа партитива на $-ja / -j\bar{ä}$ в одном ряду с формой на $-da / -d'ä (= -da / -d\bar{a})$: *Evle vellilöijä, evle čikkoloida*. ‘Нет братьев, нет сестер.’ (И4).

Функции лишенного собственного окончания падежа **аккузатива** (см. [Lehtinen, 2007, S. 124]) распределены между номинативом и генитивом: *...пани ома̄тъ шорм̄г̄тъ гянен̄ъ корвих̄...* ‘...положил свои пальцы на его уши...’ (7:33); *К̄г̄нь куй̄нь тах̄тов̄ ший̄-лютт̄ия̄ ома̄ ген̄зи, гявит̄тяв̄ гянен̄ъ...* ‘Кто если хочет сберечь свою душу, тот потеряет ее...’ (8:35).

Образование местных падежей элатива (на $-шта / -шт̄я, -ста / -ст̄я$ (после *и*)) и аблатива (на $-лда / -л̄д̄я$), падежей состояния эссива (на $-на / -н̄я$) и транслатива (на $-кши, -к̄си$ (после *и*)), а также практически вытесненного адессивом из современных говоров инструктива (на $-н̄ь$)¹¹ в морфологической системе памятника не обнаруживает каких-либо отличий с их современным представительством в тверском карельском диалекте [Беляков, 1948, с. 43–49; Новак, 2020, с. 64–71].

Например, **элатив**: *И Іерусалимашта, и Идум̄г̄яшта, и шильд̄я пуд̄лда Іорданӯ, и Тий̄ра-шта, и Сидонашта...* ‘И из Иерусалима, из Идумеи и с другого берега (букв. с той стороны) Иордана, и из Тиры, и из Сидона...’ (3:8); *И й̄я̄льди вай̄вуй̄чих̄ й̄й̄иста ной̄иста...* ‘И много мучилась от многих колдунов...’ (5:26);

аблатив: *...кум̄баз̄ел̄да м̄й̄ п̄я̄н̄ь л̄г̄й̄кан̄ Ій̄ванал̄да...* ‘...у которого я голову отрезал у Иоанна...’ (6:16);

эссив: *И шано̄ г̄й̄ля̄ шин̄я̄ п̄я̄на̄ ил̄лал̄ла...* ‘И сказал им в тот день вечером...’ (4:35);

¹¹ Показатель элатива возводится к финно-волжскому аффиксу $*-stA$, аблатива – к прибалтийско-финскому форманту $*-ltA$, эссива – к финно-угорскому локативу на $*-nA$, транслатива – к финно-угорскому лативу на $*-k$ и $*-s$, инструктива – к финно-угорскому генитиву на $*-n$ (см.: [Основы..., 1975, с. 56–59; Häkkinen, 2002, S. 79–85; Lehtinen, 2007, S. 67–124].

транслатив: *И гюё ваишахъ шаноттыхъ, Русситтякии Йіванакии...* ‘И они в ответ сказали: Иоанном Крестителем...’ (8:27); *Мивнъ коди, малитту-коикси нимиттіячөвъ...* ‘Мой дом домом молитвы называется...’ (11:17);

инструктив: *И истубочеттыхъ туккулойнъ шавойнъ мёгинъ, вйизинъ кюммънинъ.* ‘И сели группами по сто человек, по пятьдесят.’ (6:40).

В тексте памятника удалось обнаружить архаичные формы эссива порядковых числительных *энжимяс-ся* < *энжимянъ* ‘первый’, *тойс-са* < *тойнъ* ‘второй’, образованные от согласной основы, наряду с возводимой к гласной основе словоформе *энжимязё-на*. Аналогичные формы были отмечены и в первых дескриптивных описаниях собственно карельского и ливвиковского наречий [Genetz, 1880, S. 191; 1885, S. 148], что позволяет возвести их к древнекарельскому языку.

Образование в тексте перевода падежей инессива (*-иша / -ишия, -сса / -сся* (после *и*)), адессива (*-лла / -лля*) и абессива (*-тта / -ття*)¹² практически не отличается от современного представительства данных категорий:

инессив: *...а вайнъ омалла ранналла, геймокуннаиша и омашша коисса эй панна.* ‘...а только в своем крае, в роду и в своем доме не считают.’ (6:11);

адессив: *И тямьнъ-муёзилла ййилля арвавамизилла пагизи гыйля пагинуй...* ‘И такими многими загадками говорил им речь...’ (4:33);

абессив: *И гюё йяньття олдыхъ.* ‘И они молчали (букв. без голоса были).’ (3:4).

Анализ полного набора рассматриваемых падежных словоформ из памятника, однако, позволил выявить сокращение геминаты показателя в позиции после дифтонга на *й*: *пухтёй-са* *пухтыё* ‘кровотечение’, *канжой-са* < *канжа* ‘народ’, *арваванной-ла* < *арваванда* ‘загадка’, *вой-ла* < *вой* ‘масло’, *гуулилой-ла* < *гуули* ‘губа’, *арваванной-та* < *арваванда* ‘загадка’. Аналогичное явление характеризует словоизменительную систему личных и указательных местоимений всех собственно карельских диалектов, что свидетельствует о его архаичности. Материалы грамматик [Беляков, 1948, с. 46–49; Новак, 2020, с. 64–73], а также результаты опроса информантов позволяют говорить о сохранении описанного явления лишь в формах адессива местоимений, тогда как в остальных именах регулярно употребляются показатели, содержащие удвоенные согласные: *Yks'i nain'e oli puhteissa*. ‘Одна женщина была в кровотечении.’, *T'iešuaroilla luokšittih vähävägöz'ie*. ‘На перекрестки бросали слабых.’, *Hiän tul'i kirjoitta*. ‘Он пришел без писем.’ (И1); *Hyö ei lugiettu kirjoissa*. ‘Они не читали в письмах.’, *Hyö ruvetah pagizomah toiz'illa kiel'il'öl'Y'ä*. ‘Они будут разговаривать на других языках.’ (И2); *Hyö ollah kibuloissa*. ‘Они в болезнях.’, *I šano hiän puulla*. ‘И сказал он дереву.’ (И3); *Hyö peeret't'ih heid'ä kivil'öl'Y'ä*. ‘Они били их камнями.’, *Hiän el'i jalloitta*. ‘Он жил без ног.’ (И4).

К особенностям именной словоизменительной системы перевода относится также употребление окончания **иллатива** *-зё, -же* в именах со стяженными основами на *-гъ-, -га-*: *тайвага-же* < *тайваигъ* ‘небо’, *вгньгъ-же* < *вгньгъ* ‘лодка’, наряду с продуктивным на настоящий момент формантом *-хъ*: *Ляккёмя лягизихъ кюлихъ и линнойхъ...* ‘Пойдем в ближние деревни и города...’ (1:38); *А шихъ паявяхъ-нягъ, али кодахъ-нягъ, ни кънъ эй тийя...* ‘А о том дне, или о часе, никто не знает...’ (13:32). Употребление архаичных показателей иллатива *-ze, -že*, восходящих к слабоступенному варианту праприбалтийско-финского показателя **-sen* [Häkkinen, 2002, S. 81–82; Lehtinen, 2007, S. 124], наряду с вепским и ижорским языками, отмечается исследователями и в ранних дескриптивных описаниях карельских говоров Карелии [Genetz, 1872, S. 19; 1880, S. 191; 1885, S. 149]. В грамматиках тверского карельского языка данные архаичные формы не представлены. В ходе работы экспедиции записать их также не удалось: *Pane valmeheh rokkah šuolua*. ‘Добавь в готовый суп соли.’ (И1); *Kačah-tahuo taivahah hiän hiät r'is's'it't'i*. ‘Взглянув на небо, он их перекрестил.’ (И2); *Hyö otettih*

¹² Формант инессива возводится к финно-волжскому аффиксу **-snA*, адессива – к прибалтийско-финскому показателю **-lla*, абессива – к прибалтийско-финскому форманту **-tta* [Основы..., 1975, с. 56–58; Häkkinen, 2002, S. 77–84; Lehtinen, 2007, S. 67–124].

hänen omah pereheh. ‘Они взяли его в свою семью.’ (ИЗ); *Hiän istuoči veneheh.* ‘Он сел в лодку.’ (И4)

Сравнительный анализ именной словоизменительной системы памятника с современными тверскими карельскими говорами позволил выявить в них два инновационных падежа, не представленных в анализируемом переводе. Речь идет о падежах послеложного образования – **комитативе** и **аппроксимативе**.

В тексте памятника передача значения сопровождающего действия и совместимости произведена при помощи послеложной конструкции генитив + **кера** ‘с’, например, *Шильмиёнъ-кера, и эття ния? корвиёнъ-кера, и эття куёле?* ‘С глазами и не видите? С ушами и не слышите?’ (8:18); *...яйянь вийнь-кера и шуурёнъ кавнегуёнъ-кера.* ‘...с большою силою и большою славою.’ (13:26). К настоящему моменту данная конструкция, в результате утраты послеложного самостоятельного ударения, приведшего к слиянию показателя генитива и редуцированного послелога, переросла в самостоятельный падеж с окончанием **-nke(na)**: *Mie tulín čikon-kena i vel’l’enkena.* ‘Я пришел с сестрой и с братом.’ (И1); *Mäne Jumalanke!* ‘Иди с Богом!’ (И2); *Mid’ä tulit ominke kibuloinke?* ‘Что пришел со своими болезнями?’ (ИЗ); *Hiän tuli pahoinke vies’t il’öinke.* ‘Он пришел с плохими новостями.’ (И4).

Выражение значения движения по направлению к чему-либо, кому-либо в языке памятника также передается при помощи послеложной конструкции генитив + **луд / лудхъ** ‘к’: *...и кайки развашъ ашиуттыхъ Гянёнъ-луд...* ‘...и весь народ шел к нему...’ (2:13), *...Иисусъ лясси мьренъ-лудхъ...* ‘...Иисус пошел к морю...’ (3:7). В речи информантов было выявлено использование падежа послеложного образования аппроксиматива с формантом **-lloo / -llyö**: *Jumala l’äks’i goralluoh.* ‘Бог пошел к горе.’ (И1); *Naroda ker’äydy oviloilluo.* ‘Народ собрался к дверям.’ (ИЗ); *Hiän l’äks’i järvel’lyö.* ‘Он отправился к морю.’ (И4). Аналогичная падежная форма характерна для ливвиковского и людиковского наречий карельского языка, в которых ее возникновение объясняется исследователями влиянием соседнего вепсского языка [Ковалева, Родионова, 2011, с. 87–88]. Результаты настоящего исследования, в свою очередь, указывают на то, что переход послеложных конструкций древнекарельского языка в падежные формы мог произойти в формирующихся наречиях и диалектах самостоятельно, в результате их внутреннего развития.

Следует отметить, что в современных говорах оба падежа соответствуют всем основным фонологическим и морфосинтаксическим критериям, предъявляемым к самостоятельным падежам: наличие передне- и заднерядного вариантов окончания, редукция и утрата им самостоятельного ударения, ассимиляция на месте прежней границы генитивной словоформы и послелога, соответствие формального и реального числа, согласование определения с определяемым словом, повтор окончания при однородных членах предложения, открытость лексического выбора [Зайцева, 1981, с. 38–41; Кросс, 1983, с. 253].

Анализ именной словоизменительной системы памятника «Маркешта Святой Ювангели» в сравнении с современным козловским говором, позволил выявить целый ряд возводимых к древнекарельскому периоду функционирования карельского языка особенностей, указывающих на архаичность языка перевода:

- 1) отличная от современной система падежных окончаний партитива и генитива множественного числа;
- 2) наличие геминированных и негеминированных вариантов падежных окончаний инессива, адессива и абессива;
- 3) использование особого окончания иллатива;
- 4) продуктивность падежа инструтива.

Кроме того, в процессе исследования удалось определить инновационные падежные формы комитатива и аппроксиматива, сформировавшиеся в исследуемом ареале в недавнем прошлом.

Памятник тверского карельского языка «Маркешта Святой Ювангели», наряду с переводом «Герранъ миянь Шюндю-рудохтынанъ Святой Ювангели Матвѣйста», несомненно,

должен быть использован лингвистами в качестве важнейшего звена в процессе изучения истории карельского языка и определения характеристик его древнего этапа развития. Дальнейший подробный анализ языка переводов может помочь также в решении целого ряда проблем диалектного членения языка.

Список литературы

- Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В.** Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. + 209 с.
- Громова Л. Г.** Особенности развития карельской письменности на толмачевском говоре тверского диалекта // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2011. С. 42–54.
- Зайцева Н. Г.** Именное словоизменение в вепсском языке. Петрозаводск: Карелия, 1981. 218 с.
- Ковалева С. В., Родионова А. П.** Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2011. 138 с.
- Кросс К.** Граница падежной формы и наречия в инструктиве прибалтийско-финских языков // Сов. финно-угроведение. 1983. Т. 18. С. 253.
- Макаров Г. Н.** Рукопись переводного памятника карельского языка начала прошлого века (Евангелие от Марка) // Прибалтийско-финское языкознание. 1971. № 5. С. 96–122.
- Новак И. П.** Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
- Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л.** Карельский язык в грамматиках. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
- Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. 348 с.
- Пунжина А. В.** Именные категории в калининских говорах карельского языка. Рукопись дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1975. 175 с.
- Савельева Н. В.** Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.
- Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.
- Genetz A.** Wepsän pohjoiset etujoukot. *Kieletär*, 1872, no. 4, S. 3–32, no. 5, S. 3–26. (на фин. яз.)
- Genetz A.** Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, SKS, 1880, 247 р. (на фин. яз.)
- Genetz A.** Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, SKS, 1885, 194 р. (на фин. яз.)
- Häkkinen K.** Suomen kielen historia. Turku, Turun yliopisto, 2002, 126 S. (на фин. яз.)
- Lehtinen T.** Kielen vuosituhannet. Helsinki, SKS, 2007, 308 S. (на фин. яз.)
- Leskinen H.** Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In: Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, SKS, 1998, S. 352–382. (на фин. яз.)
- Tuomi T.** Itämurteiden loi-monikosta ja eräistä sekundaareista monikon merkeistä. In: Laatokan piiri. Helsinki, VAPK-kustannus, 1990, S. 190–200. (на фин. яз.)

Список источников

- Беляков А. А.** Грамматика карельского языка. Рукопись. Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 43. Д. 110. Петрозаводск, 1948.
- Макаров Г. Н.** О рукописном памятнике карельского языка первого десятилетия прошлого века. Рукопись. Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 18. Оп. 1. Д. 28 (1). Петрозаводск, 1962.
- Маркешта Святой Іовангели. Рукопись. 1820. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 808. Оп. 1. Д. 313. Л. 62–99. (на кар. яз.)

Об издании книг Священного Писания на карельском языке. Рукопись. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 808. Оп. 1. Д. 313. СПб., 1820.

References

- Bubrikh D. V., Belyakov A. A., Punzhina A. V.** Dialektologicheskii atlas karel'skogo yazyka [Dialectological atlas of the Karelian language]. Helsinki, SUS, 1997, 10 p. + 209 maps. (in Finn. and Russ.)
- Genetz A.** Wepsän pohjoiset etujoukot. *Kieletär*, 1872, no. 4, S. 3–32, no. 5, S. 3–26. (in Finn.)
- Genetz A.** Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, SKS, 1880, 247 p. (in Finn.)
- Genetz A.** Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, SKS, 1885, 194 p. (in Finn.)
- Gromova L. G.** Osobennosti razvitiya karel'skoi pis'mennosti na tolmatchevskom govore tverskogo dialekta [Features of the development of Karelian writing in the Tolmachi subdialect of the Tver dialect]. In: Tverskie karely: istoriya, yazyk, kul'tura [Tver Karelians: history, language, culture]. Tver, TvSU Press, 2011, pp. 42–54. (in Russ.)
- Häkkinen K.** Suomen kielen historia. Turku, Turun yliopisto, 2002, 126 S. (in Finn.)
- Kovaleva S. V., Rodionova A. P.** Traditsionnoe i novoe v leksike i grammatike karel'skogo yazyka [Traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language]. Petrozavodsk, KarRC RAS Згидю, 2011, 138 p. (in Russ.)
- Kross K.** Granitsa padezhnoi formy i narechiya v instruktivne pribaltiisko-finskikh yazykov [The boundary of the case form and adverb in the instructional of the Baltic-Finnish languages]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric Studies]*, 1983, vol. 19, p. 253. (in Russ.)
- Lehtinen T.** Kielen vuosituhannet. Helsinki, SKS, 2007, 308 p. (in Finn.)
- Leskinen H.** Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In: Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, SKS, 1998, pp. 352–382. (in Finn.)
- Makarov G. N.** Rukopis' perevodnogo pamyatnika karel'skogo yazyka nachala proshlogo veka (Evangelie ot Marka) [The manuscript of the translated monument of the Karelian language of the beginning of the last century (the Gospel of Mark)]. *Pribaltiisko-finskoe yazykoznanie [Baltic-Finnish linguistics]*, 1971, no. 5, pp. 96–122. (in Russ.)
- Novak I. P.** Grammatika tverskogo karel'skogo yazyka [Tver Karelian grammar]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2020, 177 p. (in Russ.)
- Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.** Karel'skii yazyk v grammatikakh [Karelian in grammars]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2019, 479 p. (in Russ.)
- Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija: Pribaltiisko-finskije, saamskii i mordovskie yazyki [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Baltic-Finnish, Saami and Mordovian languages]. Moscow, Nauka, 1975, 348 p. (in Russ.)
- Punzhina A. V.** Imennye kategorii v kalininskikh govorakh karel'skogo yazyka [Nominal categories in Kalinin dialects of the Karelian language]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Petrozavodsk, 1975, 175 p. (in Russ.)
- Saveleva N. V.** Neizvestnye pamyatniki leksikografii v “Tsvetnike” Prokhora Kolomnyatina [Unknown monuments of lexicography in “Tsvetnik” by Prokhor Kolomnyatin]. *Russian Literature*, 2019, no. 3, pp. 54–63. (in Russ.)
- Tuomi T.** Itämurteiden loi-monikosta ja eräistä sekundaareista monikon merkeistä. In: Laatokaan piiri. Helsinki, VAPK-kustannus, 1990, pp. 190–200. (in Finn.)
- Tverskie perevodnye pamyatniki karel'skoi pis'mennosti nachala XIX veka [Tver translated monuments of Karelian writing of the early 19th century]. Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2020, 295 p. (in Russ.)
- Zaitseva N. G.** Imennoe slovoizmenenie v vepsskom yazyke [Nominal inflection in Vepsian]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1981, 218 p. (in Russ.)

List of Sources

- Belyakov A. A.** Grammatika karel'skogo yazyka [Karelian grammar]. Manuscript. Scientific Archives of the Karelian Research Center RAS (NA KarRC RAS), f. 1, i. 43, c. 110, 1948.
- Makarov G. N.** O rukopisnom pamyatnike karel'skogo yazyka pervogo desyatiletiya proshlogo veka [About the manuscript monument of the Karelian language of the first decade of the last century]. Manuscript. Scientific Archives of the Karelian Research Center RAS (NA KarRC RAS), f. 18, i. 1, c. 28 (1), 1962.
- Ob izdanii knig Svyashchennogo Pisaniya na karel'skom yazyke. Manuscript. Russian State Historical Archives (RSHA), f. 808, i. 1, c. 313, 1820.
- The Holy Gospel of Mark. Manuscript. Russian State Historical Archives (RSHA), f. 808, i. 1, c. 313, 1820, pp. 62–99.

Информация об авторе

Ирина Петровна Новак, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57221912667
WoS Researcher ID AAG-6900-2021
SPIN 9366-5460

Information about the Author

Irina P. Novak, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57221912667
WoS Researcher ID AAG-6900-2021
SPIN 9366-5460

*Статья поступила в редакцию 19.02.2021;
одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 02.02.2022
The article was submitted 19.02.2021;
approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 02.02.2022*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-21-33

Терминологический инструментарий описания связующих единиц русского языка

Наталья Владимировна Кузнецова¹

Ольга Викторовна Почтарёва²

^{1, 2} Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

¹ n.v.kuznecova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3473-8639>

² o.v.pochtareva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7902-5635>

Аннотация

Рассматривается динамика теоретического осмысления связующих элементов и развитие терминологического аппарата их описания в рамках русской лингвистической традиции. Выявлены три основных уровня применяемой к связующим единицам терминологии, связанных с самой их природой: они играют важную роль в создании связности устной и письменной речи, потому изучаются в рамках лингвистики дискурса и текста; они используются в организации простого и сложного предложения, а значит, делаются их описания в рамках синтаксиса; они представляют собой особые лексические единицы, неизбежно получая определенную морфологическую характеристику. Терминологический инструментарий описания связующих элементов, существующий в современной русистике, несмотря на некоторую противоречивость, дает возможность выявить их семантико-грамматическое и функциональное своеобразие.

Ключевые слова

термин, связующая единица, союз, модальное слово, вводное слово, коннектор, союзная скрепа, дискурсив

Для цитирования

Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В. Терминологический инструментарий описания связующих единиц русского языка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 21–33. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-21-33

Terminological Tools to Describe the Connecting Units of the Russian Language

Natalia V. Kuznetsova¹, Olga V. Pochtareva²

^{1, 2} Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

¹ n.v.kuznecova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3473-8639>

² o.v.pochtareva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7902-5635>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the dynamics of theoretical understanding of connecting elements and the development of corresponding terminology in the Russian linguistic tradition. The research analyzes classic works of the founders of traditional Russian grammar as well as the latest linguistic works.

Results. The study reveals three main levels of terminology which is applied to connecting units and related to their very nature: connecting units play an important role in creating the coherence of oral and written speech, and therefore

© Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 21–33

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 21–33

are studied in the linguistics of discourse and text; connecting units are used in the organization of simple and complex sentence, and therefore are studied in syntax; connecting units are special lexical units that receive morphological characteristics. In general, we can say that in the 20th century the part-of-speech paradigm moved to syntactic and textual ones. First linguists tried to determine the place of connecting elements among the classes of words (parts of speech), but since the middle of the 20th century the idea of the priority of syntactic function over morphological characteristic has been increasingly expressed. This tendency was clearly manifested in discursive linguistics studying coherent texts and integrating very heterogeneous phenomena on the basis of common functions.

Conclusion. Despite some inconsistency of the modern Russian terminology describing connecting elements it identifies their semantic-grammatical and functional originality.

Keywords

term, connecting unit, conjunction, modal word, parenthetical word, connector, conjunction brace, discourse marker

For citation

Kuznetsova N. V., Pochtareva O. V. Terminological Tools to Describe the Connecting Units of the Russian Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 21–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-21-33

Введение. Постановка проблемы

Языковые единицы, обеспечивающие связность текста, являются традиционным объектом изучения в русистике. За последние полтора века образовался довольно плотный «культурный слой» применяемых по отношению к ним терминов. Как известно, термин «встраивает» явление в некоторый ряд ему подобных, устанавливая внутрисистемные связи, поэтому важно, какой термин мы используем для номинации изучаемых объектов. Сегодня на конференциях при обсуждении докладов, посвященных связующим единицам, можно услышать фразы: «Может быть, это не союз, а дискурсив?» или «А разве это наречие, а не союзная скрепа?» и под. В свете таких разночтений считаем необходимым проследить развитие терминологического аппарата для описания связующих единиц в русской лингвистической традиции. В данной статье мы ставим цель систематизировать слова и сочетания, используемые для обозначения связующих элементов, и выявить природу терминологической неопределенности в этой сфере.

Связующие единицы в аспекте теории частей речи

Элементами, формирующими связное высказывание, называют прежде всего **союзы**. Эту часть речи, вслед за античными грамматиками, выделяли авторы русских грамматик. При этом еще М. В. Ломоносов [1952], приводя среди союзов слова *однакожь, впрочем, посему*, указывал, что «в сложении (т. е. в сочетании) силу союзов приобретают» **наречия**. В начале XX в. в учебнике русской грамматики среди «последовательных» и «заклучительных» союзов названы *сначала, наконец, итак, следовательно* [Петров, 1915, с. 131]. В известном справочнике Я. К. Грота слова *напротив, во-первых, словом, короче* – несомненно, связующие – обозначены как «наречия и другие подобные речения», не входящие в состав предложения, а служащие для обозначения «либо степени уверенности говорящего, либо отношения его к предмету речи, либо основания мысли его и т. п.» [1894, с. 108]. А. А. Шахматов относил к союзам такие единицы, как *ведь, мол, разве, так сказать* [2001, с. 506], считая их результатом конъюнкционализации наречий. Обобщая разные точки зрения на объект, А. М. Пешковский писал о том, что в русском языке есть группа слов, приобретающих союзный оттенок и «сбивающихся еще то на наречие, то на вводное слово» [2001, с. 477]. К таким единицам он относил *тоже, (...) затем, потом, к тому же* и др. – они обладают «малой союзной силой», а потому способны «сливать соединяемые предложения в нечто целое» [Там же] лишь после паузы. По мнению авторов «Граматики русского языка» 1953–1954 гг., такие слова, как *едва, лишь, пока, только, точно* могут одновременно характеризоваться как наречия и союзы [ГРЯ, 1953, т. 1, с. 632]. Как видим, русисты с давних пор не считали понятие союза чем-то незыблемым, отмечая, в частности, родство союзов с наречиями. Возмож-

ность объединения в одну группу наречий и служебных слов нашла отражение в названии современного словаря В. В. Бурцевой [Словарь наречий..., 2010].

Показательно, что В. В. Виноградов, хотя и утверждал, что А. А. Шахматов был категоричен, «несколько преувеличивая роль наречий в процессе образования союзов», сам признавал, что среди не вполне оформившихся как союзы гибридных слов немало таких, которые «совмещают союзные функции с грамматическими значениями наречий» [Виноградов, 2001, с. 328]. Это отмечено и в разделе о союзах, и в разделе о **модальных словах**. Так, связующие единицы *итак, напротив, наконец, все-таки, правда* В. В. Виноградов относил к «промежуточным между союзами и модальными словами (а иногда и наречиями)», а такие слова, как *ведь, вот, тоже* – к «образующим переходный тип от простых союзов к разного рода частицам» [Там же, с. 578]; единицы *напротив, наоборот, впрочем* вначале характеризуются как «переходные частицы союзно-наречного типа» [Там же, с. 601]. В книге нет четкого определения модальных слов, а их круг очерчен лишь приблизительно: каждый ряд примеров, состоящий из трех-четырех слов (сочетаний), оканчивается «и т. д.». Не раз звучит мысль об отсутствии четких критериев отличия модальных слов от модальных частиц. Не случайно некоторые лингвисты считают «название “модальные слова” не вполне удачным» [Сичинава, 2011, с. 32].

Тем не менее термин прижился в русистике; модальные слова находятся в центре внимания лингвистов. Так, Л. А. Гусева последовательно доказывает возможность их выделения в особую часть речи [2017, с. 110]. Другой взгляд представлен в работе Ф. И. Панкова, считающего, что это «не особый категориальный класс, а синтаксическая функция, которую могут выполнять разные части речи» [2003, с. 59]. В монографии М. В. Филипенко также находим утверждение, что модальные слова – функция, которую могут выполнять наречия типа *естественно, безусловно, несомненно* и под. [2003, с. 81]. В. Гладков, называя модальные слова особой частью речи, основным критерием их выделения считает функциональный: с их помощью «передаются различные установки говорящего к концептуализированному положению дел и к способу передачи информации в тексте и в дискурсе» [2009, с. 242]. Он рассматривает модальные слова как поле; единицы, способные выполнять, наряду с прагматической, связующую функцию (*итак, кстати, одним словом* и под.) относятся к периферии этого поля [Там же, с. 247]. На совмещение функций указывает С. И. Богданов, замечая, что значения и функции союзов могут гармонично соединяться с модальными. В качестве примеров исследователь приводит упоминавшиеся В. В. Виноградовым слова *впрочем, наоборот* и др. [Богданов, 1997, с. 38].

То, что для одних грамматистов «гармония», для других – гибридность. В «Грамматике современного русского языка» 1970 г. появляется термин «так называемые **гибридные союзы**», к которым относятся «самостоятельные слова» *значит, итак, во-первых* и др. и частицы *тоже, притом, ведь, даже* и др. [ГСРЛЯ, 1970, с. 313]. Авторы «Словаря служебных слов русского языка» используют термин «слова-гибриды» применительно к лексикализированным предположно-падежным формам существительных, выполняющих связующую функцию в предложении и тексте: *в особенности, к примеру* и т. д. [Словарь служебных слов..., 2001, с. 287]. В «Русской грамматике» 1980 г. подчеркивается, что «класс союзов» постоянно пополняется за счет «формально неизменяемых слов, главным образом из сферы частиц, наречий и вводных (модальных) слов» [РГ, 1980, т. 1, с. 714]. Внутри класса частиц выделяются, в частности, такие гибридные образования, как «частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия и частицы-вводные¹ слова» [Там же, с. 730]. Здесь предложен наиболее полный на сегодняшний день список союзов и их аналогов. «В предметном указателе Грамматики-80 названо 574 союза и их аналога, тогда как в учебных пособиях, даже вузовских, называют обычно 10–15 единиц с последующим “и другие”» [Черемисина, Колосова, 2010, с. 207].

¹ Орфография и пунктуация источника.

Характеризуя конкретные связующие единицы, одни исследователи – очевидно, вслед за академическими грамматиками – используют термины «аналог союза», «союзный аналог», «частица-союз», «союз-частица» / «полифункциональное служебное слово». Другие ограничиваются термином «частица». К. С. Акопян предлагает использовать для описания подобных единиц термин «степень союзности», выстраивая, в частности, градуальную шкалу для слова *только*: частица – частица-союз – аналог союза [2018, с. 29]. Описывая переходные явления между наречиями и служебными словами и стараясь интегрировать разные их функции, исследователи предлагают также термин «омокомплекс» [Шерстяных, 2016].

Накопленный массив данных о том, что связующую функцию могут выполнять не только «канонические» союзы, но и разного рода «гибридные» образования, неизбежно поставил перед русистами вопрос о границах класса союзов. В исследовании А. Ф. Прияткиной указаны три «приметы», позволяющие отделить союз от «союзоподобного элемента»: 1) «подлинный союз не дает контактного сочетания с другим союзом»; 2) «расположение союза внутри одного из соединяемых компонентов для русского языка не характерно»; 3) «союз связывает синтаксически оформленные части текста в единое целое – в конструкцию» [1977, с. 105–106]. Автор, судя по всему, стремится оставить термин «союз» в ведении морфологии. Напротив, М. И. Черемисина и Т. А. Колосова отмечают возможность переосмысления термина «союз», перевода его «из разряда “частеречных” в термины, представляющие синтаксические функции» [2010, с. 179], так как описание союза в рамках исключительно морфологии делает этот термин «весьма неопределённым и расплывчатым» [Там же, с. 207]. Здесь нельзя не вспомнить, что, даже оставаясь в рамках классификации слов, грамматисты писали о «союзной силе», «степени союзности» и т. д. Возможность понимания союза как функции, которую, в частности, способны выполнять «вводные (так называемые модальные) слова», встречаем в академических Грамматике-70 [ГСРЛЯ, 1970, с. 661, 681] и Грамматике-80 [РГ, 1980, т. 2, с. 591].

Сам же термин «**вводные слова**» – единицы, выделяющиеся на основании только синтаксического критерия, – также получил в русистике широкое распространение. Д. В. Сичинава в обобщающем очерке определяет вводные слова как «синтаксический класс, примыкающий к частям речи» [2011, с. 32]. А. М. Пешковский выделял три группы вводных слов, последнюю из которых составили «слова и сочетания, (...) стоящие на рубеже между вводными словами и союзами: *итак, значит, (...) в частности, в конце концов* и т. д.» [2001, с. 410]. Традиционно класс вводных слов, наряду с каноническими частями речи, находим в практических описаниях русской грамматики, например в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка, где вводные слова – «такие неизменяемые слова, которые образуют вводную синтаксическую конструкцию: *итак, во-первых, разумеется, конечно* и т. д.» [1977, с. 7] (см. также [Сичинава, 2011, с. 24]). В словаре В. В. Морковкина вводные слова приводятся как отдельный класс слов наряду с предлогами, союзами, частицами, связочными глаголами и т. д., поэтому встречаем следующие определения: «Конечно – вв. сл. или частица» [2003, с. 172–173]. Вводные слова и частицы представлены как рядоположные и в справочнике по пунктуации на портале «Грамота.ру». Например, при описании лексемы *небось* даны такие дефиниции: «1. Вводное слово. То же, что “вероятно, пожалуй, должно быть”. (...) 2. Частица. Выражает уверенность или предположение. Не требует постановки знаков препинания»².

Связующие единицы в аспекте синтаксиса

Вместе с тем многие русисты отмечают некорректность встраивания вводных слов в систему частей речи. Так, Л. Л. Буланин замечал, что вводные слова не могут считаться лексико-грамматическим разрядом слов по той причине, что вводными могут быть не только отдель-

² http://new.gramota.ru/spravka/punctum?layout=item&id=58_462/ (дата обращения 14.05.2020).

ные слова, но и словосочетания и даже предложения [Буланин, 1976, с. 188]. Попытку учесть это обстоятельство мы видим в словаре О. А. Остроумовой и О. Д. Фрамполя, где в предисловии обосновывается разделение морфологической характеристики и синтаксической функции слова, утверждается, что «вводные слова – это синтаксическая функция частей речи выражать отношение говорящего к сказанному им или к способу оформления своих мыслей» [2009, с. 10]. В целом это разделение в словаре выдерживается, однако встречаются, например, определения: «конечно» – вводное слово в функции вводного [Там же, с. 188]; «итак» – вводное слово в функции вводного [Там же, с. 143] и под. Авторы поясняют, что грамматическую идентификацию подобных слов провести невозможно, так как они потеряли морфологическую связь с существующими частями речи [Там же, с. 11]. В Грамматике-80 раздел, описывающий вводные слова, назван «Построения с вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями», что подчёркивает синтаксическую природу этих единиц. В полном академическом справочнике под ред. В. В. Лопатина по отношению к некоторым связующим элементам (*вернее, точнее, иначе*) применяется «осторожная номинация» [Перфильева, 2015, с. 93] *специальные слова* [Правила..., 2007, с. 252].

На непростую ситуацию с терминологией накладывается необходимость практических рекомендаций по пунктуационному оформлению связующих единиц. На практике оказывается, что самый надёжный источник знаний о том, стоит ли обособлять конкретное слово (выражение), – это списки вводных и «лжевводных» слов в справочниках. Однако, как отмечает И. А. Шаронов, «в словаре под ред. В. В. Морковкина насчитывается 208 вводных, а на сайте “Грамота.ру” их список составляет 397 единиц. Полного списка вводных слов в русском языке нет, и он вряд ли возможен ввиду нечёткости границ класса» [Шаронов, 2018, с. 58]. Л. А. Grenoble указывает, что, несмотря на большое количество работ о вводных и вставных конструкциях (*parentheticals*), нет их однозначного непротиворечивого определения: исследователи при выделении этого объекта изучения опираются на интуицию [Grenoble, 2004, p. 1954], а пунктуация, наряду с интонацией, рассматривается как некий добавочный фактор в определении таких единиц. В связи с этим выглядит слишком оптимистичным утверждение, что «при изучении пунктуации – языкового уровня, который имеет практическое значение для всех мало-мальски образованных людей», нами прочно усваиваются «дифференциальные признаки вводных слов» [Гусева, 2017, с. 20]. С. М. Евграфова замечает, что простого общепонятного определения вводного слова нет, и предлагает «наивное» толкование понятия: «вводное слово – это модальное слово, которое на письме нужно выделять запятыми» [2003, с. 7]. Во многих исследованиях по русистике используется также термин «**вводно-модальные слова**» (см. [Гусева, 2017, с. 20–21; Инькова-Манзотти, 2001, с. 270; Ляпон, 1986, с. 31] и др.), который, вероятно, должен подчеркнуть, что модальный характер значения слова и вводный характер образуемой им конструкции предполагают друг друга.

Для обозначения связующих единиц, в том числе вводных, могут применяться и другие наименования. Так, М. В. Ляпон использует термин «**релятивы**» (реляционные единицы) [1986, с. 82, 88 и др.]. Другой термин, предлагаемый исследователями для связующих элементов, – «**скрепа**»³. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова констатируют, что сложность объекта исследования и его слабая изученность порождают терминологический разнобой, характерный «едва ли не для всех работ, в которых обсуждаются союзные средства» [2010, с. 124]. В частности, они перечисляют шесть слов и выражений, используемых в Грамматике-80 для обозначения связующих средств: «союз, аналог союза, союзный аналог, союзное соединение, союзное сцепление, союзное сочетание», – называя их «терминоидами», поскольку в грамматике нет определения этих понятий [Там же]. Термин «скрепа» получил распространение в 1986 г. после выхода в свет известной монографии М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой⁴,

³ Впервые термин «скрепа» был употреблён Л. А. Булаховским применительно к характеристике связей в «сверхфразных единствах» [Булаховский, 1952, с. 393].

⁴ Второе издание монографии: [Черемисин, Колосова, 2010].

где с его помощью «признанные» союзы объединялись с «союзоподобными элементами». Н. П. Перфильева, описывая связующие единицы, применяет к ним термин «метатекстовые скрепы» / «скрепы-метапоказатели» и говорит о том, что они «совмещают функции вводного слова и союза, вводного слова и межфразовой скрепы» и образуют полевую систему. «Ядро» этой системы состоит «из однословных скреп, или собственно союзов (например: *а, и, но, что* и т. п.)». К «околоядерной зоне относятся» составные союзы (*так что, тем более что* и др.), а также «ряд одноместных союзов (*если, так как, коль скоро* и др.), которые имеют двухместные формальные варианты» [Перфильева, 2014, с. 102]. К «отдалённой периферии» относятся союзные слова, частицы-союзы (*ведь, тем не менее, всё-таки* и др.), а также «языковые единицы, способные в ряде случаев одновременно выполнять функции связи (союзную) и вводного слова» [Перфильева, 2015, с. 94], например *вернее, более того, главное* и т. п. Как видим, автор пытается соотнести этот термин с традиционной грамматической терминологией. Напротив, А. Ф. Прияткина и Е. А. Стародумова, предлагая термин «**текстовая скрепа**», не соотносят его с частями речи: «это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [2015, с. 135]. Некоторым исследователям термин представляется «наиболее удачным», поскольку «им обозначаются показатели синтаксической связи не только словоформ и предикативных конструкций, но и фрагментов текста; кроме того, он не исключает “многословности” показателя и “разноприродности” составляющих его словечек» [Шмелёва, 2015, с. 104].

Еще одним используемым для подобных единиц термином является «**коннектор**». В работе, посвященной отношениям противопоставления в русском и французском языках, О. Ю. Инькова-Манзотти подчеркивает, что термин «скрепа» в трактовке М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой полностью синонимичен термину «коннектор» [Инькова-Манзотти, 2001, с. 7]. Предпочтение второго, видимо, связано с использованием его в европейской лингвистической традиции. Кроме названной автором Женевской семантической школы [Там же, с. 8], термин применяется в немецкой германистике, где «логический аспект коннектора, переведенный в лингвистический, есть союз» [Голубева, Зуева, 2017, с. 20–21]. Л. А. Онькова и А. В. Кривощёкова констатируют, что к коннекторам относятся «сочинительные союзы, наречия и наречные выражения» [2018, с. 59]. Эти цитаты свидетельствуют о том, что, говоря о коннекторах, исследователи часто не могут обойтись без их морфологической характеристики.

В исследованиях находим понятийное пересечение термина «коннекторы» с термином «**дискурсивные слова**». В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» они определены как «единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего» [Баранов и др., 1993, с. 7]⁵. Авторы ссылаются на французскую грамматическую традицию и подчеркивают, что ближайший, хотя и не точный эквивалент этого термина (*mots du discours*) в русистике – «служебные слова» [Там же]. Отметим, что в работах российских лингвистов встречается и другой перевод сочетания «*mots du discours*» – «вводные компоненты» [Ильина, 2013, с. 56]. Н. Ю. Пилюгина говорит о том, что дискурсивными словами обычно именуют «класс недескриптивных единиц, чувствительных к контексту» [2019, с. 18]. Их объединяет функция регулирования речевого контакта и организации дискурса в помощь адресату. В качестве примеров приводятся, в частности: *кстати, значит, иными словами, итак, поэтому, то есть* и др. [Викторова, 2014, с. 16–17].

⁵ Ср. рассуждения О. Ю. Иньковой-Манзотти о том, что коннекторы, в отличие от союзов, способны не только обеспечивать связность текста, но и показывать взаимодействие говорящего и слушающего, а также выражать позицию говорящего по отношению к описываемым фактам [2001, с. 8].

Связующие единицы в текстовом аспекте

В современных лингвистических исследованиях связующие единицы обозначаются также терминами «**дискурсивная единица**», «**дискурсив**», «**дискурсивный маркер**». Характерное пояснение находим, например, в статье Н. М. Царенко и С. В. Шустовой: «Дискурсивные маркеры (дискурсивные слова, прагмалексемы, дискурсивные единицы, коннекторы, скрепы, межфразовые единицы) восходят к обычным лексемам (полнозначным и служебным)» [2018, с. 9]. Любопытно, что здесь среди дискурсивных маркеров (а следовательно, по мнению авторов, – коннекторов, скреп и т. д.) наряду со связующими единицами, указывающими на подведение итога (*выходит, получается, значит, итак*), приводятся примеры так называемых этикетных маркеров (*Как дела?*) и маркеров десемантизированной оценки (*ну ладно, хорошо*), которые, в частности, И. А. Шаронов [2018] относит к коммуникативам, а в словаре Р. П. Рогожниковой подобные сочетания рассматриваются как эквиваленты слова [2003, с. 9]. К дискурсивным маркерам лингвисты относят и единицы типа *как говорилось выше*, подчеркивая, что они «обеспечивают грамматическую и смысловую цельность, а также связность (...) текста» [Когут, 2016, с. 158]. Часто при анализе конкретных единиц исследователи не дают определение дискурсивным словам, дискурсивным маркерам, дискурсивам и т. д., вводя термин как нечто само собой разумеющееся. Ср. начало статьи А. А. Алексеевой: «Дискурсивные слова, называемые также опорными, представляют собой интересное полифункциональное языковое явление» [2005, с. 118]. В таких случаях авторам, судя по всему, важно подчеркнуть прагматический характер рассматриваемых единиц – как, например, в работе о «конструкции *типа (того что)*», входящей в группу «условно-речевых функциональных единиц, к числу которых относят такие повторяющиеся в речи разных говорящих элементы, как служебные, вводные и дискурсивные слова» [Богданова-Бегларян, 2014, с. 252]. «Дискурсивные» термины используются в качестве весьма удобной «этикетки» для описания активных процессов в современной русской речи.

Для именования единиц, обеспечивающих процесс коммуникации и связность текста, в русской лингвистической традиции возник термин «**метапоказатель**», явно под влиянием А. Вежбицкой, которая в своей популярной среди русистов статье «Метатекст в тексте» употребляет сочетания «метатекстовый оператор» и «метатекстовый элемент» применительно к словам, организующим текст в помощь адресату. Среди них упоминаются и связующие единицы: *кстати, иными словами, итак, прежде всего* и др. [Вежбицкая, 1978, с. 405–406]. «Метапоказатель», «метатекстовый показатель» в некоторых работах используются как синонимы термина «дискурсивное слово». Например, Е. В. Карпова, говоря о «метатекстовых показателях» типа *приводить / привести пример*, называет эти единицы также «группой дискурсивных слов» [2014, с. 148]. Но не все исследователи, употребляя термин, соотносят его с «дискурсивными» понятиями. Так, в работе о метапоказателях автокоррекции А. Е. Цесарская и В. И. Шестопалова опираются исключительно на морфологическую характеристику слов и сочетаний, указывая, что к метапоказателям относятся союзы (*или, то есть*), союзные аналоги (*в смысле*), вводно-модальные слова (*вернее*), частицы (*даже*) и междометия (*ой*) [2017, с. 66].

Заключение

Таким образом, в «культурном слое» терминов, применяемых к связующим единицам, можно выделить три уровня: 1) морфологический («союз», «частица», «союз-частица», «модальное слово», «вводно-модальное слово», «вводное слово» и т. п.); 2) синтаксический («союз», «вводное слово», «вводно-модальное слово», «союзная скрепа», «коннектор» и под.); 3) текстовый («коннектор», «текстовая скрепа», «скрепа-фраза», «дискурсив», «дискурсивное слово», «дискурсивный маркер», «метапоказатель» и под.). Эти уровни на некоторых участках пересекаются. В целом же, рассматривая динамику теоретического осмысления

связующих единиц и развитие терминологического аппарата их описания, можно сказать, что в XX в. явно наблюдается движение от частеречной парадигмы к синтаксической и текстовой. Если ранее авторы пытались определить место связующих единиц среди классов слов – частей речи, то с середины XX в. всё чаще высказывалась мысль о приоритете выполняемой синтаксической функции над морфологической характеристикой. Еще более явно эта тенденция проявилась при изучении связного текста в рамках дискурсивной лингвистики, объединяющей весьма разнородные явления на основе общности функций. При этом один уровень изучения связующих единиц не отменяет существования другого, в связи с чем вряд ли можно считать рядоположными и взаимоисключающими термины «союз» / «модальное слово» / «вводное слово» / «коннектор», «скрепа» / «дискурсив» и др. Единица, в традиционных грамматиках и словарях относимая к союзам, в предложении может оказаться и союзной скрепой, и вводным словом, а в тексте – дискурсивным маркером: в разных исследованиях на первый план выступают то морфологическая характеристика слов, то их синтаксическая функция, то текстообразующий потенциал.

Список литературы

- Акопян К. С.** Союзные функции частицы *только*: частица-союз vs частица – союзный аналог // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 1. С. 29–44.
- Алексеева А. А.** Дискурсивное слово “enfin” – коннектор или артикулятор? (на материале французского языка) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 118–123.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.** Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнёры, 1993. 207 с.
- Богданов С. И.** Морфология неполнозначных слов в современном русском языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 140 с.
- Богданова-Бегларян Н. В.** Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 252–254.
- Буланин Л. Л.** Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
- Булаховский Л. А.** Курс русского литературного языка. Киев, 1952. Т. 1. 447 с.
- Вежбицкая А.** Метатекст в тексте: Пер. с польск. // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 402–421.
- Викторова Е. Ю.** Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // Филология и человек. 2014. № 4. С. 15–27.
- Виноградов В. В.** Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
- Гладров В.** Модальные слова. К вопросу о частях речи // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М., 2009. С. 239–248.
- Голубева Н. А., Зуева Е. В.** К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. 2017. № 40. С. 20–32.
- Грот Я. К.** Русское правописание. Руководство, составленное по поручению второго отделения Императорской академии наук. 11-е изд. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1894. 120 с.
- ГРЯ – Грамматика русского языка: В 2-х т. / Ред. акад. В. В. Виноградов и др.; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1954. Т. 1. 720 с.; Т. 2. 444 с.**
- ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. М.: Наука, 1970. 767 с.**
- Гусева Л. А.** Модальные слова как часть речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 109–113.
- Евграфова С. М.** Непостижимые тонкости пунктуации // Рус. яз. 2003. № 6. С. 5–10.

- Зализняк А. А.** Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Рус. яз., 1977. 880 с.
- Ильина М. Г.** Прагматические и структурно-организующие функции вводных компонентов (на материале французского языка) // Вестник КемГУ. 2013. № 2-2. С. 56–61.
- Инькова-Манзотти О. Ю.** Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование): Монография. М., 2001. 434 с.
- Карпова Е. В.** Метатекстовые показатели введения примера / аргумента: словарь и узус // Вестник НГПУ. 2014. № 4 (20). С. 147–156.
- Когут С. В.** Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157–163.
- Ломоносов М. В.** Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии (1739–1758 гг.). URL: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml (дата обращения 01.10.2019).
- Ляпон М. В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
- Морковкин В. В.** Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц. М.: АСТ, 2003. 432 с.
- Онькова Л. А., Кривошёкова А. В.** Коннекторы противопоставления и их роль в организации текста // Проблемы романно-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 58–64.
- Остроумова О. А., Фрамполь О. Д.** Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 501 с.
- Панков Ф. И.** Еще раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестник Моск. гос. ун-та. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 59–74.
- Перфильева Н. П.** Об одном из активных процессов в области союзных скреп // Вестник НГПУ. 2014. № 3 (19). С. 101–110.
- Перфильева Н. П.** О динамических процессах в области скреп: грамматический и пунктуационный аспекты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9: Филология. С. 91–101.
- Петров К.** Русский язык. Опыт практического учебника русской грамматики. Этимология в образцах. 27-е изд. М., 1915. 144 с.
- Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
- Пилюгина Н. Ю.** Фразеологизированные сочетания в служебной функции: синтаксис и семантика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019. 38 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
- Прияткина А. Ф.** Об отличии союза от других связующих слов // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 102–106.
- Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А.** Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
- Рогожникова Р. П.** Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. 792 с.; Т. 2. 711 с.
- Сичинава Д. В.** Части речи. 2011. URL: http://test.rusgram.ru/Части_речи (дата обращения 01.10.2019).
- Словарь наречий и служебных слов русского языка / Сост. В. В. Бурцева. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2010. 750 с.

- Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001. 363 с.
- Филипенко М. В.** Семантика наречий и адverbиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003. 304 с.
- Царенко Н. М., Шустова С. В.** Дискурсивные маркеры в прагмалингводидактическом аспекте // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 2. С. 8–16.
- Цесарская А. Е., Шестопалова В. И.** Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 65–75.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А.** Очерки по теории сложного предложения. 2-е изд., испр. и доп. М.: Либроком, 2010. 226 с.
- Шаронов И. А.** Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2018. № 51. С. 58–68.
- Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
- Шерстяных И. В.** Омокомплекс «ничего» и его функции в современном русском языке // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2016. № 1 (105). С. 109–114.
- Шмелёва Т. В.** Текстовая скрепа *и это при том, что...* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9: Филология. С. 102–110.
- Grenoble L. A.** Parentheticals in Russian. In: *Journal of Pragmatics*, 2004, no. 36, pp. 1953–1974.

References

- Akopyan K. S.** Soyuznye funktsii chastitsy *tol'ko*: chastitsa-soyuz vs chastitsa – soyuznyi analog [The conjunction functions of the particle *tolko*: a conjunction particle vs a conjunction analogue]. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 29–44. (in Russ.)
- Alekseeva A. A.** Diskursivnoe slovo “enfin” – konnektor ili artikulyator? (na materiale frantsuzskogo yazyka) [The discursive word “enfin” – connector or articulator? (based on the material of the French language)]. *Bulletin of Moscow University. Linguistics and intercultural communication. Ser. 19*, 2005, no. 3, pp. 118–123. (in Russ.)
- Baranov A. N., Plungyan V. A., Rahilina E. V.** Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow, Pomovsky i partnyory, 1993, 207 p. (in Russ.)
- Bogdanov S. I.** Morfologiya nepolnoznachnykh slov v sovremennom russkom yazyke [Morphology of non full meaning words in modern Russian]. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 1997, 140 p. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V.** Diskursivnaya edinita *tipa (togo chto)*: funktsionirovanie v ustnoi spontannoi rechi i vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya [Discursive item *tipa (togo chto)*, it's functioning in oral token and alternatives of lexicographical description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2014, no. 3 (45), pp. 252–254. (in Russ.)
- Bulakhovsky L. A.** Kurs russkogo literaturnogo yazyka [The course of Russian literary language]. Kiev, 1952, vol. 1, 447 p. (in Russ.)
- Bulanin L. L.** Trudnye voprosy morfologii [Difficult questions of morphology]. Moscow, Prosveshchenie, 1976, 208. (in Russ.)
- Burtseva V. V.** (comp.). Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of adverbs and a service words of the Russian language]. 3rd ed. Moscow, Drofa, 2010, 750 p. (in Russ.)
- Cheremisina M. I., Kolosova T. A.** Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya [Essays on the theory of complex sentences]. Moscow, Librokom Publ., 2010, 226 p. (in Russ.)
- Evgrafova S.** Nepostizhimye tonkosti punktuatsii [Incomprehensible subtleties of punctuation]. *Russian language*, 2003, no. 6, pp. 5–10. (in Russ.)
- Filipenko M. V.** Semantika narechii i adverbial'nykh vyrazhenii [Semantics of adverbs and adverbial expressions]. Moscow, Azbukovnik, 2003, 304 p. (in Russ.)

- Gladrov V.** Modal'nye slova. K voprosu o chastyah rechi [Modal words. To the question of parts of speech]. In: *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: Tradition and innovation]. Moscow, 2009, pp. 239–248. (in Russ.)
- Golubeva N. A., Zueva E. V.** K ponyatiyu konnektora v lingvistike [The notion of “connector” in linguistics]. *Language and culture*, 2017, no. 40, pp. 20–32. (in Russ.)
- Grenoble L. A.** Parentheticals in Russian. In: *Journal of Pragmatics*, 2004, no. 36, pp. 1953–1974.
- Grot Ya. K.** Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniyu vtorogo otdeleniya Imperatorskoi akademii nauk [Russian spelling. Manual commissioned by the second Department of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1894, 120 p. (in Russ.)
- Guseva L. A.** Modal'nye slova kak chast' rechi [Modal words as part of speech]. *Pedagogy. Issues of Theory and Practice*, 2017, vol. 2, no. 1 (67), pp. 109–113. (in Russ.)
- Ilina M. G.** Pragmaticheskie i strukturno-organizuyushchie funktsii vvodnykh komponentov (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Pragmatic and structure-organizing functions of parenthetical elements (as revealed in French written texts)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 2-2, pp. 56–61. (in Russ.)
- Inkova-Manzotti O. Yu.** Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh (sopostavitel'noe issledovanie) [The connectors of the opposition in the French and Russian languages (a comparative study)]. Monograph. Moscow, 2001, 434 p. (in Russ.)
- Karpova E. V.** Metatekstovye pokazateli vvedeniya primera / argumenta: slovar' i uzus [Meta text indicators of the example / argument introduction: the dictionary and language usage]. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 4 (20), pp. 147–156. (in Russ.)
- Kogut S. V.** Diskursivnye markery v pis'mennom nauchnom diskurse [Discourse markers in written scientific discourse]. *Siberian Journal of Philology*, 2016, no. 2, pp. 157–163. (in Russ.)
- Lomonosov M. V.** Rossiiskaya grammatika [Russian grammar]. In: *Lomonosov M. V. The Complete Works*. Moscow, Lenindrad, AS USSR Publ., 1952, vol. 7. (in Russ.) URL: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml (accessed 01.10.2019).
- Lopatin V. V.** (ed.). Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian spelling and punctuation. Full academic reference]. Moscow, AST, 2007, 480 p. (in Russ.)
- Lyapon M. V.** Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnoshenii [The semantic structure of a complex sentence and text. On typology of relations within the text]. Moscow, 1986, 200 p. (in Russ.)
- Morkovkin V. V.** Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka. Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Structural Words: prepositions, unions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, link verbs]. Moscow, AST, 2003, 432 p. (in Russ.)
- Onkova L. A., Krivoshchekova A. V.** Konnektory protivopostavleniya i ikh rol' v organizatsii teksta [Connectors of opposition and their role in the organization of the text]. *Problemy romanno-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Problems of Romano-Germanic Philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages], 2018, no. 14, pp. 58–64. (in Russ.)
- Ostroumova O. A., Frampol O. D.** Trudnosti russkoi punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozhenii: opyt slovaryaspravochnika [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of introductory words, combinations and sentences: the experience of a reference dictionary]. Moscow, SSU Press, 2009, 501 p. (in Russ.)
- Pankov F. I.** Eshche raz o grammatike i semantike modal'nykh slov (fragment lingvodidakticheskoi modeli russkoi morfologii) [Once again about the grammar and semantics of modal words (a fragment of the linguodidactic model of Russian morphology)]. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*, 2003, no. 2, pp. 59–74. (in Russ.)

- Perfileva N. P.** O dinamicheskikh protsessakh v oblasti skrep: grammaticheskii i punktuatsionnyi aspekty [On dynamic processes in syntactic joints: grammatic and punctuative aspects]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 9, pp. 91–101. (in Russ.)
- Perfileva N. P.** Ob odnom iz aktivnykh protsessov v oblasti soyuznykh skrep [On one of the active processes in the field of the connectors]. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 3 (19), pp. 101–110. (in Russ.)
- Peshkovsky A. M.** Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, 544 p. (in Russ.)
- Petrov K.** Russkii yazyk. Opyt prakticheskogo uchebnika russkoi grammatiki. Etimologiya v obraztsakh [Russian language. Experience of a practical textbook of Russian grammar. The etymology of the samples]. Moscow, 1915, 144 p. (in Russ.)
- Pilyugina N. Yu.** Frazelogizirovannye sochetaniya v sluzhebnoi funktsii: sintaksis i semantika [Phraseological combinations in a service function: syntax and semantics]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Vladivostok, 2019, 38 p. (in Russ.)
- Priyatkina A. F.** Ob otlichii soyuza ot drugikh svyazuyushchikh slov [About the difference between the Union and other linking words]. *Russian language at school*, 1977, no. 4, pp. 102–106. (in Russ.)
- Priyatkina A. F., Starodumova E. A.** (eds.). Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of service words of the Russian language]. Vladivostok, 2001, 363 p. (in Russ.)
- Priyatkina A. F., Starodumova E. A.** Tekstovye skrepy v "Slovare sluzhebnykh slov" [Text clips in the Dictionary of Russian Functional Words]. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 134–141. (in Russ.)
- Rogozhnikova R. P.** Tolkovyj slovar' sochetanij, ekvivalentnykh slovu: Okolo 1500 ustoichivykh sochetanii russkogo yazyka [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: About 1500 lexical chunks of the Russian language]. Moscow, Astrel, 2003, 416 p. (in Russ.)
- Shakhmatov A. A.** Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 624 p. (in Russ.)
- Sharonov I. A.** Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty opisaniya vvodnykh slov i kommunikativov [Parenthetical words and communicatives: semantic and pragmatic aspects of description]. *Tomsk State University Journal. Philology*, 2018, no. 51, pp. 58–68. (in Russ.)
- Sherstyanykh I. V.** Omokompleks "nichego" i ego funktsii v sovremennom russkom yazyke [Homocomplex "nichego" and its functions in modern Russian language]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2016, no. 1 (105), pp. 109–114. (in Russ.)
- Shmelyova T. V.** Tekstovaya skrepa i eto pri tom, chto... [Textual joint i eto pri tom, chto ...]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 9, pp. 102–110. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** (ed.). Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, AS USSR Publ., 1970, 767 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu. et al.** (eds.). Russkaya grammatika [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 792 p.; vol. 2, 711 p. (in Russ.)
- Sichinava D. V.** Chasti rechi [Parts of speech]. 2011. (in Russ.) URL: http://test.rusgram.ru/Части_речи (accessed 01.10.2019).
- Tsarenko N. M., Shustova S. V.** Diskursivnye markery v pragmalingvodidakticheskom aspekte [Discourse markers in the pragmalinguodidactic aspect]. *PNRPU linguistics and pedagogy Bulletin*, 2018, no. 2, pp. 8–16. (in Russ.)
- Tsesarskaya A. E., Shestopalova V. I.** Discourse words as a sign of a self-correction in a colloquial speech. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no. 9, pp. 65–75. (in Russ.)
- Viktorova E. Yu.** Diskursivnye slova raznogo tipa v ustnoi i pis'mennoi nauchnoi rechi [Discursive words of different types in oral and written scientific speech]. *Philology and Human*, 2014, no. 4, pp. 15–27. (in Russ.)

- Vinogradov V. V.** Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Ed. by G. A. Zolotova. Moscow, Russkii yazyk, 2001, 720 p. (in Russ.)
- Vinogradov V. V. et al.** (eds.). Grammatika russkogo yazyka [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, AS USSR Publ., 1953–1954, vol. 1, 720 p.; vol. 2, 444 p. (in Russ.)
- Wierzbicka A.** Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In: Nikolaeva T. M. (ed.). Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvistika teksta [New in foreign linguistics. Text linguistics]. Moscow, Progress, 1978, iss. 8, pp. 402–421. (in Russ.)
- Zaliznyak A. A.** Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie [Grammatical dictionary of the Russian language. Changing the words]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 880 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Владимировна Кузнецова, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57204011521

WoS Researcher ID GXZ-6379-2022

SPIN 6874-0829

Ольга Викторовна Почтарёва, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57208107220

WoS Researcher ID GXZ-6057-2022

RSCI Author ID 414399, SPIN 3082-9160

Information about the Authors

Natalia V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57204011521

WoS Researcher ID GXZ-6379-2022

SPIN 6874-0829

Olga V. Pochtareva, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57208107220

WoS Researcher ID GXZ-6057-2022

RSCI Author ID 414399, SPIN 3082-9160

Вклад авторов:

Н. В. Кузнецова – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

О. В. Почтарёва – участие в разработке концепции исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the Authors:

Natalia V. Kuznetsova guided the research process, conceptualized the research, developed the methodology and approach, prepared the first draft of the article, drew final conclusions.

Olga V. Pochtareva participated in the development of the methodology and approach; developed the methodology and approach, prepared the final draft of the article, drew final conclusions.

Статья поступила в редколлегию 15.05.2020;

одобрена после рецензирования 26.11.2021; принята к публикации 27.11.2021

The article was submitted 15.05.2020;

approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 27.11.2021

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-34-46

Брови, ситец и улыбка: некоторые особенности авторской интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева

Зифа Какбаевна Темиргазина

Павлодарский педагогический университет

Павлодар, Казахстан

temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Аннотация

Концепт *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева обладает авторским художественным своеобразием, сохраняя в основе народный эстетический идеал красоты. Поэт проявляет повышенный эстетический интерес к такой детали лица, как брови, а также к гармоничности и пропорциональности фигуры человека. Для восприятия красоты женщины ему важны такие элементы одежды и обуви, как юбка, шаль, каблуки. Семиотически релевантна характеристика одежды по материалу – ситцевый, ситец, шелк. Развивая идеи оппозиции внешней и внутренней красоты и локализации внутренней красоты в глазах человека, Павел Васильев определяет локус душевной красоты в улыбке, в уголках губ женщины. В его творчестве наблюдается транскультурный симбиоз русского и казахского эстетических канонов красоты.

Ключевые слова

концепт, красота, Павел Васильев, транскulturность, авторская интерпретация, брови, ситец, ладный

Для цитирования

Темиргазина З. К. Брови, ситец и улыбка: некоторые особенности авторской интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 34–46. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-34-46

Eyebrows, Chintz and a Smile: Some Features of the Author's Interpretation of the Concept *BEAUTY* in the Poetry of Pavel Vasiliev

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar Pedagogical University

Pavlodar, Kazakhstan

temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Abstract

Purpose. The article examines the features of the representation of the concept *BEAUTY* in the poetry of Pavel Vasiliev. In his work, there is a transcultural symbiosis of Russian and Kazakh aesthetic canons of beauty.

Results. Typically Kazakh features of a person's appearance look aesthetically attractive for the poet. He considers eyebrows to be an important part of a human beauty. A peculiar artistic interpretation of this detail of appearance is manifested in the epithets, in a dynamic metaphorical model [*EYEBROWS* → *are BIRDS*]. A relevant sign of beauty is the harmony – the proportionality of a person's figure. The peculiarities of understanding the beauty of a woman in-

© Темиргазина З. К., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 34–46

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 34–46

clude close attention to such details of clothes and shoes as a skirt, a shawl and heels. The skirt in the process of metonymization replaces the woman [SKIRT instead of A BEAUTIFUL WOMAN]. Semiotically relevant is the characteristic of clothing made by the fabric – chintz, silk. In the semiosis of fabric as a sign of class affiliation and financial situation, such mechanism of analogy as the metonymy is involved. Developing and supplementing the ideas of oppositeness of external and internal beauty of a person and the localization of the internal beauty in his eyes, Pavel Vasiliev defines the locus of a spiritual beauty in a smile, in the corners of a woman's lips.

Conclusion. The concept of *BEAUTY* in Vasiliev's poetry has the individual and author's artistic and aesthetic features, and preserves the folk aesthetic ideal of beauty at its core.

Keywords

concept, beauty, Pavel Vasiliev, transculturality, author's interpretation, eyebrows, chintz, harmony

For citation

Temirgazina Z. K. Eyebrows, Chintz and a Smile: Some Features of the Author's Interpretation of the Concept *BEAUTY* in the Poetry of Pavel Vasiliev. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 34–46. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-34-46

Введение

В когнитивистике концепт считают элементарной составляющей языковой картины мира, который как единица когнитивной деятельности существует не только в общекультурном, но и в индивидуальном виде. Лингвисты, осуществляя концептуальный анализ, рассматривают проявление общественного этнического сознания, но концептуальный анализ дает также возможность реконструировать индивидуальные концепты, в том числе авторские. В сознании писателя общеязыковой концепт преобразуется в авторский, или художественный, концепт, так как в него включаются актуальные для автора личностные художественно-эстетические смыслы [Темиргазина, Жакупова, 2021]. Содержание художественного концепта составляют «не только образные представления, но и зафиксированные моменты специального знания, связанного с литературно-критическим, литературоведческим аспектом осмысления текстов» [Лошаков, 2007, с. 83–84].

Ученые-литературоведы говорят о перспективности использования понятия «авторский концепт» для более разностороннего и углубленного анализа художественного текста, оговариваясь при этом, что между лингвокультурологическим и литературоведческим анализом концепта существует принципиальное различие. И это различие демонстрирует В. Г. Зусман [2003] на примере реконструкции концепта *ДОМ* в его общеязыковом и авторском воплощении, показывая невозможность использования художественных текстов в качестве материала для лингвокультурологического анализа.

Целью статьи является изучение некоторых авторских особенностей репрезентации концепта *КРАСОТА* в лирике Павла Николаевича Васильева, русского советского поэта, тесно связанного корнями с иртышским и сибирским казачеством. Васильев родился в 1910 г. в Казахстане в г. Зайсан. Большую часть своего детства и юности он провел в Павлодаре. После странствий по Сибири и Дальнему Востоку в 1929 г. он уехал в Москву, где за несколько лет активного поэтического творчества выдвинулся в ряды перспективных молодых советских поэтов. В 1937 г. был расстрелян по обвинению в заговоре «сибирской группы» с целью убийства Сталина. Впоследствии был реабилитирован Верховным судом СССР.

Концепт *КРАСОТА* достаточно хорошо изучен на лексикографическом материале, на материале фразеологии и паремиологии русского языка, а также в сопоставлении с английским, немецким, казахским и другими языками. С 2000 гг. в языкознании начался «бум» изучения этого когнитивного явления, появились десятки диссертационных работ и сборников статей¹. Отдельных работ, посвященных исследованию художественного концепта *КРАСОТА*

¹ См.: Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2004; Летуновская Н. В. Лексико-семантическая репрезентация концепта «красота» в немецком и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004; Мецержикова Ю. В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004; Клишова Ю. В. Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта «Красота»: на материале английского и рус-

в творчестве тех или иных поэтов и писателей, намного меньше. Так, Н. М. Мухиной [2000] рассмотрены лексические средства объективации понятия красоты в поэзии Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой; Е. В. Севрюгина [2003] сопоставляет языковое выражение концептов *ЛЮБОВЬ* и *КРАСОТА* в поэзии Ф. И. Тютчева и У. Вордсворта; К. В. Сборошенко [2009] устанавливает комплекс метафорических репрезентаций концепта *КРАСОТА* в современных поэтических текстах.

Анализ поэтического концепта представляет собой многоэтапную процедуру, которая включает в себя обнаружение средств языковой объективации индивидуально-авторских концептуальных смыслов в лирических текстах, определение их места и роли в общем представлении концепта, установление соотношения общекультурного и художественного концептов. М. С. Берендеева, Н. А. Борзенкова представляют роль концептуального анализа в более широком контексте – как способ выявления индивидуально-авторского мировосприятия и миропонимания: «Концептуальный анализ текста направлен на выявление ключевых концептов, реализующихся в конкретном тексте (или совокупности текстов, например, в творчестве определенного автора, в цикле произведений и т. п.), поэтому позволяет получить представление о способах текстовой репрезентации индивидуальной картины мира автора анализируемого текста» [2020, с. 42].

Примеры языковой объективации индивидуально-авторского концепта в поэзии П. Васильева извлечены из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), подкорпуса «поэтический» (ruscorpora.ru). Объем всего подкорпуса произведений Васильева в НКРЯ составляет 244 документа, 63 020 слов.

В исследовании используется также анализ словарных дефиниций, позволяющий выделить понятийные признаки общеязыкового концепта (Степанов, 2004, с. 46), которые становятся основой для конструирования речевого смысла в художественной концептуализации. Индивидуально-авторские смыслы выводятся путем контекстуального анализа и выявления специфического механизма аналогии: метонимии и метафоры. При метафорическом моделировании устанавливаются сфера-источник знаний (source domain) и сфера-мишень знаний (target domain) [Lakoff, Johnson, 2003, p. 186].

Частотность функционирования различных образно-поэтических средств выражения концепта *КРАСОТА* в поэтической картине мира Васильева определяется по количеству вхождений в НКРЯ.

Параметры красоты в поэтической картине мира П. Васильева

Красота определяется в толковом словаре следующим образом: «1. ед. Всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение. *К. русской природы. К. поэтической речи. Отличаться красотой. Для красоты* (чтобы было красиво; разг.). 2. мн. Красивые, прекрасные места (в природе, в художественных произведениях). *Красоты юга. Красоты стиля. 3. красота!*, в знач. сказ. О чем-н. очень хорошем, впечатляющем, блеск (в 3 знач.) (разг.). *Погуляли, искупались. К. I увел. красотища, -и, ж.* (к 1 и 3 знач.; прост.)» (Ожегов, Шведова, 1992).

Значения многозначного слова объединены актуальными признаками: 1) ‘красивый внешний вид’ и 2) ‘доставляющий эстетическое и нравственное наслаждение’, которые составляют понятийный смысл общеязыкового культурного концепта *КРАСОТА*. Рассмотрим взаи-

ского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007; *Мякишева Е. В.* Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук, 2009; *Окунева И. О.* Концепт «красота» в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009; *Пак А. О.* Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009; *Каирова М. К.* Лексико-фразеологические способы репрезентации эстетической оценки внешности человека в русской и казахской языковых картинах мира: Дис. ... канд. филол. наук. Астана, 2010; *Черкашина Е. А.* Концепт «Красота» в русском языке // Вестник Таганрог. ин-та им. А. П. Чехова. 2014. № 2. С. 38–43 и др.

мосвязь общезыковых и индивидуально-речевых смыслов в формировании художественного концепта *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева, его отдельные семантические признаки, актуализированные с помощью образных художественных средств выражения, свойственных его поэтическому мировоззрению. Для него носителями красоты прежде всего являются женщины. Для номинации красивых девушек и женщин он использует такие слова, как *красавица* (7 вхождений в НКРЯ), *красотка* (5 вхождений), *прекрасная* (3 вхождения), *пава* (3 вхождения), *прелесть* (1 вхождение), *красавка* (1 вхождение): *Я в тебя, прекрасная, влюблен* («Горожанка»)²; *Отбросив свой наряд с улыбкой, / К воде сошла, красавица...* («Я вышел на берег, играл...»); *Он ее жених, а красотка – его невеста* («Песня юго-западных славян»); *Называет «прелестью» и «павой»* («Стихи в честь Натальи»); *У сундуков незапертых на дне / Лежат красавки с щучьими хвостами* («Иртыш»).

Женская красота для поэта конкретизируется в ряде признаков внешнего вида – стройная, статная фигура, белая кожа, темноробость, величавая походка:

С темными спокойными бровями,
Ты стройна, улыбчива, бела,
И недаром белыми руками
Ты мне крепко шею обняла
(«Анастасия»).

Поэт С. П. Залыгин подчеркивает близость поэта к народу, творческую приверженность фольклорным традициям: «Васильев не боится фольклора и даже лубка, ничего не боится в этой стихии» [Залыгин, 1968, с. 14]. Народная устно-поэтическая стихия прорывается в стихах Васильева в выражениях: *девка расписная, маков цвет Наталья, жар-малина девки*. Его метафоры и образные сравнения, передающие красоту женщины, во многом основываются на аналогии с явлениями природы, в соответствии с традициями русского устного народного творчества. Областью-источником являются цветы, ягоды, дыни, с их спелостью, сочностью: *румяные, белые, словно дыни спелые; маков цвет; самая спелая, самая смородина; жар-малина девки; розан ситцевый*. Метафоры построены по модели [КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА → это ФЛОРА]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что персонификация, или олицетворение, относится к самым естественным проявлениям механизма метафоризации: «Perhaps the most obvious ontological metaphors are those where the physical object is further specified as being a person. This allows us to comprehend a wide variety of experiences with nonhuman entities in terms of human motivations, characteristics, and activities» [Lakoff, Johnson, 2003, p. 33]. («Возможно, наиболее очевидными онтологическими метафорами являются те, в которых физический объект дополнительно определяется как личность. Это позволяет нам постигать широкий спектр переживаний, связанных с нечеловеческими сущностями, с точки зрения человеческих мотиваций, характеристик и действий.» – Перевод наш. – З. Т.).

В поэтике Васильева для изображения красивой девушки также используются орнитологические и зоологические метафоры и сравнения, источником которых выступает фауна (птицы или животные) и которые образованы по моделям [КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА → это ПТИЦА] или [КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА → это ЖИВОТНОЕ]: *птица слабая, лисанька, как голубя, лебедем* и т. п.

Лебедем входит и пляшет сестра
(«Круг по воде и косая трава...»).

Да золотишко жар-малина девки
(«Песня о гибели казачьего войска»).

² Далее все примеры из произведений Павла Васильева приводятся по НКРЯ.

Самая спелая, хоть боса.
Самая смородина Настя Босая...
(«Свадьба»).

И ведет невесту свою
Кружить ее – **птицу слабую**,
Травить ее, **лисаньку**, под улю-лю...
Зажать ее всю
Легонько в ладонь,
Как голубя!
(«Свадьба»).

Транскультурность художественного мировоззрения поэта, выросшего в условиях казахско-русского пограничья, с детства впитавшего образы двух разных миров, двух культур – русской и кочевой казахской, отражается и в его эстетических представлениях, порождением которых являются художественные тексты гибридной природы [Темиргазина, 2021, с. 38] (см. также: [Albekova, Kigmanova, 2021]). В них отмечается симбиоз двух эстетических канонов внешней красоты человека: русского и азиатского, казахского. Поэт называет себя киргизом, башкиром, подчеркивает в своей внешности азиатские черты: скуластость, смуглость, раскосость глаз: *Мы, башкиры, скулами остры* («Другу-поэту»); *Я по душе киргиз с раскосыми глазами* («Прощай, Владивосток»).

Они кажутся другим, особенно горожанкам-москвичкам, необычными и привлекательными: *«Им нравится, что я скуласт и желт»* («Каменотес»).

Азиатские черты поэт считает привлекательными, они отвечают его транскультурному гибриднему канону внешней красоты. Так, например, он называет Иртыш *«красавцем остророскулым»* («Иртыш»).

Брови как специфически васьильевский признак красоты человека

Особенностью интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэтической картине мира Васильева является повышенный эстетический интерес к такой малозначительной и несущественной, с точки зрения народного канона красоты, детали внешности человека, как брови. Об этом свидетельствует частотность употребления лексемы *брови* в НКРЯ – 36 вхождений. С. П. Залыгин отмечает такую черту поэтики Васильева, как «подлинно поэтическая точность – антипод точности натуралистической. Натурализм не ищет “говорящей” детали, он тщетно хочет сказать всё обо всём, “всё как есть”, для него все детали равны и правомочны» [Залыгин, 1968, с. 8].

Лирический герой обращает внимание на такие внешние параметры бровей, как густота, ширина, цвет, их форма и др.: *С темными спокойными бровями* («Анастасия»); *Глаза смешливы, бровь густая / И платье белое до пят* («Христолюбовские ситцы»); *Любимую с тяжелыми ноздрями, / С широкой бровью, крашенной в сурьме* («Август»); *Большеротые, с бровью сизой* («Соляной бунт»); *И ухажеров / Брови косые* («Гульбище»).

Брови способны своими движениями непосредственно передавать эмоции и настроение обладателя, например, лететь к виску, устремляться вверх под небеса от гнева, недовольства. М. Н. Эпштейн говорил о том, что «среди русских поэтов Васильев едва ли не самый крутой по характеру лирического героя», которого влечет всё стремительное, «косое по направлению – как хищный бросок. У него – “косые ветра”, птицы “косо” летят на добычу» [Эпштейн, 1990, с. 255]. Сверхдинамичность явлений, событий, объектов как черта поэтического мировосприятия Васильева отражается в выразительных экспрессивных метафорах, передающих стремительные движения бровей и построенных по модели [БРОВИ → это ПТИЦЫ]: *Бровь у него летит к виску* («Соляной бунт»); *Вдруг выросал / Бычий Малюта / С бровями, / Летящими под небеса* («Казнь»). Тонкие брови девушки поэт образно сравни-

вает со стрелой, догоняющей зверя: *С бровями тоньше, / Чем стрела, / Догоняющая зверя* («Песня о Серке»). Нахмуренные брови, сведенные к переносице, сравниваются с двумя собаками перед дракой: *У переносицы / Встретились брови, / Как две собаки перед грызней* («Соляной бунт»).

В интерпретации Васильева брови могут передавать характер человека – непокорность, строгость, крутость, веселый или спокойный нрав: *Как жгла, обезумев, шальная пурга / Твои непокорные брови* («Товарищ Джурбай»); *Ты не хмурь крутые брови* («Песня о Гибели казачьего войска»); *Девушка со строгими бровями* («По снегу сквозь темень пробежали...»); *И над веселой бровью шлем с широкой звездой* («Город Серафима Дагаева»); *С темными спокойными бровями* («Анастасия»). Брови можно получить в наследство от родителей, они могут быть *тяжелыми* и характеризовать человека как жесткого, несговорчивого: *Дала мне мамаша тонкие руки, / А отец – тяжелую бровь...* («Раненая песня»).

Брови у Васильева обладают этническим признаком. В стихотворении «Азиат» он рассказывает о настроении своего друга-казаха, выраженного в таких внешних квазисимптомах, как движение бровей: *...Азиатскую супит бровь*. Брови не только передаются по наследству, но и, по мнению поэта, могут быть выкованы искусным кузнецом из железа:

Дарены бусы каким молодцом?

Кованы брови каким кузнецом?

(«Круг по воде и косая трава...»).

Брови выступают в поэтической картине мира Васильева как эталон сравнения, например, дорога сравнивается у него с длинной атаманской бровью:

Дорога, ни разу

Не заплутав,

Длинная, как

У атамана бровь

(«Соляной бунт»).

О сугубо личной эмоциональной значимости для поэта такой детали внешности, как брови, говорит и то, что он использует в качестве обращения к любимой эпитет *темнобровая*: *Анастась!.. / Судьба!.. / Темнобровая!* («Соляной бунт»).

Ладный как характеристика стати человека

Частотной репрезентацией концепта КРАСОТА в поэзии Васильева является прилагательное *ладный* (10 вхождений в НКРЯ), которое он использует для эстетической характеристики красивых женщин, мужчин и даже детей: *Ширококостный, ладный мужик* («Казнь»); *Служивый да ладный, – вон ты каков!* («Рассказ о деде»); *В городе Атбасаре / Бабы ладные на базаре...* («Арсений Деров»); *Ну, значит, ладны будут дети, / Желтоволосы и крепки...* («Поверивший в слова простые...»).

В толковом словаре *ладный* определяется следующим образом: «прил. 1. Подходящий, удобный. 2. Хороший, дельный. 3. Хорошо сложенный, статный. 4. Хорошо, добротн сделанный» (Ефремова, 2006). *Ладный* употребляется Васильевым в 3-м значении. В его эстетических представлениях признак ладности, статности, пропорциональности телосложения является значимым параметром характеристики внешности человека. Эпитету *ладный* в тексте обычно сопутствуют другие прилагательные, которые обозначают релевантные для автора гендерно дифференцированные эстетические параметры: у мужчин – *ширококостный, служивый*, у женщин – *румяные, белые*, а также у детей – *желтоволосы и крепки*. Сопутствующие признаки имеют общий характер – они связаны со здоровьем человека или военной выправкой у мужчин. В стихотворении «Егорушке Клычкову» поэт выражает пожелание сынишке друга быть ладным:

Подрастай, ядрен и смел,
Ладный да проказливый...
 («Егорушке Клычкову»).

Русский народный эталон красоты складывался на основе крестьянских представлений о здоровом трудоспособном человеке с типичными внешними признаками физического здоровья: крепкое телосложение, стать, широкая кость, румянец на лице. Павел Васильев в авторской картине мира воплощает народный эстетический идеал человека, своеобразно преломляя его путем использования контекстуально обусловленных индивидуально-авторских средств [Темиргазина, Ибраева, 2021]. Индивидуальное в сфере художественного слова «создается под влиянием национальной эстетической традиции и всегда в той или иной мере подчинено ее конвенциям» [Миллер, 2005, с. 222]. Таким образом, в художественном произведении возникает собственно авторская идейно-эстетическая концепция, основывающаяся на народном каноне красоты, но творчески преобразующая весь предшествующий культурный фонд знаний.

Критерий *ладный* поэт использует для характеристики не только человека, но и коня, его стати, красоты, силы: **Ладный конь** у командира («Переметная застава...»).

Нарушение пропорций сложения, стати человека, ладности фигуры считаются некрасивыми и даже уродливыми, например, *уродец короткорукый, нескладный*:

А на сеновале **уродец короткорукый**
 За девкой ходил...
 Раз такой **нескладный**,
 Взяла да ушла.
 («Казнь»).

Детали одежды и обуви как составная часть внешней красоты

Как релевантные элементы красоты женщины в поэтической картине мира Васильева представлены элементы одежды и обуви – *шаль* (20 вхождений в НКРЯ), *серьги* (9 вхождений), *юбки* (7 вхождений), *высокие каблуки* (*каблучки*) (7 вхождений), *остроносые ботинки* (3 вхождения). Поэт всегда «видит» и отмечает эти важные детали во внешнем облике женщины: *На тебе ботинки с острым носом, / Те, которым век не будет сноса, / Шаль и серьги, вдетые в ушко; Шаль, которая тебе идет* («Анастасия»); *Рядом с кем московскими садами / На высоких каблуках идешь* («Горожанка»); *Ах, эти юбки в розовых цветах...* («Дорога»).

В строках *И юбки, пахнувшие / Заграницей, / Веют, комнату бороздя...* («Одна ночь») поэт использует метонимическую аналогию, которая выполняет референциальную функцию: юбки заменяют светскую женщину, одетую в дорогие заграничные наряды, в соответствии с довольно распространенной метонимической моделью [ЧАСТЬ вместо ЦЕЛОГО] [Lakoff, Johnson, 2003, р. 33–37]. Она конкретизируется в авторской модели [ЮБКА вместо КРАСИВОЙ СЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ].

Очень значимой характеристикой внешнего облика женщины (юбок, платьев, платков) в глазах поэта является ткань ее одежды: *ситцевый* (9 вхождений в НКРЯ) и *ситец* (22 вхождения). *Ситец, ситцевый* употребляются в прямом значении: *Пестрые глаза и юбок ситцы...* («К портрету»); *На траву отброшенным остался / Позабытый ситцевый платок* («Палисад»). Поэт актуализирует в ситцевой ткани признаки летучести, легкости. В рамках концептуальной модели [ДВИЖЕНИЯ ЮБКИ → это СНЕЖНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ] он создает экспрессивные динамические метафоры *ситцевый буран, за ситцевою вьюгою, ситцевые метели*:

Ну и юбки! До чего летучи!
Ситцевый буран свиреп и лют...
(«Горожанка»).

И поднимали кругом карусели
Веселые **ситцевые метели**.
(«Конь»).

Голубь за голубкою,
Сапоги за юбкою,
За ситцевой вьюгою...
(«Свадьба»).

Поэт придает этой характеристике знаковый характер. Ситец – типичная ткань небогатых горожанок и казачек, для Васильева это знак сословной принадлежности, а также символ женской скромности:

О, твои скромные
Платя **ситцевые**...
(«Но вот наступает ночь...»).

Он использует слово *ситцевая* при обращении к любимой, и оно означает не ткань одежды любимой девушки, а приобретает образно-символические смыслы ‘родная’, ‘близкая’, ‘своя’: *Вся ситцевая, летняя, приснись...* («Вся ситцевая, летняя, приснись...»). Метафора *розан*, рисующая образ красивой, цветущей девушки, сопровождается эпитетом *ситцевый*, в котором метонимически описывается ткань ее одежды: *Всё ж Настенька похожа / На розан ситцевый, как ни крути* («Дорога»).

Главной темой одной из знаменитых поэм Васильева является ситец, производимый на вновь построенном советском комбинате. Она так и называется «Христолюбовские ситцы» по имени художника, создающего росписи ситцев. Пасху, *троицын фабричный день*, поэт тоже описывает с помощью эпитета *ситцевый*, в котором актуализируется признак сословной принадлежности – основной ткани одежды казаков и фабричных рабочих:

На эту **ситцевую пасху**,
На троицын
Фабричный день,
Забыв про всякую опаску,
Шло сорок девять деревень.
(«Христолюбовские ситцы»).

Ситцу Васильев противопоставляет *шелк* (8 вхождений в НКРЯ), в который наряжаются купеческие дочери и жены. Он, в свою очередь, является знаком богатства и сословной принадлежности:

И когда
В купеческом клубе шел
Сын Синицына Федула – Артемий, –
Отцы сторонились
И, **одетые в шелк**,
Невесты от волненья потели.
(«Синицын и Ко»).

Простые девушки могут лишь мечтать о шелке:

Принеси, когда таков ты,
Шелк, что снился ей во сне...
(«У тебя ль глазищи сини...»).

В семиозисе ситца и шелка как знаков сословной принадлежности и материального благосостояния участвует метонимическая модель [ТКАНЬ вместо СОСЛОВИЯ / МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ], на основе которой поэт создает уникальные экспрессивно-художественные словесные образы в своей поэтической картине мира.

Внутренняя красота и ее локализация в трактовке Васильева

В русской наивной картине мира носители языка и культуры всегда различали внешнюю и внутреннюю красоту, нередко противопоставляя их друг другу (см. об этом: [Мещерякова, 2004; Зализняк и др., 2005; Nikolaenko et al., 2020]). Эта идея нашла отражение и в васьильевском понимании красоты. Принципиально важными для авторского понимания красоты являются следующие строки:

Не говори, что **верблюд некрасив**, –
Погляди ему в глаза.
Не говори, что **девушка нехороша**, –
Загляни ей в душу.
(«Не говори, что верблюд некрасив...»).

Поэт проводит параллель между верблюдом и девушкой. Верблюд – экзотическое, «чужое» для русских животное, но в транскультурной картине мира Васильева это привычное, знакомое, близкое, а значит, прекрасное животное. Так, например, ему посвящено отдельное стихотворение «Верблюд».

Душу, внутренний мир человека, согласно русской языковой картине мира, можно увидеть в его глазах [Гудков, Ковшова, 2007, с. 160–161]. Васильев также видит красоту души любимой в глубине ее глаз:

В твои **глаза**,
В их глубину дневную
Смотрю – не вижу выше красоты...
(«Лирические стихи»).

Кроме того, он полагает, что душа женщины, ее внутренняя красота гнездится в такой «малости», как уголки губ, улыбка женщины:

А **улыбка** – ведь какая малость! –
Но хочу, чтоб вечно улыбалась, –
До чего тогда ты **хороша**!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного –
Вот где помещается душа.
(«Стихи в честь Натальи»).

Внутренняя красота, по мнению поэта, проявляется в улыбке, в спокойствии, в гармонии с собой. Красивыми чертами он считает сопереживание и понимание душевных устремлений других. В стихотворении «Анастасия» лирический герой безуспешно призывает подругу к взаимопониманию (*вслушайся*), но не получает душевного отклика от нее. Стихотворение заканчивается строками:

Девка расписная,
Дура в лентах, серьгах и шелках!
(«Анастасия»).

При расхождении внешней и внутренней красоты в человеке поэт однозначно отдает предпочтение внутренней красоте: если девушка внешне нехороша, но обладает прекрасны-

ми душевными качествами, то для него она красавица. И наоборот, девушку, обладающую только внешней красотой при душевной черствости, эгоизме, называет *дурой в лентах, серьгах и шелках*.

Красоту женщины, по мнению Васильева, можно назвать *бесстыжей*, если внешняя красота противоречит поведению женщины – некрасивому, разнузданному, нарушающему правила приличия [Temirgazina, 2013]:

Бабы, за руки взявшись,
Пели
И приплясывали, свища,
Красотой бесстыжей
Красивы,
Пьяны праздничною кутерьмой,
Разукрашены на диво...
(«Гульбище»).

Заключение

Языковая объективация концепта *КРАСОТА* в поэтической картине мира Васильева демонстрирует, что поэт придерживается русского народного идеала красоты. В его поэтике для образного описания женской красоты используются фольклорные образные средства, устно-поэтические метафоры и сравнения; частотны типичные для русской лингвокультуры метафорические модели, источником которых выступают птицы, звери, цветы, ягоды. Однако важно отметить, что в эстетических канонах внешности находит отражение транскультурный характер художественного мировосприятия Васильева, проявляющийся в симбиозе русского и казахского канонов красоты. Поэт находит красивыми, помимо чисто славянских черт внешности, типично азиатские черты: смуглость, раскосость, скуластость.

Васильевым своеобразно интерпретируются некоторые тенденции в общекультурном понимании красоты, что придает концепту особый смысловой колорит. Он проявляет повышенный эстетический интерес к такой детали лица, как *брови*, считая их не только важным элементом внешней красоты, но и показателем ментального мира человека. Еще одной специфической чертой в понимании красоты женщины является обостренное внимание к таким элементам одежды и обуви, как юбка, шаль, каблуки. В этом плане семиотически значимой становится характеристика ткани одежды – *ситец*, *ситец*. Развивая идеи бинарности красоты в человеке (существование внешней и внутренней красоты) и локализации внутренней красоты в общезыковом концепте, Павел Васильев полагает, что, кроме общепринятой локализации – в глазах человека, душа помещается в уголках губ, в улыбке женщины.

Таким образом, концепт *КРАСОТА* в поэзии Васильева интерпретируется в соответствии с его авторскими художественно-эстетическими представлениями, сохраняя в значительной степени черты русского народного эстетического идеала красоты.

Список литературы

- Берендеева М. С., Борзенкова Н. А. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира кинорежиссера Андрея Тарковского в рассказе «Белый день» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 40–56. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

- Залыгин С. П.** Просторы и границы (о поэзии Павла Васильева) // Павел Васильев. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 5–20.
- Зусман В. Г.** Концепт в системе научного знания // *Вопр. литературы*. 2003. № 2. С. 3–17.
- Лошаков А. Г.** Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.
- Мещерякова Ю. В.** Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 232 с.
- Миллер Л. В.** Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: На материале русской литературы: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 303 с.
- Мухина Н. М.** Репрезентация идеи красоты в поэзии Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 214 с.
- Сборошенко К. В.** Метафорическая репрезентация концепта «красота» в современной поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 236 с.
- Севрюгина Е. В.** Языковое отражение концептов «любовь» и «красота» в поэзии Ф. И. Тютчева и У. Вордсворта: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 251 с.
- Темиргазина З. К.** Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // *Вестник РУДН. Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. № 18 (1). С. 29–43. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43
- Темиргазина З. К., Ибраева Ж. Б.** Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // *Вестник Том. гос. ун-та. Филология*. 2021. № 72. С. 290–307. DOI 10.17223/19986645/72/16
- Темиргазина З. К., Жакупова Г. К.** Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12, № 1. С. 137–152. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152
- Эпштейн М. Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.
- Albekova A., Kurmanova Z. et al.** One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh language in comparison with Russian and English. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 459–475. DOI 10.31648/pw.6876
- Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. London, The Uni. of Chicago Press, 2003, 276 p.
- Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M. et al.** “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 3–16. DOI 10.18355/XL.2020.13.02.01
- Temirgazina Z.** Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24 (6), pp. 822–825.

Список источников и словарей

- Ефремова Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. М.: АСТ, 2006. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения 16.05.2021).
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 04.05.2021).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar> (дата обращения 10.06.2021).
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

References

- Albekova A., Kurmanova Z. et al.** One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 459–475. DOI 10.31648/pw.6876
- Berendeeva M. S., Borzenkova N. A.** The Representation of the Film Director Andrei Tarkovsky's Individual Artistic Worldview in the Short Story *A White, White Day*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, pp. 40–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56
- Epshiteyn M. N.** “Priroda, mir, tainik vselennoi...”: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii [“Nature, the world, the secret of the universe...”: The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 303 p. (in Russ.)
- Gudkov D. B., Kovshova M. L.** Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu [The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 288 p. (in Russ.)
- Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. London, The Uni. of Chicago Press, 2003, 276 p.
- Loshakov A. G.** Sverkh tekst kak slovesno-kontseptual'nyi fenomen [Supertext as a verbal-conceptual phenomenon]. Arkhangelsk, Pomorskiy Uni. Press, 2007, 344 p. (in Russ.)
- Meshcheryakova Yu. V.** Kontsept “krasota” v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh [The concept of “beauty” in English and Russian linguocultures]. Cand. of Art History Diss. Volgograd, 2004, 232 p. (in Russ.)
- Miller L. V.** Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoi kartiny mira: Na materiale russkoi literatury [Linguo-cognitive mechanisms of the development of an artistic picture of the world: Based on the material of Russian literature]. Dr. of Art History Diss. Moscow, RSB, 2005, 303 p. (in Russ.)
- Mukhina N. M.** Reprezentatsiya idei krasoty v poezii N. S. Gumileva i A. A. Akhmatovoi [Representation of the idea of beauty in the poetry of N. S. Gumilyov and A. A. Akhmatova]. Cand. of Art History Diss. Ekaterinburg, 2000, 214 p. (in Russ.)
- Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M. et al.** “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 3–16. DOI 10.18355/XL.2020.13.02.01
- Sboroshenko K. V.** Metaforicheskaya reprezentatsiya kontsepta “krasota” v sovremennoi poezii [Metaphorical representation of the concept “beauty” in modern poetry]. Cand. of Art History Diss. Chelyabinsk, 2009, 236 p. (in Russ.)
- Sevryugina E. V.** Yazykovoye otrazheniye kontseptov “lyubov” i “krasota” v poezii F. I. Tyutcheva i U. Vordsvorta [Linguistic reflection of the concepts “love” and “beauty” in the poetry of F. I. Tyutchev and W. Wordsworth]. Cand. of Art History Diss. Moscow, 2003, 251 p. (in Russ.)
- Temirgazina Z.** Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24 (6), pp. 822–825.
- Temirgazina Z. K.** Transkul'turnost' i ee proyavleniye v poetike liricheskikh tekstov [Transculturality and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts]. *Vestnik RUDN. Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki* [Bulletin of the RUDN. Polylinguality and transcultural practices], 2021, no. 18 (1), pp. 29–43. (in Russ.) DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43
- Temirgazina Z. K., Ibraeva Z. B.** Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvorenii P. Vasil'eva) [Observer in poetic narrative (on the example of P. Vasiliev's poems)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2021, no. 72, pp. 290–307. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/72/16
- Temirgazina Z. K., Zhakupova G. K.** Garmoniya i disgarmoniya: akusticheskaya oppozitsiya v rannei lirike Aleksandra Bloka [Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 137–152. (in Russ.) DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

- Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelyov A. D.** Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005, 540 p. (in Russ.)
- Zalygin S. P.** Prostory i granitsy (o poezii Pavla Vasil'eva) [Spaces and borders (on the poetry of Pavel Vasiliev)]. In: Pavel Vasil'ev. Stikhotvoreniya i poemys [Pavel Vasiliev. Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1968, pp. 5–20. (in Russ.)
- Zusman V. G.** Kontsept v sisteme nauchnogo znaniya [Concept in the system of scientific knowledge]. *Voprosy literatury*, 2003, no. 2, pp. 3–17. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Efremova T. F.** Sovremennyyi tolkovyyi slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. In 3 vols. Moscow, AST, 2006. (in Russ.) URL: <https://www.efremova.info> (accessed 16.05.2021).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. (in Russ.) URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 04.05.2021).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az" Publ., 1992. (in Russ.) URL: <http://ozhegov.info/slovar> (accessed 10.06.2021).
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004, 991 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Зифа Какбаевна Темиргазина, доктор филологических наук
Scopus Author ID 55776658000
WoS Researcher ID AAC-7121-2020
RSCI Author ID 449512
SPIN 5217-4225

Information about the Author

Zifa K. Temirgazina, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 55776658000
WoS Researcher ID AAC-7121-2020
RSCI Author ID 449512
SPIN 5217-4225

*Статья поступила в редакцию 03.10.2021;
одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 02.02.2022
The article was submitted 03.10.2021;
approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 02.02.2022*

Научная статья

УДК 811.581.11:811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-47-55

Структура лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических текстов 1940-х – 1970-х годов

Мария Сергеевна Берендеева¹

Цинь Мэн²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ maria.berendeewa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4897-5830>

² qm1187567091@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0960-5682>

Аннотация

Работа посвящена описанию лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических контекстов 1940-х – 1970-х гг. из «Национального корпуса русского языка» и «Национального корпуса китайского языка». В результате анализа выявлены когнитивные признаки, формирующие структуру концептов ТРУД / 劳动, определены общие и уникальные особенности содержания концептов. Анализ показал, что и русский концепт ТРУД, и китайский концепт 劳动 имеют в своей структуре блоки разной степени идеологизации, связанные с типовыми элементами ситуации труда в картине мира социалистического общества: субъект, характеристика труда, отношение к труду, результат, процесс труда, адресат труда (общество / страна как условный получатель результата), объект труда. В обеих картинах мира представления о труде концептуализируются через метафору борьбы с сокращенным сценарием. Особенностью русского концепта ТРУД является наличие блока представлений о героизме.

Ключевые слова

концепт, концепт ТРУД, лингвокультурный концепт, лингвокультурология, лингвоконцептология

Для цитирования

Берендеева М. С., Цинь Мэн. Структура лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических текстов 1940-х – 1970-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 47–55. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-47-55

The Structure of Linguocultural Concepts LABOR / 劳动 in the Russian and Chinese Worldviews Based on the Material of Journalistic Texts of 1940s – 1970s

Maria S. Berendeewa¹

Qin Meng²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ maria.berendeewa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4897-5830>

² qm1187567091@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0960-5682>

Abstract

Purpose. The article is dedicated to analyzing of concepts LABOR / 劳动 as basic ideas in worldviews of the Russian and Chinese national cultures on the material of the 1940s – 1970s publicist contexts from the “National Corpus of the Russian language” and the “National Corpus of the Chinese language”.

© Берендеева М. С., Цинь Мэн, 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 47–55
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 47–55

Results. The analysis of the contexts revealed the main cognitive features that form the structure of the concepts *LABOR* / 劳动, identified similarities and differences in their worldviews.

It has been proved that both the Russian concept *LABOR* and the Chinese concept 劳动 have the basic blocks of different degrees of ideologization in their structure, associated with the typical elements of the situation of labor in the worldviews of socialist society: subject (collective laborer), characteristic of labor (pace, selflessness), attitude to labor (joyful labor), result of labor (in the linguistic consciousness of the Russians – for society and country, in the linguistic consciousness of the Chinese – for society and for person), labor process (intensity, detailed labor conditions in Chinese texts), labor addressee (society / country as conditional recipient of labor result), the object of labor (natural resources, the results of technological progress).

Conclusion. In both worldviews, representations of labor are conceptualized through the use of metaphor – struggle with an abbreviated scenario (the collective subject, conditional opponent – capitalism, a process without clear stages, inevitable victory). A feature of the Russian concept of *LABOR* is the presence of an extensive block of ideas about the heroism of workers.

Keywords

concept, concept *LABOR*, linguocultural concept, cultural linguistic, studies of concept

For citation

Berendeeva M. S., Qin Meng. The Structure of Linguocultural Concepts *LABOR* / 劳动 in the Russian and Chinese Worldviews Based on the Material of Journalistic Texts of 1940s – 1970s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 47–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-47-55

Введение

Работа посвящена лингвокультурологическому описанию концепта *ТРУД* на материале его основных лексем-репрезентантов в русских и китайских публицистических текстах 1940–1970 гг. *ТРУД* является одним из ключевых концептов культуры (констант культуры – в терминологии Ю. С. Степанова [2003, с. 363]), ему посвящено немалое количество лингвистических исследований, сконцентрированных на различных сторонах репрезентации концепта *ТРУД*. Так, концепт *ТРУД* активно изучается на материале лексикографических источников [Токарев, 2003], на материале фразеологизмов и паремий [Жуков, 2004], отдельные сопоставительные исследования основаны на экспериментальных и корпусных данных [Габоева, 2013].

В работах, посвященных концепту *ТРУД*, подчеркивается его статус концепта-идеологемы, т. е. концепта, отражающего идеологизированные представления. Значимость идеологической составляющей в структуре концепта *ТРУД* делает актуальным его рассмотрение на материале публицистических текстов различных периодов. Так, в работах О. Е. Черновой концепт *ТРУД* рассматривается в контексте идеологического фактора формирования структуры, автор показывает, что «содержание идеологической составляющей концепта “труд” отражает официальную идеологию и формируется через средства массовой информации» [Чернова, 2004, с. 5]. Для определения комплекса признаков концепта *ТРУД* мы обратились к текстам более широкой выборки, привлекая к анализу материалы различных изданий. Для выявления уникального и культурно специфичного анализ проводился в сопоставлении с китайским концептом 劳动 ‘ТРУД’, структура которого в XX в. формировалась под влиянием сходных политико-экономических условий и может отражать сходный вектор идеологизации. Несмотря на достаточно подробное описание концепта *ТРУД*, комплексного сопоставления русского концепта *ТРУД* и китайского концепта 劳动 на материале публицистических контекстов ранее не проводилось. Целью нашей работы является моделирование структуры концептов *ТРУД* / 劳动 на основе русских и китайских контекстов 1940–1970 гг.

Методы и материалы

На основе русских и китайских публицистических текстов 1940–1970 гг. была составлена выборка из 1 000 контекстов (500 русских и 500 китайских). К сбору контекстов привлекались следующие источники: «Национальный корпус русского языка», включающий примеры

из различных периодических изданий («Правда», «Известия», «Наука и жизнь», «Вечерняя Москва» и др.), и «Национальный корпус китайского языка», преимущественно включающий примеры из издания «Жэньминь жибао».

В анализируемую группу вошли собранные методом сплошной выборки примеры, в которых употребляются лексема «труд», ее наиболее близкие синонимы и их производные («работа», «дело», «трудиться», «работать») или их китайские эквиваленты – лексемы 劳动 ‘труд’ и 工作 ‘работа’.

Единицы полученной выборки разделены на группы в зависимости от репрезентируемого ими когнитивного признака концепта ТРУД / 劳动. При выделении признаков учитывались следующие факторы: систематическое использование репрезентантов концепта ТРУД / 劳动 в сочетаемости с лексемами каких-то определенных семантических полей в контексте; наличие коннотативно маркированных единиц, какие-либо приращения семантики лексем-репрезентантов в контекстах и т. п.

Результаты исследования

Далее приведем основные концептуальные признаки, представленные в структуре как русского, так и китайского концепта, в порядке убывания доли данного признака в общем объеме русского материала.

1. **Признак коммунизм и социализм** является наиболее часто репрезентируемым как в русских (267 примеров, 53,4 % от общего количества), так и в китайских (219 примеров, 43,8 % от общего количества) контекстах, что связано с особенностями политической ситуации и представляет идеологическую сторону структуры концепта:

Радостный труд миллионов наших людей объединен общей идеей служения великой Родине, направляется партией Ленина – Сталина на достижение великой цели – коммунизма («Наука и жизнь», 1950).

Этот признак имеет как общие, так и дифференциальные характеристики: русские примеры дают представление о том, что основной целью труда является достижение коммунизма, в китайской картине мира акцент смещен на значимость личных жертв и усилий для достижения социализма.

2. **Признак борьба** представлен также в обеих выборках: 249 русских и 187 китайских примеров, что составляет 49,8 и 37,4 % соответственно. Данный признак репрезентирует сценарную часть концепта ТРУД: труд является процессом, сформированным субъектами борьбы (трудящиеся), целью (защитить государство или коммунистический строй) и предполагаемым результатом (одержать победу). Актуализация этого признака связана с идеологической составляющей: строительство социалистической страны формирует противостояние с капитализмом, и вся трудовая деятельность несет в себе признак борьбы. Сравним сходные контексты ниже:

В процессе борьбы и труда молодежь приобретает революционную закалку, столь необходимую для борьбы за высокие идеи большевистской партии, за победу коммунизма («Советское искусство», № 10 (1150), 1949).

社会主义一定胜利。国际反动派的煽动和叫嚷、狂热地寻找社会主义国家之间的所谓矛盾，都不能使它有所改变。恰恰与此相反，我们不是相互反对，而是永远为了共同的目标而劳动和斗争。‘Социализм обязательно победит. Подстрекательства и крики международной реакции, фанатический поиск так называемых противоречий между социалистическими странами не могут этого изменить. Наоборот, мы не против друг друга, а всегда работаем и боремся за общую цель’ («Жэньминь жибао», 25 января 1959 г.).

Контексты показывают общие особенности признака ‘труд – это борьба’: труд отождествляется с борьбой (в контекстах это выражается через типичные пары *борьба* и *труд*, *работаем* и *боремся*), статус борьбы делает труд героическим (*героические подвиги*), целью является защита какой-то ценности (*победа коммунизма, дело рабочего класса, общая цель*), борьба предполагает победу. Как в русской, так и в китайской картине мира представление о труде как о борьбе является общим, сценарий борьбы не репрезентирован подробно. Так, в русской

картине мира представления о борьбе, как и представления о войне, в более типичной ситуации включают два субъекта, противостояние субъектов, итог с победой / поражением или компромиссом (см., например, [Тихонова, 2005, с. 6]), но контексты с репрезентантами концепта *ТРУД* показывают устранение или трансформацию многих элементов: труд как борьба имеет одного субъекта (коллектив трудящихся), второй субъект предельно абстрактен (условное общество капитализма или внешняя угроза), этапы противодействия не определены, в качестве итога вербализуется только победа.

3. **Признак на благо общества и народа** также представлен большим количеством примеров: 176 русских контекстов и 198 китайских (35,2 и 39,6 %).

Русские контексты показывают отождествление общества и страны в качестве главного адресата и бенефицианта личного труда, что подчеркивается систематическим воспроизведением публицистического клише *на / во благо народа / Родины*, а также использованием в контекстах с этим клише лексем *труд* и *жертва* в качестве контекстных синонимов и сопровождение лексемы *труд* определениями *бесвозмездный*, *самоотверженный* и т. п.:

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС отмечают высокую организованность и активность всех трудящихся во время проведения Всесоюзного коммунистического субботника 11 апреля и выражают глубокую, сердечную благодарность всем его участникам за *патриотический, самоотверженный и бесвозмездный труд на благо нашей социалистической Отчизны!* («Правда», 1970).

В китайских контекстах аналогичный признак репрезентирован через выражения *为人民劳动* ‘работать для народа’, *为国家劳动* ‘работать для страны’.

4. **Признак счастье и радость** также представлен соотносимым количеством контекстов (127 (25,4 %) русских и 148 (29,6 %) китайских примеров), выражает характеристику результата труда и предполагает положительно эмоционально окрашенный результат для страны, т. е. для коллективного бенефицианта труда, а не для субъекта, что репрезентируется через конкретизацию *счастье для других / для всех / для страны*:

Советские люди знают, что их труд послужит на счастье всем, войдет в сокровищницу народного хозяйства, обогатит каждого члена нашей большой и дружной семьи («Советское искусство», № 27 (1415), 1952).

Данный признак пересекается с признаком ‘на благо общества и народа’, так как тоже выражает отождествление общества и страны и характерные для идеологической части концепта представления о значимости общественных интересов.

5. **Признак план**, связанный с представлениями о плановой экономике, также репрезентирован большим количеством примеров: 111 (22,2 %) русских и 89 (17,8 %) китайских контекстов. В русском материале этот признак связан с представлением о необходимости работать более интенсивно, что также показывает идеологическое воздействие через СМИ:

Всё это еще больше содействует дальнейшему невиданному росту *производительности труда, выполнению производственных планов*, повышению материального благосостояния трудящихся и укреплению оборонной мощи нашей страны («Наука и жизнь», 1949).

6. **Признак соревнование с капитализмом** связан с признаком ‘борьба’ и объединяет представления об условном и абстрактном субъекте борьбы. Этот признак репрезентирован в 103 русских и 106 китайских контекстах (20,6 и 21,2 %). Особенностью русских контекстов является метафоризация капитализма через образ врага или соперника в состязании:

Они знают, что нельзя терять ни минуты в этом *созидательном труде* в дни, когда наша Родина вступила в решающий этап экономического *соревнования с капитализмом* («Техника – молодежи», 1959).

Для китайской картины мира менее значима метафора борьбы социализма и капитализма, но контексты показывают метафору *капитализм как рабство*: *资本主义奴役的枷锁* ‘иго капиталистического рабства’.

7. **Признак наука и техника** представлен соотносимым количеством контекстов: 105 примеров (21 %) в русской выборке и 96 примеров (19,2 %) в китайской. Примеры из русской

выборки отражают представления о быстром развитии науки. Так, следующий контекст показывает типичный сценарий научного прогресса: коллективный субъект (ученые) осуществляет тяжелый труд, что приводит к результату (успех страны):

Успехи советских ученых и конструкторов, работающих в области измерения времени, являются результатом упорной и плодотворной работы ряда коллективов научно-исследовательских институтов и обсерваторий, вооруженных передовой отечественной техникой («Наука и жизнь», 1953).

8. **Признак слава и подвиг** связан с представлениями о героизме, но показывает не особенности субъекта труда (героизм трудящихся), а результат для субъекта (получение признания). В русском языке этот признак репрезентирован в 87 контекстах (17,4 %), а в китайском – в 76 контекстах (15,2 %). Отличия связаны с тем, что русские контексты репрезентируют представления о результате для страны (бенефицианта труда, которого ждет слава и признание заслуг – пример 1), а китайские контексты – о результате для действующего субъекта, которого ждут признание, почет и слава (пример 2):

1. Этот мичуринский завет, можно сказать, проникнут большевистским духом и зовет не только работников науки, но и миллионы практиков сельского хозяйства к живой творческой *работе* на пользу и славу нашего народа («Наука и жизнь», 1950).

2. 目前, 各种学校中女学生的人数都在增加, 并有大批妇女担任光荣的教育工作。‘В настоящее время число учениц в различных школах увеличивается, и большое число женщин занимают почетные должности в сфере образования’ («Жэньминь жибао», 24 апреля 1953 г.).

9. **Признак опыт** связан с представлениями о необходимости опираться на достижения предшественников и использовать в своем труде их опыт, характеризующийся как передовой:

Коллективный труд, передовая агротехника, механизация и использование *передового опыта* советских колхозников способствуют увеличению урожаев («Сталинское знамя», 1951.09.15).

Для китайского концепта можно предположить большую актуальность признака, так как он представлен большим количеством контекстов: 32 русских контекста (6,4 %) и 64 китайских (13 %).

10. **Признак коллектив** эксплицирован в 31 русском примере (6,2 %) и 45 китайских (9 %) и репрезентирует представления о коллективном характере субъекта деятельности:

Из колхозов, с промышленных предприятий в редакцию поступают письма о первых днях *работы* в новом году – о ходе выполнения январской программы заводскими *коллективами*, о подготовке к весне в сельхозартелях («Северный колхозник», 1959.01.06).

11. **Признак напряжение и интенсивность** также репрезентирован с примерно равной частотой: 18 (3,6 %) русских примеров и 19 (3,8 %) китайских. Этот признак в обеих картинах мира репрезентируется в ряду *труд – напряжение – усилия* и отражает представления об усиленном труде, который приводит к значимому для страны результату:

Свершилось то, чего ждали, к чему стремились, что стоило крови, *труда, напряжения*, титанических *усилий*. И первая мысль, первый порыв – идти туда, где Кремль, где великий Сталин, где великая могила Ленина, – на Красную площадь («Известия», 1945).

12. **Признак энтузиазм и инициатива** представлен в неравном соотношении: 17 русских примеров (3,4 %) и 68 китайских (13,6 %), что свидетельствует о меньшей значимости признака в структуре русского концепта. Русские контексты указывают на инициативу как на свойство коллективного субъекта:

Ленин учил: чтобы комсомол стал вожаком и организатором молодежи, он должен быть ударной группой, которая *во всякой работе* оказывает свою помощь, проявляет свою *инициативу*, свой почин («Вожатый», 1945).

13. **Признак самоотверженность** связан с признаком ‘на благо общества и страны’, так как выражает представление о необходимости жертвовать личными интересами ради общественных. Этот признак представлен асимметрично: 13 русских примеров (2,6 %) и 153 при-

мера (30,6 %) в китайской выборке. В русских контекстах стандартным вариантом языковой репрезентации признака являются лексемы *самоотверженный / самоотверженно*.

Особенность этого признака в китайской картине мира – конкретизация условий труда, т. е. акцентирование тех обстоятельств, которые становятся объектом жертвования (время, комфорт и т. п.):

广大职工和工程沿线群众发扬一不怕苦，二不怕死的革命精神，战严寒，斗酷暑，忘我地劳动。
‘Огромное количество рабочих, массы несут вперед революционный дух: не бояться *лишений* и не бояться *смерти*, бороться с *лютým холодом*, бороться с *изнуряющим зноем*, самоотверженно трудиться’
(«Жэньминь жибао», 13 мая 1970 г.).

14. Признак *женщина* свидетельствует об изменении отношения к женскому труду в обществе:

В нашей стране большое число тружениц промышленности, транспорта, сельского хозяйства отмечено высоким званием Героев Социалистического Труда, 741 *женщина* носит значок лауреата Сталинской премии, 280 женщин являются депутатами Верховного Совета СССР («Труд», 1953).

Этот признак представлен неравномерно: 22 русских примера (4,4 %) и 163 китайских (32,6 %). Высокая частота репрезентации признака в китайской выборке показывает возможное изменение доли данного признака в структуре концепта *劳动*.

Далее приведем признаки, которые являются уникальными для структуры китайского концепта *劳动*:

1. Признак *уровень образования* представлен в 34 примерах, что составляет 6,8 %, и связан с представлением о том, что образование трудящихся в первые годы основания Нового Китая являлось важной задачей на пути к социализму:

劳动人民把自己养育大，自己却为个人学习，那是多么可耻啊！为广大劳动人民而学，为彻底改变祖国的一穷二白面貌而学，这才符合时代的要求，这才是最强大的学习动力！‘Как стыдно *трудящимся* учиться для самого себя! Надо учиться для *огромного числа народа*, учиться полностью для того, чтобы менять бедную *Родину*, это соответствует требованиям нового времени, и это мощнейшая учебная мотивация!’ (Жэньминь жибао, 04 мая 1966 г.).

2. Признак *противоречие между трудом и работой* репрезентирован в небольшом количестве китайских примеров (26 случаев, 5,2 %) и показывает историческую ситуацию, связанную с противопоставлением городского и сельского труда после образования Китайской Народной Республики. На уровне языка это выражается в существующем в ряде контекстов противопоставлении лексем *劳动* ‘труд’ и *工作* ‘работа’: *劳动* ‘труд’ используется по отношению к работе в поле и приобретает отрицательные коннотации (пренебрежительное отношение), а *工作* ‘работа’ – по отношению к работе в городе, связанной с положительными коннотациями.

3. Признак *сочетание теории с практикой* репрезентирован в 19 случаях (3,8 %) в китайской выборке и показывает представление о значимости собственной практической деятельности и приобретения опыта на практике:

我过去虽然多念了些书，对这些实际的问题，却无法解决。到这时候，我才想到既应该承认书本上的东西，也应该承认人们正在劳动中积累的经验。在实践生产工作中锻炼自己，将理论知识与实践结合起来。‘Хотя раньше я читал больше книг, я не мог решить эти практические задачи. Только тогда я понял, что должен признавать и то, что есть в книгах, и тот опыт, который люди накапливают в труде и работе. Нужно упражняться в практической производственной работе и сочетать теоретические знания с практикой’ (Жэньминь жибао, 20 мая 1953 г.).

4. Признак *поощрение чиновников участвовать в труде* является относительно частотным (59 случаев, 11,8 %) и репрезентирует представление о включении чиновников в коллективный субъект труда:

党委经常组织党委成员参加集体生产劳动，促进了思想革命化，保持和发扬了党的密切联系群众的优良传统。‘Партийный комитет часто организует членов *парткома* для участия в *коллективном производ-*

ственном труде, что способствует идеологической революции, поддерживает и развивает прекрасную партийную традицию тесной связи с массами' (Жэньминь жибао, 20 октября 1969 г.).

Уникальные особенности русского концепта *ТРУД* сводятся к **концептуальному признаку доблесть и героизм**, который является одним из наиболее частотных в выборке русских примеров (99 контекстов, 19,8 % от общей выборки) и связан с представлением о труде как о деле чести, героизма и доблести, это репрезентируется через сочетание лексемы *труд* в контекстах с лексемами *доблесть, героизм, честь, слава*, а также через их контекстных «партнеров» с возвышенным стилистическим компонентом:

Герои этих комедий – *простые советские люди*, патриоты нашей социалистической страны, люди, для которых *труд*, на благо Родины является *делом чести, доблести и героизма* («Советское искусство», № 10 (1150), 1949).

Обобщая характер выявленных когнитивных признаков концептов *ТРУД* и *劳动*, можно выделить несколько зон концепта, соответствующих элементам типового сценария труда, репрезентированного в языковой картине мира русских и китайцев:

1. Субъект труда. Эта область репрезентируется практически во всех случаях, т. е. является ключевой в структуре концептов. И в русских, и в китайских контекстах репрезентированы представления о коллективном субъекте (*все общество, коллектив завода, института* и т. п.), труд предстает как деятельность общества. Для русской картины мира в меньшей степени характерна детализация субъекта, в то время как в китайских контекстах подчеркивается вхождение в коллективный субъект женщин, а также необходимость совместного труда чиновников и рабочих.

2. Характеристики труда. Эта область также имеет сходство в двух картинах мира и выражается через следующие характеристики: связь труда с положительными эмоциями, высокий темп работы, необходимость труда ради общих задач, общественный характер труда (*трудиться не на благо себе, а на благо всего общества*). Разница в том, что в русской картине мира преобладают представления об умственном труде, а в китайской картине мира формируется противопоставление «городского» и «сельского».

3. Отношение к труду. В обеих картинах мира этот признак является идеологизированным, он связан с необходимой радостью субъекта в процессе труда. Особенностью русской картины мира является дополнение этого признака представлением о героизме субъекта и о последующей славе.

4. Результат труда. Особенностью этого блока является высокий уровень условности представлений о результате и репрезентация двух составляющих результата: 1) получение положительного результата для абстрактного адресата / бенефицианта (*народ, страна, коммунизм / социализм*) – в русских контекстах; 2) получение субъектом почета и признания – в китайских примерах.

5. Процесс труда. Труд в обеих картинах мира осмысливается как борьба, имеющая условный сценарий (*противостояние идеологическому врагу, неизбежная победа*). Отметим также тенденцию к большей детализации условий труда в китайской картине мира, разное отношение к роли научного прогресса и обучения, к опыту и к практической части труда.

6. Адресат труда. Этот блок в структуре обоих концептов является элементом идеологии, так как объединяет признаки, транслируемые через СМИ в качестве необходимых для картины мира социализма – труд не ради блага субъекта труда, а ради блага внешнего адресата или своеобразного бенефицианта труда, отделяемого от субъекта (*государство, народ, социализм*).

7. Объект труда. Этот блок представлен в малом количестве контекстов и связан с представлениями о науке и технике: труд понимается как основанный не только на ресурсах и силе трудящихся, но и на результатах технического прогресса.

Заключение

На основе сопоставления можно сделать следующие выводы о структуре концептов *ТРУД* / 劳动.

1. Как в китайской, так и в русской публицистической картине мира 1940–1970 гг. представления о труде концептуализируются через метафору борьбы с упрощенным сценарием: вербализованы такие элементы борьбы, как субъекты (коллективный субъект труда – *трудящиеся* – и условный обезличенный противник – *капитализм*), процесс борьбы (интенсивный труд без детализации этапов), исход – неизбежная победа.

2. Концепт *ТРУД* / 劳动 имеет несколько блоков, соответствующих элементам типовой ситуации труда и сценария трудовой деятельности и являющихся общими для русской и китайской картин мира.

3. Различные блоки концепта *ТРУД* / 劳动 характеризуются разной степенью идеологизированности и включения представлений, транслируемых через СМИ для формирования национальной картины мира с определенными установками.

4. Отличительной особенностью русского концепта *ТРУД* в публицистической картине мира 1940–1970 гг. является наличие в структуре концепта представлений о героизме субъекта труда.

Дальнейшие исследования в данной области будут направлены на сопоставление контекстов различных периодов из СМИ и социальных сетей для определения структурной динамики концепта *ТРУД*.

Список литературы

- Габоева З. М.** Концептуализация трудовой деятельности человека в разных лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2013. 22 с.
- Жуков К. А.** Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 26 с.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- Тихонова В. Я.** Концепт «борьба» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 22 с.
- Токарев Г. В.** Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 46 с.
- Чернова О. Е.** Концепт «труд» как объект идеологизации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 19 с.

Список источников

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- БСС 语料库 (Корпус китайского языка БСС). URL: <http://bcc.blcu.edu.cn> (дата обращения 15.01.2022).

References

- Chernova O. E.** Kontsept “trud” kak ob"ekt ideologizatsii [The concept “labor” as an object of ideologization]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2004, 19 p. (in Russ.)
- Gaboeva Z. M.** Kontseptualizatsiya trudovoi deyatel'nosti cheloveka v raznykh lingvokul'turakh [Conceptualization of human labor activity in different linguistic cultures]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nalchik, 2013, 22 p. (in Russ.)

- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004, 992 p. (in Russ.)
- Tikhonova V. Ya.** Kontsept "bor'ba" v russkoi yazykovoi kartine mira [The concept "struggle" in the Russian language picture of the world]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Tyumen, 2005, 22 p. (in Russ.)
- Tokarev G. V.** Teoreticheskie problemy verbalizatsii kontsepta "trud" v russkom yazyke [Theoretical problems of verbalization of the concept "labor" in Russian]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2003, 46 p. (in Russ.)
- Zhukov K. A.** Yazykovoe voploshchenie kontsepta "Trud" v poslovichnoi kartine mira (na materiale russkoi i angliyskoi paremiologii) [Linguistic embodiment of the concept "Labor" in the proverbial worldview (based on Russian and English paremiology)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Velikiy Novgorod, 2004, 26 p. (in Russ.)

List of Sources

- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (in Russ.) URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 10.02.2021).
- Korpus kitaiskogo yazyka BCC [BCC 语料库]. (in Chin.) URL: <http://bcc.blcu.edu.cn> (accessed 15.01.2022).

Информация об авторах

Мария Сергеевна Берендеева, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57206664670
SPIN 9595-6713
Цинь Мэн, аспирант

Information about the Authors

Maria S. Berendeeva, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57206664670
SPIN 9595-6713
Qin Meng, Postgraduate Student

Вклад авторов:

М. С. Берендеева – общее научное руководство, разработка методики исследования, подготовка итогового варианта текста.
Цинь Мэн – сбор материала, анализ источников, обработка и систематизация результатов, подготовка основной части текста.

Contribution of the Authors:

Maria S. Berendeeva guided the research process, developed the methodology and approaches, prepared the final draft of the article.
Qin Meng collected and analyzed sources, processed and systematized results, prepared the body of the article.

*Статья поступила в редакцию 30.02.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted 30.02.2022;
approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 16.05.2022*

Научная статья

УДК 81'37

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-56-66

Выражение категории определенности / неопределенности с помощью слова «один» в русском языке в сопоставлении с китайским аналогом

Чжоу Хайянь

Пекинский университет
Пекин, КНР

hyzh906@pku.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-7496-7041>

Аннотация

При обсуждении феномена прономинализации русских числительных наиболее обсуждаемым словом является «один», часто употребляющееся в функции неопределенного местоимения. Однако слово «один» способно выражать и определительное значение. Аналогичное явление наблюдается в китайском языке. На основе большого количества примеров в статье рассматриваются семантические признаки оппозиции «определенность/неопределенность», раскрываются способы выражения этой оппозиции с помощью слова «один» в русском языке в сопоставлении с китайским аналогом «一 (yī)». Сходство выражения неопределенного значения в русском и китайском языках объясняется тем, что в обоих языках отсутствует регулярный выразитель неопределенности. Прономинализация числительного слова «один» представляет собой феномен грамматикализации.

Ключевые слова

неопределенность, прономинализация, имя числительное, один, семантико-функциональный анализ

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Национального фонда социальных наук Китая, проект «Переходные явления в русских частях речи», № 18BYU233

Для цитирования

Чжоу Хайянь. Выражение категории определенности / неопределенности с помощью слова «один» в русском языке в сопоставлении с китайским аналогом // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 56–66. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-56-66

The Expression of Certainty / Uncertainty Using the Word “Odin (One)” in Russian in Comparison with the Chinese Counterpart

Zhou Haiyan

Peking University
Beijing, China

hyzh906@pku.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-7496-7041>

Abstract

Purpose. When discussing the phenomenon of the pronominalization of Russian numerals, the most discussed word is “odin (one)”, which is often used as an indefinite pronoun. However, in fact, the word “odin (one)” is capable of expressing a definitive meaning depending on the context and situation. In this respect, a similar phenomenon is ob-

© Чжоу Хайянь, 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 56–66

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 56–66

served in the Chinese language. Unlike the Chinese word “一 (yī)”, which is used mainly in the function of pronouns and numerals, the Russian word “odin (one)” is able to perform the functions of different parts of speech. Based on a large number of examples, the article examines the semantic features of the opposition “certainty / uncertainty”, reveals the ways of expressing this opposition using the word “odin (one)” in the Russian language in comparison with the Chinese counterpart “一 (yī)”.

Results. The pronominalization of the numeral word “odin (one)” is a phenomenon of grammaticalization, as a result of which there is a semantic reduction, a change in grammatical categories and syntactic functions.

Conclusion. The similarity of the expression of indefinite meaning in Russian and Chinese is explained by the fact that there is no regular expression of uncertainty in both languages, the category of certainty / uncertainty is realized mainly by lexical means.

Keywords

uncertainty, pronominalization, numeral name, odin (one), semantic and functional analysis

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the National Social Sciences Foundation of China, the project “Transitional phenomena in Russian parts of speech”, no. 18BY233

For citation

Zhou Haiyan. The Expression of Certainty / Uncertainty Using the Word “Odin (One)” in Russian in Comparison with the Chinese Counterpart. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 56–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-56-66

Введение

По данным частотного словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (2009), слово «один» занимает 48-е место, т. е. входит в число самых частотных русских слов. Являясь «первым элементом натурального ряда чисел для выражения процесса, счета» [Гомонова, 2000, с. 7], слово «один» в зависимости от ситуации и контекста может употребляться в качестве разных частей речи: числительного, местоимения, существительного, прилагательного и частицы. Его полифункциональность и сложность установления лексико-грамматического статуса обуславливают ряд проблем, возникающих у китайских студентов в понимании, точном употреблении и переводе этого слова [Шао Наньси, 2008, с. 92]. Китайский русист, профессор Цзо Шаосин посвятил ряд работ переводу и употреблению слова «один» [Цзо Шаосин, 2004; 2015]. При обсуждении языковых средств выражения категории определенности / неопределенности в качестве примера часто приводится слово «один» в значении неопределенного местоимения «какой-то», «некий» [Падучева, 1985, с. 90–92; 2016б; Мельчук, 1985, с. 43, 217–279; Гомонова, 2000, с. 10–11; ТФГ, 1992, с. 249; Шигуров, 2015, с. 29, 112–115; Шемелева, 2020; Гадилия, 2009; Махди Мохаммади Каванд, Сейед Хасан Захраи, 2018; Сирота, 2015; Большова, 1960], которое зафиксировано в четырехтомном академическом словаре, например: *Мне вспоминается одна старая история, давным-давно слышанная мною* (Павленко) (МАС, 1986, с. 592). Определение местоименного значения слова «один» тесно связано с лексико-грамматической классификацией имен существительных, с порядком слов, а также с функционированием текста. Данное исследование, сосредоточенное на слове «один», имеет цель рассмотреть его семантические возможности в выражении значений определенности / неопределенности, а также грамматические особенности функционирования в русском языке в сопоставлении с китайским аналогом «一 (yī)» на основе примеров Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/>) и корпуса CCL при Центре китайской лингвистики Пекинского университета (北京大学中国语言学研究中心 Center for Chinese Linguistics PKU, http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus). Общий объем выборки составляет 800 примеров (500 на русском и 300 на китайском языке).

Оппозиция «определенность / неопределенность»

Оппозиция «определенность / неопределенность» как универсальная семантическая категория существует во всех языках, различаясь лишь средствами выражения. Если артикли яв-

ляются формальными грамматическими показателями в артиклевых языках для выражения категории определенности / неопределенности, то в безартиклевых языках к средствам выражения данной категории относятся «актуальное членение предложения, порядок слов, контекст, нарративность, интонация, фразовое ударение и другие актуализаторы» [Углева, 2006, с. 125]. В этом отношении много общего в русском и китайском языках, так как оба языка выражают категорию определенности / неопределенности без артикля.

Сущность определенности заключается в актуализации и детерминизации имени, демонстрации его единственности в описываемой ситуации, а неопределенность – в выражении его отношения к классу подобных ему феноменов [Николаева, 1998, с. 349; Рогова, 1995, с. 47]. Отсюда следует, что определенность / неопределенность опирается на отношение объекта к действительности. С другой стороны, данная оппозиция определяется и степенью идентифицируемости объекта отдельно для говорящего и для адресата. Именно на этой основе Е. В. Падучева, Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук разделяют местоимения на определенные и неопределенные. Соответственно, неопределенные разделяются на слабонеопределенные и сильнонеопределенные. Термину Е. В. Падучевой «слабоопределенные» [1985, с. 213; 2016б] мы предпочитаем термин Л. Н. Иорданской, И. А. Мельчука и В. А. Плунгяна «слабонеопределенные» [Иорданская, Мельчук, 2013, с. 24; Плунгян, 2011, с. 163]. Слово «один» относится к числу слабонеопределенных местоимений, имя существительное неидентифицируемо лишь для адресата, например: *Однажды одну маленькую и, наверное, еще совсем маленькую девочку пригласили сыграть в кино главную роль* (А. Краснящих, 2016).

Синтагматические особенности слова «один» в значении слабонеопределенного местоимения

Значение и функция слова «один» в качестве слабонеопределенного местоимения тесно связаны с лексико-грамматической классификацией имен существительных, с их референциальным статусом.

В соответствии с лексико-грамматическими признаками существительные делятся на конкретные, отвлеченные, собирательные, вещественные [РГ, 1980, с. 460–465]. При существительных отвлеченных, собирательных и вещественных слово «один» выполняет функцию «ограничительной или усилительной частицы» [Гомонова, 2000, с. 12] в значении «лишь», «только», например: *Но согласимся, что здесь не только одна молодость, ну и, скажем, определенная привлекательность, не говорю красота, потому что не знаю, что это такое* (С. Есин, 2005); *В помещении почти не было серьезных и солидных людей, одна молодежь* (С. Есин, 2008); *Нет никого, одна вода кругом и ветер* (А. Дмитриев, 2003).

Функция слабонеопределенного местоимения «один» наблюдается лишь при конкретных именах существительных, «употребление именной группы безусловно референтное» [Падучева, 2016б]. Слово «один» Е. В. Падучева относит к экзистенциальным местоимениям [Падучева, 2016а, с. 22]. Но далеко не все конкретные существительные + «один» могут выражать неопределенное значение. Если конкретное существительное употребляется во множественном числе, то слово «один» скорее выполняет функцию частицы, например: *Вы не перепутаете: там кругом одни сараи, единственный приличный дом – это наш* (Ю. Лунин, 2016).

Это может объясняться оппозицией «ограниченность / неограниченность», выдвигаемой китайским лингвистом Шэнь Цзясюанем [1995, с. 367–370]. По его предположению, в когнитивном аспекте предметы имеют оппозицию «ограниченность / неограниченность» в пространстве. Если речь идет об именах существительных, то это оппозиция «исчисляемость / неисчисляемость». Сущность ограниченного существительного заключается в его референциальной индивидуальности и исчисляемости, а сущность неограниченного существительного – в его референциальной неиндивидуальности и неисчисляемости. Но оппозиция «ограниченность / неограниченность» шире оппозиции «исчисляемость / неисчисляемость».

Предметы во множественном числе оказываются неограниченными (их количество неизвестно), а неограниченные предметы обладают однородностью независимо от того, как они подсчитаны и разделены. Приведем еще пример: *Нет, у меня там двоек не было – одни пятерки* (М. Бару, 2015).

В приведенных выше примерах лексико-грамматические признаки существительных играют большую роль при понимании синтаксической функции слова «один». Следует отметить: когда слово «один» в предложении выполняет функцию частицы, оно не имеет единого эквивалента в китайском языке.

Особенности слова «один» в значении слабонеопределенного местоимения в организации текста

Слово «один» в качестве слабонеопределенного местоимения в тексте часто выполняет интродуктивную функцию, выступает доминантой в нарративном повествовании, т. е. «передаваемое этим местоимением значение неопределенности основывается на том, что оно характеризует существительное как новое для слушателя» [ТФГ, 1992, с. 249], а сообщение об этом новом идет в тексте далее, например: *И один парень из деревни ее полюбил, его Андреем звали, он через два дома от нас жил* (А. Григорян, 2015); – *Как скажешь, – пожала плечами Маша. – Есть еще одна новость, – улыбнулся я. – Я тут рядом квартиру снял, поехали, посмотришь* (А. Клепаков, 2016).

В предложениях подобного типа оппозиция «определенность / неопределенность» основана на неизвестности об объекте речи для адресата, который ничего не знает о существовании названного говорящим предмета. Говорящий использует слово «один», которое служит показателем неопределенности, чтобы «ввести новые темы и новых персонажей в разговор» [Хуа Шо, 2003, с. 377], чтобы «вводить объект в рассмотрение» [Падучева, 2016б]. Использование слова «один» в конкретных ситуациях также может быть истолковано как выполнение персонализированных функций, т. е. часто означает логическую операцию вычленения предмета или лица из некоего множества, например: *Есть у меня один старый друг, живет в Москве* (Н. Дежнев, 2009). Смысл, выраженный в этом предложении, заключается в том, что у говорящего много старых друзей, но сейчас речь идет об одном из них, живущем в Москве. В китайском языке наблюдается аналогичное явление, например: *在我们院,有一位老师,在国内民法学界很有名,师从日本,我认为足称学术界的精英。* (当代网络语料) / (В нашем колледже есть один преподаватель, который хорошо известен в области гражданского права в Китае. Он учился в Японии. Я думаю, что он по праву считается элитой в академических кругах).

Можно сказать, что в этих случаях в слабонеопределенном значении «один» кроется и значение выделения элемента из класса, из некоторого множества объектов [Левин, 1973, с. 108], т. е. в функции слабонеопределенного местоимения слово «один» не утрачивает значение числительного полностью, в нем наблюдается синкретизм значений количественного числительного и местоимения. Именно на этой основе некоторые ученые определяют слово «один» как полунеопределенные местоимения [Там же, с. 116].

Кроме того, при определении оппозиции «определенность / неопределенность» нужно учитывать порядок слов и акцентно-просодические средства в высказывании.

Прагматические особенности слова «один» в значении слабонеопределенного местоимения

Высказывание «У нашей кошки был один котенок», по мнению Н. Д. Арутюновой, двусмысленно, его можно характеризовать и как интродуктивное предложение, и как количественное предложение. Во многих случаях цель коммуникации, порядок слов и интонация помогают определить значение [Арутюнова, 1976, с. 222].

Если фразовое ударение падает на слово «один» и есть интонация законченности, это количественное значение, например: *В студенческие годы у нее было одно платье. Вечером стирала, утром гладила. Но даже в этом одном платье в нее влюбился Володька Сидоров из Политехнического института* (В. Токарева, 2002). Иногда частица «только» помогает установить количественное значение, например: *Среди нас есть только один жизнерадостный человек – это Юра Плуг* (В. Шапко, 2016). Следует отметить, что когда слово «один» употребляется как чисто количественное числительное, то оно выражает определительное значение, т. е. в предложении наблюдается семантическая определенность.

Но если имя существительное имеет логическое ударение и предложение не имеет интонации завершенности, то слово «один» является слабонеопределенным местоимением и выполняет интродуктивную функцию. В китайском языке наблюдается аналогичное явление. При обсуждении семантических и синтаксических свойств обозначающих вид элементов в китайском языке Лю Данцин [2002, с. 414] указал, что, когда слово «一 (yī, один)» в выражении «一件格子衬衫» (одна клетчатая рубашка) не имеет ударения, оно обозначает неопределенное значение, а когда имеет ударение, то оно обозначает количество. Например: *邻座的一位老先生给我拿出了纸巾, 还批评了那位空姐。于是我们就攀谈起来了。* (当代\CWAC) / (Один пожилой человек на соседнем сиденье достал для меня салфетку и раскритиковал стюардессу. Итак, мы начали разговаривать). В данном предложении слово «一位 (один, yīwei)» не имеет ударения и обозначает неопределенное значение. А в предложении «有些公司内根本没有人力资源专业, 只有一位行政助理人员, 无法期待有多大的帮助。」 (当代\CWAC) / (В некоторых компаниях вообще нет специалиста по кадрам, и есть только один помощник по административным вопросам, поэтому нельзя рассчитывать на их помощь) ударение падает на слово «一位 (один, yīwei)», и частица «只有 (только)» помогает обозначать количественное значение.

Известно, что в китайском языке существует и имя числительное, и счетное слово (классификатор), которое используется для обозначения единицы исчисления людей, вещей или действия и выражает функцию, форму, род и другие существенные признаки данного объекта [Акимова, 2012, с. 102]. Обычно они употребляются в словосочетаниях вместе, например: *一位教授 (один профессор), 一支铅笔 (один карандаш), 一座山 (одна гора)* и т. д.

В речи слово «一 (yī, один)» в значении слабонеопределенного местоимения иногда опускается, остается лишь счетное слово (классификатор), например: *有一天来了位漂亮的广州姑娘说想应聘服务员工作。* (报刊精选) / (Однажды пришла одна красивая девушка из Гуанчжоу и сказала, что хочет устроиться на работу официантом); *右门里面有座小假山, 遮住院内的一切。* (老舍) / (За правой дверью есть небольшой сад камней, покрывающий всё во внутреннем дворе).

Однако в современной речи наблюдается и противоположное явление. Исследовав современный пекинский диалект, китайский лингвист Фан Мэй [2002, с. 352] обнаружила, что, когда «一 (один)» имеет неопределенное значение, оно часто употребляется перед именем существительным без классификатора, как в русском языке, т. е. опускается счетное слово; в таком случае ударение всегда падает на имя существительное, например, *这女的是我亲戚* / (Она моя одна родственница).

На самом деле, это явление наблюдается не только в устной речи пекинцев, оно имеет место и в прессе, и в художественной литературе, например: *天津一老人自制风筝700余架。* (报刊新华社新闻报道) / (Один старик в Тяньцзине сделал более 700 самодельных воздушных змеев); *他见一工人走来时布包显得很沉, 就把人家拦下了。* (梁晓声) / (Он увидел, что мешок производил впечатление очень тяжелого, когда подходил один рабочий, поэтому остановил рабочего).

Слово «один» в функции слабонеопределенного местоимения часто употребляется и в конструкции типа «один из», например: *В одной из квартир, у раскрытой двери, вроде бы*

совсем безразлично, всегда сидела с книгой в руках школьница Вера Веденеева, будущая его жена (В. Шапко, 2016).

Формальная определенность в такого рода предложениях подчеркивает семантическую неопределенность, так как предложение не содержит конкретной информации о том, какая это квартира и что это за квартира; даже если есть описание, оно фактически представляет собой неясную информацию, например: *На одной из самых бойких улиц выстроили местные купчихи высооченные хоромы из красного кирпича и открыли торговые лавки одна другой краше* (Д. Гаврилова, 2018).

Такого рода предложения также являются распространенным шаблоном в китайском языке, например: *文字的出现是文明时代的重要标志之一*. (\\当代\\CWAC) / (Появление письменности – один из важных признаков эпохи цивилизации).

Чтобы исключить эту неопределенность и подчеркнуть единственность, в современном китайском интернетовском сленге используется новая конструкция «没有之一 / не один из...», например: *宝马新7系的操控比奔驰S自然高了好几个级别, 至少目前为止, 一定是同级别中操控最好的, 没有 之一*. (网络语料) / (Управляемость новой 7-й серии BMW, естественно, на несколько уровней выше, чем у Mercedes-Benz S. По крайней мере, пока это должна быть лучшая управляемость в том же классе, а не одна из их числа).

В предложениях с этой конструкцией, которые стали излюбленным средством выражения превосходной степени у молодежи, ярко отражается влияние устной речи на письменную, и прослеживается нарочитая коммуникативная стратегия.

Выражение определительного значения с помощью слова «один»

Среди значений слова «один» следует указать и определительную функцию, например: *Скоро в этом месте океана не осталось ни одного необитаемого острова, на всех по офицанту или по два* (А. Дорофеев, 2003). В отрицательном предложении выражается именно утвердительное значение, без всякого исключения. В китайском языке наблюдается аналогия, например: *尤其全省到现在都没有一个反映红军长征过云南的展览馆, 建立红军长征展览馆迫在眉睫*. (\\当代\\CWAC) / (В частности, в провинции нет ни одного выставочного зала, отражающего Великий поход Красной Армии в провинцию Юньнань. Необходимо срочно создать выставочный зал «Великий поход Красной Армии»).

Определительное значение также выражается в других устойчивых выражениях со словом «один», а именно: «один и тот же», «один за другим», которые в китайском языке имеют, можно сказать, полные эквиваленты. Например: *В глазах обеих возникал один и тот же вопрос: почему он все время смеется?* (В. Шапко, 2016) / (两个人的眼神里传递出同一个问题: 为什么他一直在笑?). Еще пример: *首先是教师们一个接一个上台, 举着扩音器讲话*. (\\当代\\史传\\从普通女孩到银行家) / (Сначала учителя выходили на сцену один за другим, держа в руках микрофон, чтобы говорить).

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, переход слова «один» в аналог выделительно-ограничительных частиц или в «артиклеподобное» местоимение приводит к семантической редукции и изменению грамматических категорий (род, падеж, число) и синтаксических функций, которые тесно связаны с процессом грамматикализации [Brinton, Traugott, 2005, p. 108; Подлесская, 2005, с. 102], в результате чего «в процессе партикуляции у слова “один” исчезают семы количества и все остальные семы, связанные с числовым значением слова... результатом партикуляции являются новые значения у слова “один”: значение ограничительной или усилительной частицы» [Гомонова, 2000, с. 11–12], в то время как при прономинализации на смену семы определен-

ности у слова «один», функционирующего в качестве местоимения, приходит сема неопределенности и информативной недостаточности, и на смену номинативной функции приходит дейктическая [Гомонова, 2000, с. 10]. В диахроническом плане, по мнению В. А. Плунгяна, основным диахроническим источником неопределенного артикля является числительное «один», которое находится на самых ранних стадиях грамматикализации [Плунгян, 2011, с. 169–170]. Но, следует отметить, мы присоединяемся к мнению О. В. Гомоновой, которая считает, что переход слова «один» в другие части речи не является завершенным [Гомонова, 2000, с. 19].

Во-вторых, сходство выражения неопределенного значения с помощью слов «один» в русском языке и «一 (yī)» в китайском языке объясняется тем, что в обоих языках отсутствует регулярный выразитель неопределенности. «В русском литературном языке категория определенности / неопределенности реализуется преимущественно различными “неартиклевыми” средствами – лексическими, некоторыми местоимениями и частицами, числительным *один*» [Касаткина, 2012, с. 3]. И это явление имеет типологические аналогии в китайском языке.

В-третьих, в зависимости от контекста и ситуации русское «один» и китайское «一 (yī)» способны выражать значение и определительное, и неопределенное, т. е. в одном и том же слове реализована оппозиция «определенность / неопределенность». В отличие от китайского слова «一 (yī)», которое употребляется в основном в функции местоимения и числительного, русское слово «один» способно выполнять функции разных частей речи, его полифункциональность и сложность установления принадлежности к частям речи представляют трудность для китайских учащихся. Правильное употребление слова «один» опирается на взаимодействие между грамматикой, семантикой и прагматикой.

В-четвертых, по шкале определенности / неопределенности русское «один» и китайское «一 (yī)» в неопределенном значении занимают промежуточную позицию, т. е. в их значениях ярко проявляется синкретизм семантики местоимения и числительного. В формировании категории определенности / неопределенности участвуют лексико-грамматические разряды имени существительного, которые употребляются вместе со словами «один» и «一 (yī)», порядок слов, фразовое ударение, определенные типы синтаксических конструкций и другие коммуникативные факторы.

Список литературы

- Акимова И. И.** Субстантивная количественность и референциальный статус имени в русском и китайском языках // Изв. ВГПУ. 2012. № 10. С. 102–106.
- Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 384 с.
- Большова Ю. В.** К вопросу о прономинализации в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Книга четвертая. Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1960. С. 50–59.
- Гадилля К. Т.** Категория определенности и неопределенности в контексте предикатно-аргументной структуры предложения в некоторых западноиранских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 82–90.
- Гомонова О. В.** Семантические, грамматические и функциональные особенности слова «один» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000. 20 с.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.** Наречие *однажды*: неопределенный временной спецификатор // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 22–37.
- Касаткина Р. Ф.** Русский язык ищет артикль // Вопросы языкознания. 2012. № 2. С. 3–9.
- Левин Ю. И.** О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 108–121.

- Махди Мохаммади Каванд, Сейед Хасан Захраи.** Порядок слов как средство выражения категории определенности-неопределенности в русском языке и способы передачи ее значения на персидский язык // Вестник ТГПУ. 2018. № 2. С. 148–152.
- Мельчук И. А.** Поверхностный синтаксис числовых выражений. Wien, 1985. 514 с.
- Николаева Т. М.** Определенности – неопределенности категория // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая рос. эцикл., 1998. 682 с.
- Падучева Е. В.** Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Падучева Е. В.** Местоимения слабой определенности (серия на кое-; серия на не-; один) // Русская корпусная грамматика. 2016б. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 03.05.2022).
- Падучева Е. В.** Местоимения типа *что-нибудь* в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2016а. № 3. С. 22–36.
- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
- Подлесская В. И.** Русские глаголы *дать / давать*: от прямых употреблений к грамматикализованным // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 89–103.
- Рогова М. В.** Значение определенности / неопределенности: некоторые средства выражения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 47–52.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведевой и др. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- Сирота Е.** Способы репрезентации категории определенности-неопределенности в современном русском языке // Традиция и инновации в научных исследованиях: Материалы Коллоквиум-Профессор от 10 октября 2014 г. 5-е изд. Бэлць, 2015. С. 83–86.
- ТФГ – Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / А. В. Бондарко, В. Гладков, И. Б. Долинина и др.; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. СПб.: Наука, 1992. 304 с.
- Углева И. В.** О способах выражения категории определенности / неопределенности в современном русском языке // Вестник Югор. гос. ун-та. 2006. Вып. 5. С. 125–127.
- Шигуров В. В.** Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М., 2015. 160 с.
- Шмелева Т. В.** Прагматические и стилистические возможности неопределенных местоимений в дискурсе М. Жванецкого // Русский язык в поликультурном мире: Сб. науч. ст. IV Междунар. симп. Симферополь: ИД КФУ, 2020. Т. 2. С. 414–419.
- Brinton L. J., Traugott E. C.** Lexicalization and Language Change. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 207 p.
- Лю Данцин.** Семантические и синтаксические свойства обозначающих вид элементов в китайском языке [刘丹青. 汉语类指成分的语义属性和句法属性//中国语文] // Китайская филология. 2002. № 5. С. 411–422. (на кит. яз.)
- Фан Мэй.** Грамматикализация дейктических слов «这 (это)» и «那 (то)» в пекинском диалекте [方梅. 指示词“这”和“那”在北京话中的语法化 // 中国语文] // Китайская филология. 2002. № 4. С. 147–155. (на кит. яз.)
- Хуа Шо.** Язык: меридианы и параллели [华劭. 语言经纬]. Пекин: Коммерческое изд-во, 2003. 429 с. (на кит. яз.)
- Цзо Шаосин.** О слове «один» (первая и вторая части) [左少兴. 漫谈“один”(上、下) // 中国俄语教学] // Исследование русского языка в Китае. 2004. № 1. С. 21–26; № 2. С. 13–18. (на кит. яз.)
- Цзо Шаосин.** Исследование чисел, числительных и счетных слов в русском языке [左少兴. 俄语的数、数词和数量词研究]. Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2015. 298 с. (на кит. яз.)

- Шао Наньси.** Специфика употребления русского слова «один» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 92–94.
- Шэнь Цзясюань.** «Ограниченность» и «неограниченность» [沈家煊. “有界”与“无界” // 中国语文] // Китайская филология. 1995. № 5. С. 367–380. (на кит. яз.)

Список словарей

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А.** Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник. 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 23.03.2022).
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1986. Т. 2. 736 с.

References

- Akimova I. I.** Substantivnaya kolichestvennost' i referentsial'nyi status imeni v russkom i kitaiskom yazykakh [Substantive quantity and referential status of name in the Russian and Chinese languages]. *Izvestiya VGPU [Izvestia of the VSPU]*, 2012, no. 10, pp. 102–106. (in Russ.)
- Arutyunova N. D.** Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [The sentence and its meaning. Logical and semantic problems]. Moscow, Nauka, 1976, 384 p. (in Russ.)
- Bolshova Yu. V.** K voprosu o pronominalizatsii v sovremennom russkom yazyke [On the question of pronominalization in modern Russian]. In: *Voprosy russkogo yazykoznaniiya [Questions of Russian linguistics]*. 4th book. Lvov, Lvov Uni. Press, 1960, pp. 50–59. (in Russ.)
- Bondarko A. V., Gladrov V., Dolinina I. B. et al.** Teoriya funktsional'noi grammatiki. Sub'-ektnost'. Ob'-ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost' [Theory of functional grammar. Subjectivity. Objectness. The communicative perspective of the utterance. Certainty / uncertainty]. St. Petersburg, Nauka, 1992, 304 p. (in Russ.)
- Brinton L. J., Traugott E. C.** Lexicalization and Language Change. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2005, 207 p.
- Fan Mei.** Grammatikalizatsiya deikticheskikh slov “这 (eto)” i “那 (to)” v pekinskom dialekte [On the grammaticalization of Zhe and Na in Beijing Mandarin]. *Kitaiskaya filologiya [Studies of the Chinese Language]*, 2002, no. 4, pp. 147–155. (in Chin.)
- Gadiliya K. T.** Kategoriya opredelennosti i neopredelennosti v kontekste predikatno-argumentnoi struktury predlozheniya v nekotorykh zapadnoiranskikh yazykakh [The category of certainty and uncertainty in the context of predicate-argumentative sentence structure in some Western Iranian languages]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of Linguistics]*, 2009, no. 1, pp. 82–90. (in Russ.)
- Gomonova O. V.** Semanticheskie, grammaticheskie i funktsional'nye osobennosti slova “один” v sovremennom russkom yazyke [Semantic, grammatical and functional features of the word “один” in modern Russian]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Taganrog, 2000, 20 p. (in Russ.)
- Iordanskaya L. N., Melchuk I. A.** Narechie *odnazhdy*: neopredelennyi vremeennoi spetsifikator [Adverb *однажды* (*once*): an indefinite time specifier]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of Linguistics]*, 2013, no. 1, pp. 22–37. (in Russ.)
- Kasatkina R. F.** Russkii yazyk ishchet artikl' [The Russian language is looking for an article]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of Linguistics]*, 2012, no. 2, pp. 3–9. (in Russ.)
- Khua Sho.** Yazyk: meridiany i paralleli [Language: Meridians and parallels]. Beijing, Commerce Publ., 2003, 429 p. (in Chin.)

- Levin Yu. I.** O semantike mestoimenii [On the semantics of the pronouns]. In: Problemy grammaticheskogo modelirovaniya [Problems of grammatical modeling]. Moscow, Nauka, 1973, pp. 108–121. (in Russ.)
- Lyu Dantsin.** Semanticheskie i sintaksicheskie svoistva oboznachayushchikh vid elementov v kitaiskom yazyke [Semantic and syntactic properties of kind-denoting elements in Chinese]. *Kitaiskaya filologiya* [Studies of the Chinese Language], 2002, no. 5, pp. 411–422. (in Chin.)
- Makhdi Mokhammad Kavand, Seied Khasan Zakhrai.** Poryadok slov kak sredstvo vyrazheniya kategorii opredelennosti-neopredelennosti v russkom yazyke i sposoby peredachi ee znacheniya na persidskii yazyk [Word order of as a means of expression of the category of certainty-uncertainty in Russian and methods to convey its meaning to Persian]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin], 2018, no. 2, pp. 148–152. (in Russ.)
- Melchuk I. A.** Poverkhnostnyi sintaksis chislovykh vyrazhenii [Surface syntax of numerical expressions]. Wien, 1985, 514 p. (in Russ.)
- Nikolaeva T. M.** Opredelennosti – neopredelennosti kategoriya [Certainty – uncertainty category]. In: Yartseva V. N. (ed.). Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [The Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1998, 682 p. (in Russ.)
- Paducheva E. V.** Mestoimeniya slaboi opredelennosti (seriya na кое-; seriya na не-; один) [Pronouns of weak definiteness (series on кое-; series on не-; один)]. In: Russkaya korpusnaya grammatika [Russian Corpus grammar]. 2016. (in Russ.) URL: <http://rusgram.ru> (accessed 03.05.2022).
- Paducheva E. V.** Mestoimeniya tipa *chto-nibud'* v otritsatel'nom predlozhenii [Pronouns *что-нибудь* in a negative sentence]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 2016, no. 3, pp. 22–36. (in Russ.)
- Paducheva E. V.** Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu [Utterance and its correlation with reality]. Moscow, Nauka, 1985, 271 p. (in Russ.)
- Plungyan V. A.** Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to grammatical Semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the World]. Moscow, RSUH Press, 2011, 672 p. (in Russ.)
- Podlesskaya V. I.** Russkie glagoly *dat'* / *davat'*: ot pryamykh upotreblenii k grammatikalizovannym [Russian verbs «дать / давать»: from direct uses to grammaticalized]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], 2005, no. 2, pp. 89–103. (in Russ.)
- Rogova M. V.** Znachenie opredelennosti / neopredelennosti: nekotorye sredstva vyrazheniya v russkom yazyke [The Meaning of certainty / uncertainty: Some means of expression in the Russian language]. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 1995, no. 1, pp. 47–52.
- Shao Nansi.** Spetsifika upotrebleniya russkogo slova “odin” [The specifics of the use of the Russian word “один (one)”]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2008, no. 1, pp. 92–94. (in Russ.)
- Shen Tszyasyuan.** “Ogranichennost'” i “neogranichennost'” [“The limited” and “unlimited”]. *Kitaiskaya filologiya* [Studies of the Chinese Language], 1995, no. 5, pp. 367–380. (in Chin.)
- Shigurov B. V.** Pronominalizatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinit v sisteme chastei rechi [Pronominalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech]. Moscow, 2015, 160 p. (in Russ.)
- Shmeleva T. V.** Pragmaticheskie i stilisticheskie vozmozhnosti neopredelennykh mestoimenii v diskurse M. Zhvanetskogo [Pragmatic and stylistic possibilities of indefinite pronouns in M. Zhvanetsky's discourse]. In: Russkii yazyk v polikul'turnom mire [The Russian language in the multicultural world]. Collection of scientific articles of the IV International Symposium. Simferopol, KFU Press, 2020, vol. 2, pp. 414–419. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu. et al.** (eds.). Russkaya grammatika [Russian Grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 783 p. (in Russ.)

- Sirota E.** Sposoby reprezentatsii kategorii opredelennosti-neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke [Ways of representing the category of certainty-uncertainty in the modern Russian language]. In: Traditsiya i innovatsii v nauchnykh issledovaniyakh [Tradition and innovations in scientific research]. Materials of the Colloquium-Professor of October 10, 2014. 5th ed. Belts, 2015, pp. 83–86. (in Russ.)
- Tszo Shaosin.** Research of numbers, numerals and counting words in the Russian language. Beijing, Beijing Uni. Press, 2015, 298 p. (in Chin.)
- Tszo Shaosin.** About the word “один (one)” (first and second parts). *Research of the Russian language in China*, 2004, no. 1, pp. 21–26; no. 2, pp. 13–18. (in Chin.)
- Ugleva I. V.** O sposobakh vyrazheniya kategorii opredelennosti / neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke [On the ways of expressing the category of certainty / uncertainty in modern Russian]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Ugra State University], 2006, iss. 5, pp. 125–127. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Evgeneva A. P.** (ed.). Slovar' russkogo yazyka [Russian Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986, vol. 2, 736 p. (in Russ.)
- Lyashevskaya O. N., Sharov S. A.** Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik, 2009. (in Russ.) URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed 23.03.2022).

Информация об авторе

Чжоу Хайянь, доктор филологических наук

Information about the Author

Zhou Haiyan, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 23.03.2022;
одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 30.05.2022
The article was submitted 23.03.2022;
approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 30.05.2022

Научная статья

УДК 811.161.1 + 811.521

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-67-77

Семантика и способы выражения множественного числа у существительных в русском и японском языках

Наталия Витальевна Кутафьева

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

natasha7362@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3656-8365>

Аннотация

Проводится сравнение способов выражения множественного числа; категорий, связанных с этими способами, а также семантики множественности в русском и японском языках, генетически и типологически не родственных. Материалом для исследования послужили примеры из русских и японских грамматик, интернет-сайтов и сбалансированного корпуса японского языка. К анализу полученных данных были применены сопоставительный и описательный методы, для выявления значений множественности – метод компонентного анализа. В результате были определены специфические способы выражения множественного числа в каждом языке, а также общие и специфические категории и семантика множественности в обоих языках. Выражение числа связано с различными категориями и различными способами в русском и японском языках. Общими значениями множественного числа является значение коллективной, репрезентативной множественности и неопределенной дискретной множественности при разных способах выражения данных значений.

Ключевые слова

русский язык, японский язык, множественное число, категория, маркер, двандва, редупликация

Для цитирования

Кутафьева Н. В. Семантика и способы выражения множественного числа у существительных в русском и японском языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 67–77. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-67-77

Semantics and Ways of Expressing the Plural of Nouns in Russian and Japanese Languages

Nataliia V. Kutafeva

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

natasha7362@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3656-8365>

Abstract

Purpose. The study compares the ways to express the plural, as well as categories connected with these ways, and the semantics of plurality in Russian and Japanese languages which are genetically and typologically unrelated: Russian is an inflectional language and Japanese is an agglutinative one.

Results. There is a grammatical category of singular and plural in Russian. This category is missing in Japanese, but there is a lexical-semantic category. The concept of singularity and plurality is not represented in Japanese. Number may be actualized by the speaker if the object (animate or inanimate) enters the speaker's personal zone or a personification takes place. There is only one way to express plurality in Russian – by using flexions of plurality. There are

© Кутафьева Н. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 67–77
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 67–77

four ways to do that in Japanese which are markers of plurality, classifiers, reduplication and combined dvandva (a word with coordinative connection between components of the whole word). The usage of inflections to express plurality is mandatory in Russian, but the usage of plurality markers in Japanese is probabilistic.

Conclusion. A common category for Russian and Japanese languages which is important for expressing plurality is the category of animation. The similar meanings of plurality both in Russian and in Japanese is collective, representative and indefinite discrete plurality expressed in different ways.

Keywords

Russian language, Japanese language, plural number, category, marker, *dvandva*, reduplication

For citation

Kutafeva N. V. Semantics and Ways of Expressing the Plural of Nouns in Russian and Japanese Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 67–77. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-67-77

Введение

В настоящее время широко распространены сравнительные лингвистические исследования генеалогически не родственных и принадлежащих к разным типам языков. Это связано с изучением языка с учетом культуры и мировосприятия народа. Связь между культурой и лексикой, в частности формообразованием слов, отражает восприятие окружающего мира и его дифференциацию носителями языка.

Русский язык – флективный, японский язык – агглютинативный (следует уточнить – агглютинативный в именах, флективный в предикативах). В русском языке есть грамматическая категория числа, в японском языке она отсутствует. По форме существительного в русском языке (в большинстве случаев) можно указать число, в японском языке это сделать невозможно.

В иероглифическом японском языке существительное не является референциальным, т. е. изначально оно не выражает ни единственное, ни множественное число. Однако существуют различные морфологические и словообразовательные способы выражения множественного числа.

1. История изучения проблемы

В классических грамматиках русского языка дано определение грамматической категории числа имен существительных русского языка, а также рассмотрено грамматическое соотношение форм единственного и множественного числа [Виноградов, 1986]. Способы выражения и значения множественного числа описаны в грамматиках и словарях русского языка [РГ, 1980; ЛЭС, 1990]. Исследованы различные аспекты категории числа, например функциональный и семантический [Брусенская, 1991], рассмотрено функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа [Калинина, 1999].

Категория числа рассматривалась как часть категории количества. Вышли в свет монография В. В. Акуленко [1990], в которой на материале европейских языков анализируется категория количества, монография под редакцией А. В. Бондарко, в которой рассматривается соотношение категорий качественности и количественности [ТФГ, 1996]. В монографии А. А. Холодовича [1979] категория множества анализируется в японском языке в свете общей теории множеств.

Русские и зарубежные исследователи японского языка рассматривали морфологические (аффиксальная деривация) и словообразовательные способы (редупликация и сложные *двандва*) выражения множественного числа. Были исследованы маркеры множественности, факкультативность их использования; сочетаемость с именами и местоимениями; выражаемые ими значения [Maynard, 2009; Алпатов и др., 2008; Martin, 1991], ассоциативная множественность [Corbett, 2000]; различные степени вежливости, выражаемые с помощью маркеров [Asano, 1994, Martin, 1991]. Изучены *двандва*, образованные сложением корней или основ

китайских, японских и заимствованных слов [Пашковский, 2004; Tsujimura, 1996; Kageyama, 1982]. Рассмотрена редупликация в японском языке; части речи, способные к редупликации [Акимото, 2019] семантические категории редуплицированных имен [Мацумото, 2009]; значение редуплицированных имен [Тамура, 2006; Умэбаяси, 2005].

Цель данной работы – сравнить способы выражения множественного числа существительных; рассмотреть категории, связанные с выражением множественного числа, а также проанализировать семантику множественности в русском и японском языках.

2. Материал и методы исследования

Материал для анализа был собран выборкой из грамматик, учебных пособий, научных работ, сбалансированного корпуса современного японского языка¹, а также японских интернет-сайтов. На первом этапе был собран материал русского языка и проведен анализ категорий, связанных с категорией числа, на втором – материал японского языка, на третьем было проведено сравнение способов выражения и семантики множественного числа. В рамках сопоставительного подхода были использованы описательный, системно-классификационный и метод непосредственного наблюдения. Для анализа семантики редуплицированных существительных и сложных *двандва* был использован метод компонентного анализа.

3. Анализ полученных результатов

В. А. Плунгян отмечает, что грамматические категории не возникают внезапно; они являются результатом длительной эволюции различных языковых элементов, которые постепенно начинают образовывать некоторую «обязательную конфигурацию» (которая с течением времени может измениться или распасться). Грамматические категории не являются жестко заданными и неизменными логическими структурами; в языках мира возможны «более грамматические» и «менее грамматические» явления [Плунгян, 2000, с. 130]. Что касается категории числа, то русский язык можно отнести к языкам с «более грамматическими явлениями», а японский язык – к языкам с «менее грамматическими явлениями». В результате длительного обсуждения исследователи японского языка пришли к заключению, что грамматическая категория числа у существительных в японском языке отсутствует, но существует лексико-семантическая категория числа, а выражение множественности зависит от желания говорящего актуализировать данное значение.

В русском языке категория числа выражается противопоставлением двух форм единственного и множественного числа с помощью флексий, является словоизменительной и связана с категориями падежа, типов склонения и одушевленности-неодушевленности. В зависимости от лексико-грамматического разряда существительные делятся на слова, имеющие единственное и множественное число, и слова, имеющие только единственное или только множественное число [РГ, 1980, с. 471].

В японском языке существует несколько способов выражения лексико-семантической категории множественного числа: маркерами множественности, редупликацией, сложными *двандва* и классификаторами.

Маркеры *ら* *ра*, *ども* *домо*, *たち* *тати*, *がた* *гата*², были заимствованы из китайского языка. Лексико-семантическая категория числа, выражаемая этими маркерами, связана с категориями одушевленности-неодушевленности, свой-чужой и вежливости.

¹ Сбалансированный корпус современного письменного японского языка. URL: <https://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/> (дата обращения 04.01.2022).

² В данной работе мы не обсуждаем проблему принадлежности показателей множественности к служебным словам или аффиксам в японском языке, поскольку это не относится к теме исследования, и будем именовать их маркерами. Для записи японских слов используется транскрипция Е. Д. Поливанова, принятая в российском японоведении, падежные показатели записываются через дефис после слова, к которому относятся.

В японском языке, как и в русском, к категории одушевленности относятся существительные, обозначающие людей и животных. К категории неодушевленности – все остальные существительные.

Категория свой-чужой выражает отношение к собеседнику и указывает, принадлежат говорящий и слушающий к одной и той же группе или к разным. Категория может указывать разделение на своих и чужих, начиная с семьи и заканчивая нацией.

Категория вежливости является основополагающей в системе японского языка и пронизывает все его уровни, включая морфологический. Она выражается маркерами множественности следующим образом: *たち тати* – нейтральный маркер (встречается при любых уровнях вежливости), *ら ра* – невежливый (выражает невежливое отношение к лицу, обозначенному именем), *がた гата* – самый вежливый (присоединяется к словам, обозначающим высших или равных чужих для говорящего), *ども домо* – уничижительный (используется по отношению к себе или по отношению к низшим). Среди перечисленных маркер *ら ра* является наиболее грамматикализированным, так как он может следовать после одушевленных существительных, обозначающих людей и животных, и указательных местоимений.

Общие правила использования маркеров следующие.

- Маркеры присоединяются к одушевленным существительным, обозначающим людей. К одушевленным существительным, обозначающим животных, присоединяются только маркеры *たち тати* и *ら ра*. К неодушевленным существительным маркеры не присоединяются.

Пример 1. *そんな動物たちの物語を今度は私が語り部となって語り継ぐことができらううれしい。 Сонна до:буцутати-но моногатари-о кондо ва ватаси-га катарибэ то наттэ катаричугу кото-га дэкирэба урэсий*³. «Я был бы счастлив, если бы я, став рассказчиком, смог рассказать историю о таких животных» (к одушевленному существительному *動物 до:буцу* «животное» присоединяется нейтральный маркер *たち тати*).

- Среди значений множественности выделяется значение обычной множественности и коллективной множественности [Martin, 1975; Умэгаки Минору, 1971]. Коллективная множественность также именуется репрезентативной [Холодович, 1979] или ассоциативной (Моравчик, 1996, цит. по: [Даниэль, 2000]; см. также: [Corbett, 2000]). При репрезентативной множественности эксплицитно выражается только представитель данной совокупности, все остальные имплицитны, при этом все члены данной группы связаны с эксплицитно выраженным членом устойчивыми связями. Такой группой может быть ‘X и его семья’, ‘X и его близкие’, ‘X и его единомышленники’, ‘X и его коллеги’, ‘X и его возрастная группа’ [Даниэль, 2000, с. 7].

В японском языке все маркеры имеют значение обычной и репрезентативной множественности⁴. В значении обычной множественности маркеры могут опускаться, в значении репрезентативной множественности этого не происходит [Алпатов и др., 2008, с. 245–251].

Пример 2. *学生たちはみんな来ました。 Гакусэйтати ва минна кимасита*. «Студенты все пришли» (существительное в форме множественного числа *学生たち гакусэйтати* «студенты» выражает значение обычной множественности, маркер *たち тати* может быть опущен).

Пример 3. *山田さんたちの牛乳で作ったホットドリンクのメニュー。 Ямада сан тати-но гю:ню:-дэ цукутта хотто доринку-но мэню*. «Меню горячих напитков, приготовленных из молока (фирмы) г-на Ямада, и др.» (существительное в форме множественного числа *山田さんたち Ямада сан тати* выражает значение репрезентативной множественности, маркер *たち тати* не может быть опущен).

³ В транскрипции показатели падежей японского языка пишутся через дефис.

⁴ Репрезентативная множественность обозначает множество людей или животных, объединенных на основании признака, который присутствует у каждого члена этого множества.

В русском языке обычная множественность выражается формой множественного числа, коллективная множественность – словосочетаниями (например, мама с детьми; Наташа и Таня), при этом все представители данной совокупности могут быть выражены эксплицитно. Кроме того, в русском языке есть и аналог репрезентативной множественности (например, они с Колей или Коля и другие), т. е. Коля и еще одно или несколько лиц, актуализированных ситуацией или контекстом.

В основе грамматической категории числа лежит противопоставление единичности – множественности. Множество, противостоящее единичности, может быть многообразным по составу и структуре: определенным (конечным) – неопределенным (бесконечным), конкретным – дискретным, однородным – неоднородным, тотальным – партитивным, множеством предметов – предметным множеством [Холодович, 1979, с. 174–179]. Содержание множества отражается на содержании категории числа.

В русском языке большинство существительных изменяется по числам. Эти существительные относятся к конкретным, дискретным существительным и называют реальные исчисляемые предметы. В японском языке при счете конкретных, дискретных предметов (включая одушевленные существительные, обозначающие людей) например, ノー ト *но:то*: «тетрадь», 生徒 *сэйто* «ученик», используется комплекс, состоящий из числительного, классификатора и существительного (二冊のノー ト *ни сацу-но но:то* «две тетради», 二 *ни* «два», 冊 *сацу* «классификатор для книг, тетрадей», ノー ト *но:то* «тетрадь»; 二人の生徒 *ふたり-но сэйто* «два ученика», 二 *ни* «два», 人 *нин* «классификатор для людей», 生徒 *сэйто* «ученик», 二人 читается *футари*). При этом выражается множественное число со значением конкретного множества. Если к существительному 生徒 *сэйто* «ученик» присоединяются маркеры множественности, выражается значение неопределенного множества.

В русском языке классификаторы отсутствуют, но выражаемые существительными значения такие же, как в японском языке. Формы множественного числа, выраженные с помощью флексий (тетради, ученики), выражают неопределенное множество, сочетание с числительным выражает конкретное множество (две тетради, два ученика). Кроме того, в русском языке формы единственного и множественного числа у существительных с обобщенно-собирательным значением могут быть информативно равнозначными.

Пример 4. Книга – лучший подарок. Книги – лучший подарок.

Поскольку в японском языке к конкретным неодушевленным существительным показатели множественности не присоединяются, подобное явление отсутствует.

О. Г. Ревзина говорит о связи категории числа с природой имени: а) предмет мыслится как определенная точка или резко отграниченная область в системе пространственно-временных координат (важна отдельность одного предмета от других ему подобных); б) предмет мыслится как носитель определенной совокупности свойств в абстрактном пространстве свойств и признаков (важна исходная нерасчлененность признака и предмета) [Ревзина, 1974, с. 116–117].

Русский язык тяготеет к первому типу, японский язык – ко второму. В японском языке для предмета как носителя определенных признаков расчлененность не является обязательно выраженной характеристикой; исчисляемость / расчлененность предмета присутствует в качестве некоторого потенциала, реализация которого зависит от контекста.

В русском языке формы множественного числа могут одновременно иметь значение расчлененности (дискретности) и совокупности предметов или лиц, например: русские (люди), грибы, ботинки.

Дискретность – расчлененность связана с исчисляемыми и неисчисляемыми существительными. В русском языке дискретные существительные исчисляются и имеют форму множественного числа.

Недискретные, к которым относятся вещественные существительные (например, 水 *мидзу* «вода», ワイン *вайн* «вино», 塩 *сио* «соль»), собирательные существительные (например, 貧

民 *химмин* «беднота» (досл. бедные люди), 野鳥 *ятё*: «дичь» (досл. дикие птицы), 青葉 *аоба* «листва» (досл. зеленые листья)), существительные с отвлеченным значением (寒さ *самуса* «холод», 暑さ *ацуса* «жара», 誇り *хокори* «гордость»), географические названия (например, ノヴォシビルスク *Нобосибирусуку* «Новосибирск»), названия художественных произведений (например, 戦争と平和 *Сэнсо: то хэйва* «Война и мир»), и в русском, и в японском языках не исчисляются.

Недискретные вещественные существительные типа «вода», «вино» и в японском, и в русском языке можно исчислить, присоединив к ним существительное со значением «емкость», 水のコップ *мидзу-но коппу* «стакан воды», ワインのガラス *вайн-но гурасу* «бокал вина».

В русском языке есть существительные *singularia tantum*, у которых множественное число можно выразить с помощью флексий, однако при этом наблюдается сдвиг лексического значения, например, *вино* – *вина* (сорт вин), *возможность* – *возможности* (средство для осуществления чего-либо).

В русском языке есть существительные *pluralia tantum*, употребляющиеся только в форме множественного числа. Среди разновидностей этих существительных есть слова, обозначающие конкретные исчисляемые предметы, например, *ножницы*, и существительные, обозначающие отрезки времени, например, *сутки*. Значение множественности передается сочетанием с числительными, например, *двое ножниц*, *двое суток*. В японском языке это значение передается сочетанием с числительным и классификатором 二丁の鉋 *ни тё:-но хасами* «двое ножниц» (二 *ни* – числительное «два», 丁 *тё*: – классификатор для ножниц, 鉋 *хасами* «ножницы») или непосредственным сочетанием существительного и числительного 二昼夜 *ни тю:я* «двое суток» (二 *ни* – числительное два, 昼夜 *тю:я* «сутки»).

Выше были перечислены основные правила присоединения маркеров множественности к существительным в японском языке. Тем не менее, можно найти примеры, когда после неодушевленных существительных следуют маркеры множественности, объясняется подобное использование персонификацией, например, когда действующими персонажами сказок, рассказов, мультфильмов выступают неодушевленные предметы или когда они вовлекаются в личную сферу говорящего.

Пример 5. 星たちは二人の子供らについては安心したようです。 *Хоситати ва футари-но кодомора ни цуйтэ ва ансин сита ё: дэсу*. «И тогда звезды, по-видимому, успокоились в отношении (этих) двух детей» (из контекста понятно, что 星たち *хоситати* «звезды» вовлечены в сферу говорящего. В сочетании 二人の子供ら *футари-но кодомора* «двое детей» множественное число выражено два раза: с помощью классификатора 二人 *футари* «два человека» и маркера множественного числа ら *ра*).

Рассмотрим далее другие способы выражения множественности, существующие в русском и японском языках.

В русском языке множественное число может быть выражено суффиксом (*брат* – *братья*); заменой суффикса (*котенок* – *котята*); изменением места ударения дополнительно к флексии множественного числа (*нога* – *ноги*); чередованием звуков (*друг* – *друзья*); супплетивным способом (*ребенок* – *дети*). В японском языке эти способы отсутствуют.

В японском языке множественное число может быть выражено редупликацией существительных. Э. Сепир писал о том, что нет ничего более естественного, чем повторение всего слова или части слова. Процесс редупликации отражает такие понятия, как распределение, множественность, повторяемость, увеличение размера, дополнительную интенсивность, длительность [Сепир, 2002]. Под редупликацией понимается повторение слова, основы слова (с одним или более суффиксами) или корня слова. Значение существительных, образованных редупликацией, непосредственно воспринимается как значение множественного числа [Кобаякава, 2004, с. 45].

Категория числа, выражаемая редупликацией, связана с категорией одушевленности-неодушевленности и обладает следующими характерными особенностями:

- редуплицируются существительные, состоящие из одного-двух слогов, например, 家々 *иэиэ* «домá»;
- редуплицированные существительные обозначают неодушевленные предметы за исключением слов 人々 *хитобито* «люди» и 神々 *камигами* «боги» (в японском языке одушевленное существительное);
- все редуплицированные существительные являются 和語 *ваго*, т. е. словами японского происхождения ⁵ [Карасу, 1992, с. 323].

Редуплицированное существительное имеет одного и того же референта.

Однако в японском языке редупликация осуществляется непоследовательно, отсутствуют грамматические правила образования, не от всех слов-*ваго* можно образовать редупликат. Редуплицированные существительные составляют малочисленный закрытый класс слов. Они выражают значение неопределенного множества, при этом подчеркивается отдельность, индивидуальность компонентов, входящих в состав этого множества.

В русском языке присутствует редупликация различных частей речи, но значение, которое выражают редуплицированные слова связано не с выражением количества, а с интенсификацией выражаемого значения.

Далее рассмотрим еще один способ выражения множественности в японском языке, а именно сложные *двандва*.

Двандва – это сложные слова с равноправными отношениями между составляющими компонентами. В японском языке сложные слова образуются сложением:

- японских корней, основ и слов (*ваго*) (соединяются слова 秋空 *аки-дзора* «осень + небо → осеннее небо»);
- сино-японских корней (*канго*) (например, 司教 *си-кё*: «указывать» + «учить» → «руководство»);
- корней, основ и слов различного происхождения (например, 台 *дай* (*канго*) + 所 *токоро* (*ваго*) → 台所 *дайдокоро* «кухня»; 石油 *сэкию* (*канго*) + ストーブ *суто:бу* (*гайрайго*) → 石油ストーブ *сэкию-суто:бу* «масляный обогреватель»).

В русском языке также существуют сложные существительные с равноправным отношением основ, в которых совмещены признаки мотивирующих основ (*лесопарк*, *железобетон*) и которые встроены в систему категории числа русского языка.

Среди сложных *двандва* в японском языке существуют *двандва*, имеющие значение «два, пара», например, 夫婦 *фу:фу* «супружеская пара», 父母 *фубо* «отец и мать». Кроме того, существуют *двандва*, выражающие неопределенное значение множественности, при этом непонятно, какое количество выражено первым, вторым компонентом и всем словом в целом, например, 親子 *оя-ко* «родители и дети», «один родитель и один ребенок», «родители и ребенок» и т. д. Каждый компонент *двандва* имеет своего референта. Сложные *двандва* японского языка выражают значение неопределенного дискретного множества с сохранением значимости каждого из его компонентов, при этом сочетают внутреннюю идею расчлененности компонентов дискретного множества с внешней идеей образования некоторой пары.

В русском языке подобное значение передается сочинительным словосочетанием, например: *родители и дети*, *реки и озера*.

⁵ В японском языке три слоя лексики: 和語 *ваго* «собственно японские слова», 漢語 *канго* «слова, заимствованные из китайского языка или созданные по китайской словообразовательной модели в японском языке» и 外来語 *гайрайго* «слова, заимствованные из других языков».

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, в русском языке изначально существует представление о единичности-множественности, что выражается в наличии грамматической категории числа. В японском языке отсутствует подобное представление, существительное изначально может обозначать как единственное, так и множественное число. По всей видимости, в японском языковом сознании общая множественность является вторичной, первичной является выражение точного количества, что связано с использованием классификаторов.

Во-вторых, в русском языке выражение числа у существительных является обязательным. В японском языке значение множественного числа с помощью маркеров, редуцированных существительных и сложных *двандва* может быть актуализировано, если этого требует контекст, а может и не быть актуализировано, если оно не является обязательным для цельности и завершенности семантики предложения. Как правило, значение множественного числа актуализируется, если предмет, о котором идет речь (одушевленный или неодушевленный), входит в личную зону говорящего.

В-третьих, использование флексий для выражения множественного числа в русском языке является обязательным. Использование маркеров множественности в японском языке носит вероятностный характер. Маркеры могут присоединяться к одушевленным существительным, обозначающим людей и животных. Несмотря на ограничения в сочетаемости с маркерами множественности, есть примеры, опровергающие эти ограничения: маркеры могут присоединяться и к неодушевленным существительным.

В-четвертых, выражение числа связано с различными категориями и различными способами в русском и японском языках.

В-пятых, в русском и японском языках множественное число выражает значение коллективной, репрезентативной множественности и неопределенной дискретной множественности при разных способах выражения данных значений.

Список литературы

- Акуленко В. В. Категория количества в современных европейских языках. Киев: Наук. дум., 1990. 284 с.
- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис. 2008. Т. 1. 559 с.
- Брусенская Л. А. Функциональный и семантический аспекты интерпретации категории числа в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1994. 21 с.
- Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
- Даниэль М. А. Типология ассоциативной множественности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 27 с.
- Калинина Л. В. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 1999. 25 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
- Пашковский А. А. Слово в японском языке. М.: Наука, 2004. 208 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал. 2000. 384 с.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- Ревзина О. Г. Некоторые проблемы универсалий (по материалам XI Международного конгресса лингвистов) // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1974. № 3. С. 66–71.
- Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2002. 656 с.

- ТФГ – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 264 с.
- Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука. 1979. 303 с.
- Asano Yoshiteru. On plural suffixes in Japanese: their usage and grammaticalization. In: *Advanced Diachronic Syntax*. Uni. of Colorado, 1994, pp. 1–10.
- Corbett G. G. *The Number*. Cambridge Uni. Press., 2000, 358 p.
- Kageyama Taro. Word forming in Japanese. *Lingua*, 1982, no. 57, pp. 215–258.
- Martin S. *A Reference Grammar of Japanese*. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1975, 1198 p.
- Martin S. E. *A Reference Grammar of Japanese*. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1991, 1198 p.
- Maynard S. *Introduction to Japanese Grammar and Communicative Strategies*. Tokyo, The Japan Times, 2009, 386 p.
- Tsujimura Natsuko. *An Introduction to Japanese Linguistic*. Great Britain, Blackwell Publishers, 1996, 401 p.
- Акимото Михару. Нихонго кё:ику ёку вакару гои [秋元美晴。日本語教育よくわかる語彙]. Хорошо понятная лексика при обучении японскому языку. Токио: Alc, 2019. 245 с. (на яп. яз.)
- Карасу Такамицу. Гэнгогакутэки сэцумэй сайко: Нихонго-но дзё:го-о рэй тоситэ [唐須孝光。言語学的説明再考-日本語の畳語を例として。芸文研究]. Новое лингвистическое объяснение. Редулицированные слова японского языка. *Гэйбун кэнкю:.* [Исследования по искусству и литературе]. 1992. № 60. С. 123–135. (на яп. яз.)
- Кобаякава Сатору. Нихонго-но фукусу: хё:гэн. Сорэра-но + мэйси то дзё:го мэйси // Кокоро то котоба [小早川。暁日本語の複数表現。それらの+名詞と畳語名詞]. Выражение множественного числа в японском языке. Конструкция «сорэра + имя существительное» и редулицированные существительные // *Mind and language*. 2004. № 3. С. 35–50. (на яп. яз.)
- Мацумото Дзюнъити. Нихонго ни окэру дзё:го фукусу:кэй-но хассэй кано:сэй ни цуйтэ [松本純一。日本語における畳語複数形の発生可能性について]. Продуктивность редулицированных слов в форме множественного числа в японском языке // *Bulletin of Toyo Gakuen University*. 2009. No. 17. С. 243–249. (на яп. яз.)
- Тамура Ясуо. Гэндай нихонго-но сэтто:дзи ни цуйтэ [田村泰男。現代日本語の接頭辞について。広島大学留学生センター 起要]. О приставках в современном японском языке. *Хиросима дайгаку рю:гакусэй сэнта: киё:* [Ученые записки Центра обучения иностранцев университета Хиросима]. 2005. Т. 15. С. 25–35. (на яп. яз.)
- Умэбаяси Хирохито. Дзё:гокэй-но сиё: ни цуйтэ. «Ута-ута»-о рэй ни ситэ. Сэйдзё бунгэй [梅林博人。畳語形の使用について「歌歌」を例にして。聖女文芸]. Об использовании редулицированных форм на примере слова «песня-песня». *Сэйдзё бунгэй* [Записки университета Сэйдзё]. 2005. Т. 192. С. 37–47. (на яп. яз.)
- Умэгаки Минору. Нитэй хикаку гогаку ню:мон [梅垣実。日英比較語学入門。東京：大修館]. Введение в сравнительное языкознание японского и английского языков. Токио: Тайсю:кан, 1971. 313 с. (на яп. яз.)

References

- Akimoto Miharuru. *Nihongo kyouiku yoku wakaruru goi* [秋元美晴。日本語教育よくわかる語彙]. Well understanding words in teaching of Japanese language. Tokyo, Alc, 2019, 245 p. (in Jap.)
- Akulenko V. V. *Kategoriya kolichestva v sovremennykh evropeiskikh yazykakh* [Category of quantity in modern European languages]. Kiev, Naukova dumka, 1990, 284 p. (in Russ.)

- Alpatov V. M., Arkadiev P. M., Podlesskaya V. I.** Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical Grammar of Japanese Language]. Moscow, Natalis, 2008, vol. 1, 559 p. (in Russ.)
- Asano Yoshiteru.** On plural suffixes in Japanese: their usage and grammaticalization. In: *Advanced Diachronic Syntax*. Uni. of Colorado, 1994, pp. 1–10.
- Bondarko A. V.** (ed.). *Teoriya funktsionalnoi grammatiki: kachestvennost. Kolichestvennost* [Theory of functional grammar: Quality. Quantity]. St. Petersburg, Nauka, 1996, 264 p. (in Russ.)
- Brusenskaya L. A.** Funktsionalnyi i semanticheskii aspekty interpretatsii chisla v russkom yazyke [Functional and semantic approaches to interpretation of category of number in Russian language]. Thesis Dr. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 1994, 21 p. (in Russ.)
- Corbett G. G.** *The Number*. Cambridge Uni. Press., 2000, 358 p.
- Daniel M. A.** Tipologiya assotsiativnoi mnozestvennosti [Typology of associative plurality]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 27 p. (in Russ.)
- Kageyama Taro.** Word forming in Japanese. *Lingua*, 1982, no. 57, pp. 215–258.
- Kalinina L. V.** Semantika i funktsionirovanie abstraknykh suschestvitelnykh v forme mnozestvennogo chisla v russkom yazyke [Semantics and functioning of abstract nouns in the form of plural in Russian language]. Thesis Cand. Philol. Sci. Diss. Kirov, 1999, 27 p. (in Russ.)
- Karasu Takamitsu.** Gengogakuteki setsumei saikou. Nihongo-no jougo-o rei toshite [唐須孝光。言語学的説明再考-日本語の畳語を例として。芸文研究]. *New linguistic explanation. Reduplication words of Japanese language. Geibun kenkyuu* [芸文研究], 1992, no. 60, pp. 123–135. (in Jap.)
- Kholodovich A. A.** Problemy grammaticheskoi teorii [Problems of grammar theory]. Leningrad, Nauka, 1979, 264 p. (in Russ.)
- Kobayakawa Satoru.** Nihongo-no fukusu hyougen. *Sorera-no + meishi to jougo meishi* [小早川。暁日本語の複数表現。それらの+名詞と畳語名詞]. Expression of plural number in Japanese language. *Sorera + noun and reduplicated nouns. Mind and Language*, 2004, no. 3, pp. 35–50. (in Jap.)
- Martin S.** *A Reference Grammar of Japanese*. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1975, 1198 p.
- Martin S. E.** *A Reference Grammar of Japanese*. Rutland Vermont. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1991, 1198 p.
- Matsumoto Junichi.** Nihongo ni okeru jougo fukusuukei-no hassei kanousei ni tsuite [松本純一。日本語における畳語複数形の発生可能性について]. Productivity of reduplicated words in the form of plural number in Japanese language. *Bulletin of Toyo Gakuen University*, 2009, no. 17, pp. 243–249. (in Jap.)
- Maynard S.** *Introduction to Japanese Grammar and Communicative Strategies*. Tokyo, The Japan Times, 2009, 386 p.
- Pashkovsky A. A.** Slovo v yaponskom yazyke [Word in Japanese language]. Moscow, Nauka, 2004, 208 p. (in Russ.)
- Plungyan V. A.** Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku [Common morphology: Introduction in problem]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (in Russ.)
- Revzina O. G.** Nekotorye problemy universalii (po materialam XI Mezdunarodnogo kongressa lingvistov) [Some problems of universals (on issues of XI International Congress of Linguists)]. *Narody Azii i Afriki. Istoriya, ekonomika, kultura* [The peoples of Asia and Africa. History, Economy, Culture], 1974, no. 3, pp. 66–71. (in Russ.)
- Schvedova N. Yu.** (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 783 p. (in Russ.)
- Sepir E.** Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii [Selected studies on linguistic and cultural studies]. Moscow, Progress, 2002, 656 p. (in Russ.)

- Tamura Yasuo.** Gendai nihongo-no settouji ni tsuite [田村泰男。現代日本語の接頭辞について。広島大学留学生センター 起要]. About prefixes in modern Japanese language. *Hiroshima daigaku ryuugakusei senta: kiyou* [Issue of center for foreign students of University of Hiroshima], 2005, vol. 15, pp. 25–35. (in Jap.)
- Tsujimura Natsuko.** An Introduction to Japanese Linguistic. Great Britain, Blackwell Publishers, 1996, 401 p.
- Umebayashi Hirohito.** Jougokei-no shiyō ni suite. ‘Uta-uta’-wo rei ni shite [梅林博人。畳語形の使用について「歌歌」を例にして。聖女文芸]. About using of reduplicated forms on the sample of word ‘song-song’. *Seijou bungei* [成城文芸], 2005, vol. 192, pp. 37–47. (in Jap.)
- Umegaki Minoru.** Nichiei hikaku gogaku nyūmon [梅垣実。日英比較語学入門。東京：大修館]. Introduction in comparative study of Japanese and English. Tokyo, Taishukan, 1971, 313 p. (in Jap.)
- Vinogradov V. V.** Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: Grammatic doctrine about word]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986, 639 p. (in Russ.)
- Yartseva V. N.** (ed). Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia, 1990, 685 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Витальевна Кутафьева, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57223304605
SPIN 4771-5208

Information about the Author

Nataliia V. Kutafeva, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57223304605
SPIN 4771-5208

Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 29.06.2022
The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 29.06.2022

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-78-88

Отражение представлений якутов о животном мире в процессе номинации растений

Нинель Васильевна Малышева¹

Игорь Альбертович Данилов²

^{1,2} Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия

¹ ninel_malysheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>

² igor_danilov_2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>

Аннотация

Проведен анализ 70 фитонимов, содержащих в своем составе компонент-зооним, в якутском языке. В качестве материала исследования привлечены ранее не подвергшиеся лингвистическому описанию диалектизмы, зафиксированные авторами статьи в рамках полевых работ, проведенных в Амгинском, Верхоянском и Намском районах Республики Саха (Якутия). Рассмотрены способы и принципы их образования, мотивирующие признаки номинаций. Эмпирический материал классифицирован по семантическим моделям, позволяющим более широко раскрыть представления якутов о животном мире, которые нашли отражение в процессе номинации растений. Выявлено, что компоненты-зоонимы в составе фитонимов отражают склонность якутов к ассоциативному мышлению, образованию наименований растений путем метафоризации.

Ключевые слова

фитонимы, фитонимическая лексика, зоонимы, процесс номинации, номинация, якутский язык

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта РНФ «Лексика живой природы (растительный мир) в якутском языке: лингвогеографическое распределение» (Соглашение № 22-78-00221)

Для цитирования

Малышева Н. В., Данилов И. А. Отражение представлений якутов о животном мире в процессе номинации растений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 78–88. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-78-88

The Reflection of the Yakut Perception of the Animal World in the Process of Nominating Plants

Ninel V. Malysheva¹, Igor A. Danilov²

^{1,2} M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

¹ ninel_malysheva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>

² igor_danilov_2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>

Abstract

Purpose. The plant world vocabulary belongs to the most ancient strata of the lexical fund of the Yakut language and reflects cultural, religious, economic, and practical study of nature by the Yakuts. The article analyzes 70 phytonyms containing a zoononym component in the Yakut language.

© Малышева Н. В., Данилов И. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 78–88

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 78–88

Results. The research materials are dialectisms which were not subjected to a linguistic description previously, and were recorded by the authors of the article as a part of field work carried out in Amga, Verkhoyansk and Namsky districts of the Republic of Sakha (Yakutia). The empirical material is classified according to semantic models revealing the Yakut understanding of the animal world, which is reflected in the process of plant nomination.

Conclusion. Zoononym components in phytonyms reflect associative thinking and the formation of plant names by metaphorization. So, the names of domestic milk producing animals, being part of a two-component phytonym, emphasize the taste of berries and the presence of acids, sugar and other nutrients that are beneficial to the human body.

The use of an animal and a bird as part of a nomination indicates prickliness and presence of thorns in the shoots of a plant. It was found that the form is one of the main motives in naming objects of nature.

Keywords

phytonyms, phytonymic vocabulary, zoonyms, process of nomination, nomination, Sakha language

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation “Lexicon of Living Nature (Plant World) in the Yakutian Language: Linguogeographic Distribution” (Agreement no. 22-78-00221)

For citation

Malysheva N. V., Danilov I. A. The Reflection of the Yakut Perception of the Animal World in the Process of Nominating Plants. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 78–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-78-88

Введение

Лексика растительного мира относится к древнейшим пластам лексического фонда якутского языка и отражает культурно-религиозное и хозяйственно-практическое освоение якутами окружающей природы. Исходя из этого можно констатировать, что лексика флоры, несомненно, может выступать благодатным материалом для изучения этногеографических, этнокультурных, традиционно-бытовых условий жизни и этнолингвистических особенностей языка коренных народов Севера и Арктики, издревле проживающих в гармонии с природой.

Несмотря на важность изучения лексики живой природы, в якутском языкознании до сих пор отсутствуют специальные исследования, посвященные разработке данного вопроса. Некоторые названия растений и животных в якутском языке были рассмотрены в трудах Е. И. Оконешникова [2005], Г. Г. Левина [2013], фитонимы также были проанализированы в статьях А. А. Кузьминой [2016], А. Н. Нестерович, К. Г. Егоровой [Нестерович, Егорова, 2017; Егорова, Нестерович, 2017], И. Ю. Васильева [2017; 2019], Н. В. Малышевой [Малышева, Чирикова, 2019] и др.

Образование фитонимов в различных языках отличается многообразием номинационных признаков и мотивировок, направленных на указание и определение различных свойств объекта. Наиболее важными представляются следующие характеристики, часто встречающиеся в номинационной системе многих языков: цветовые, вкусовые, лечебные свойства, запах, место, время произрастания, особенности морфологического строения плода и части растения, характер издаваемого звука при внешнем воздействии, специфика хозяйственного применения и др.

Большое количество зоосемизмов наблюдается в составе номинаций растительного мира, что также отражается в лексике якутского языка. Якуты, которые издавна развивались в тесной взаимосвязи с окружающей природой, не только употребляли растения в пищу, но научились использовать их в лечебных, хозяйственных целях, обрядово-ритуальных действиях. Ежедневно наблюдая за окружающим миром, человек распознавал в растениях хорошо знакомых четвероногих друзей либо отмечал их непригодность для себя путем присвоения названия опасного животного ядовитому и несъедобному растению. В результате этого в различных языках появились названия растений, содержащие указания на внешнее сходство растения или его части с представителями животного мира, их органами [Ягафарова, 2010, с. 118].

Основные результаты исследования

Материалом исследования служат номинации растений в якутском языке, содержащие в своем составе компоненты-зоонимы. Языковой материал взят нами из различных лексикографических источников, в том числе ботанических словарей. Эмпирической базой исследования также послужили полевые и экспедиционные материалы, в особенности диалектизмы, зафиксированные авторами с 2017 г. в различных районах Республики Саха (Якутия).

В результате этнолингвистического анализа лексики растительного мира выделены семь семантических моделей, которые легли в основу образования 70 фитонимов с компонентом-зоонимом в якутском языке: 1) зооним + соматизм (39 единицы); 2) зооним + фитоним (21 единица); 3) зооним + предмет хозяйственного обихода (4 единицы); 4) зооним + соматизм + фитоним (2 единицы); 5) соматизм + зооним + соматизм (1 единица); 6) зооним + зооним (1 единица); 7) зооним (2 единицы).

Семантическая модель «зооним + соматизм»

По семантической модели «зооним + соматизм», которая отражает наблюдательность якутов и их склонность к ассоциативному мышлению, образованы 55,7 % анализируемых номинаций. Одним из номинационных признаков фитонимов, включенных в данную категорию, является «форма и питательность ягод». Это свидетельствует о том, что в некоторых номинациях можно заметить мотивацию представления схожести растения с частями тела и другими характерными признаками внешнего вида животного. Так, наличие волосков в плодах, а также характерная для ягод малины, княженики и костяники форма и цвет ассоциируются с выменем **биэ** ‘кобылы’, **сылгы** ‘лошади’ и **ынах** ‘коровы’: як. **биэ эмийэ** (букв. **кобылье вымя**) «диал. княженика сибирская» (ДСЯЗ, 1976, с. 63), «малина обыкновенная, малина сахалинская *Rubus idaeus* L., *Rubus sachalinensis* H.L'v.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н; Иванов, Иванова, 2009, с. 104), «малина» (Пекарский, 1959, т. 2, с. 1895), «малина сахалинская, *Rubus matsumuranus* Levl. (*R. sachalinensis* Levl.)» (Атлас, 2003, с. 90); як. **сылгы эмийэ** (букв. лошадиное вымя) «малина» (Пекарский, 1959, т. 2, с. 1895); як. **ынах эмийэ** (букв. коровье вымя) «малина обыкновенная, малина сахалинская *Rubus saxatilis* L.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н; Новгородов, 2003, с. 34; БТСЯЗ, 2017, с. 442), «костяника обыкновенная *R. saxatilis* L.» (Иванова, 1990, с. 68). Посредством фитонимов, в составе которых имеется компонент – название домашнего животного, дающего молоко, подчеркивается великолепный сладкий вкус ягод, содержащих полезные для человеческого организма кислоты, сахар и другие вещества. Также важно отметить, что лошадь для якутов считается священным животным небесного происхождения, культ которого связан со многими ритуальными обрядами.

Номинации с компонентом-зоонимом, представляющим кусающих или царапающих человека животных и птиц (**ыт** ‘собака’, **киис** ‘соболь’, **саарба** ‘соболь’, **таарбаҕан** ‘сурок’, **суор** ‘ворона’), подчеркивают колючесть малины и наличие шипов в побегах морошки, княженики: як. **ыт атаҕа** (букв. собачья нога) «малина» (Пекарский, 1959, т. 2, с. 1895); як. **ыт тинилэбэ** (букв. собачья пятка) «морошка *Rubus arcticus* L.» (Пекарский, 1959, т. 3, с. 2676), «диал. Вил. княженика» (ДСЯЗ, 1976, с. 316); як. **саарба тыныраҕа** (букв. когти соболя) «диал. морошка» (Пекарский, 1959, т. 3, с. 2954; ДСЯЗ, 1976, с. 160); як. **ыт тыныраҕа** «морошка» (букв. собачьи когти) (Пекарский, 1959, т. 3, с. 2954); як. **бөрө тилэбэ** (букв. волчья пятка) «диал. Вил. морошка» (ДСЯЗ, 1976, с. 68); як. **киис тинилэбэ** (букв. соболиная пятка) «диал. костяника» (ДСЯЗ, 1976, с. 112), «княженика, *Rubus arcticus* L.» (Пекарский, 1959, т. 1, с. 1109); як. **киис тыныраҕа** (букв. когти соболя) «диал. костяника» (ДСЯЗ, 1976, с. 112); як. **саарба атаҕа** (букв. соболиная лапа) «диал. Амг. княженика» (ДСЯЗ, 1976, с. 199); як. **таарбаҕан тинилэбэ** (букв. пятки сурка) «диал. Амг. княженика» (ДСЯЗ, 1976, с. 230). Таким образом, вышеуказанные фитонимы мотивированы колючестью растения.

Большое количество фитонимов образовано путем ассоциации растений с хвостом животного или птицы. Так, шелковистый колос ячменя гривастого, лисохвоста и критезиона напоминают носителям языка хвост **дьабарааскы** 'еврашки', **кулун** 'жеребёнка' и **киис** 'соболя': як. **дьабарааскы кутуруга** (букв. хвост еврашки) «диал. ячмень гривастый» (Инф. – KB3, Верхоянский р-н); як. **өргүө кутуруга** (букв. хвост еврашки) «диал. ячмень гривастый» (Инф. – ЮЕГ, Верхоянский р-н); як. **кулун кутуруга** (букв. хвост жеребенка) «ячмень гривастый» *Hordeum jubatum* L.» (РА, 2016, с. 78), «лисохвост» (Петров, 2002, с. 56); як. **хомустуну кулун кутуруга** (букв. хвост жеребёнка, подобный камышу) «лисохвост тростниковидный *Alopecurus arundinaceus* Poi» (РА, 2016, с. 114); як. **киис кутуруга** (букв. хвост соболя) «критезион» (Петров, 2002, с. 51).

Форма – один из ведущих мотивов в именовании объектов окружающей действительности. Так как все предметы имеют какую-либо форму, то их внешние признаки и свойства находят отражение в языке при номинации [Ягафарова, 2010, с. 119]. Так, форма лепестков растений напоминает след волчьих лап, пальцы на лапах вороны, мех соболя, собачий язык, копыто жеребенка: як. **бөрө атаҕа** (букв. волчья лапа) «зюзник» (Петров, 2002, с. 35); як. **тураах тарбаҕа** (букв. пальцы вороны) «герань луговая» (БТСЯЗ, 2014, с. 158; РА, 2016, с. 98); як. **киис баттаҕа** (букв. волосы соболя) «щитовник пахучий, каменный зверобой» (ЛРЯ, 2016, с. 75); як. **ыт тыла** (букв. собачий язык) «осот огородный (молочник, заячий салат) *Sonchus oleraceus* L.» (Иванов, Иванова, 2009, с. 60), «диал. Тамм. моруоска (морошка)» (ДСЯЗ, 1976, с. 316); як. **очурдаах ыт тыла** (букв. шероховатый собачий язык) «осот шероховатый *Sonchus asper* (L.) Hill.» (Иванова, 1990, с. 144); як. **хонуу ытын тыла** (букв. язык полевой собаки) «осот полевой *Sonchus arvensis* L.» (Иванова, 1990, с. 145); як. **кулун туйаҕа** (букв. копыто жеребёнка) «диал. калужница болотная *Caltha palustris* L.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н; Инф. – ОЕД, Намский р-н); семенная коробка герани луговой ассоциируется с клювом журавля: як. **туруйа тумса** (букв. клюв журавля) «герань луговая *Geranium pratense* L.» (РА, 2016, с. 99); цветок змееголовника сравнивается с пастью змеи: як. **моҕой төбө** (букв. голова змеи) «змееголовник *Dracosephalum* L.» (Иванова, 1990, с. 111); як. **намылхай моҕой төбө** (букв. невысокая голова змеи) «змееголовник поникший *Dracosephalum nutans* L.» (Иванова, 1990, с. 111); клюв птицы, ласточки метафоризированы с нераскрывшимися мелкими цветками горца птичьего: як. **чыычаах тумса** (букв. клюв птицы) «диал. горец птичий *Polygonuaviculare* L.» (Инф. – ЖВД, Верхоянский р-н); як. **хараҥаччы тумса** (букв. клюв ласточки) «диал. горец птичий» (Инф. – ПАМ, Намский р-н); приплюснuto-шаровидный плод грушанки сопоставляется с языком карася: як. **собо тыла** (букв. язык карася) «грушанка *Pyrola* L.» (Иванова, 1990, с. 93), «грушанка копылистная» *P. Incarnata* (DC.) Freyn.» (ЛРЯ, 2016, с. 19); як. **кыһыл собо тыла** (букв. язык красного карася) «грушанка красная *Pyrolaincarnate* (DC.) Freyn.» (Иванова, 1990, с. 93); як. **бөдөн сибэккилээх собо тыла** (букв. крупноцветочный язык карася) «грушанка крупноцветная *Pyrola grandiflora* Red.» (Иванова, 1990, с. 93); безлистные стебли многолетнего травянистого растения семейства осоковых болотницы напоминают носителям языка крысиный хвост: як. **күтэр кутуруга** (букв. крысиный хвост) «болотница, тимopheевка» (БТСЯЗ, 2008, с. 115); полость рта коровы соотносится со стеблем суккулентного травянистого растения с очередными листьями и монокарпиками со суккулентными листьями молодилы: як. **ынах омурда** (букв. часть полости рта коровы) «молодило (разновидность травы)» (БТСЯЗ, 2010, с. 289), «горноколосник *Orostachys Fisch*» (Иванова, 1990, с. 61); як. **сымнаҕас сэбирдэхтээх ынах омурда** (букв. мягколиственная часть полости рта коровы) «горноколосник мягколистный *O. Malacophylla* (Pall.) Pisch» (Иванова, 1990, с. 61); як. **хатыылаах ынах омурда** (букв. колючая часть полости рта коровы) «горноколосник колючий *O. Spinosa* (L.) C.A.Mey» (Иванова, 1990, с. 61). Рассмотренные фитонимы позволяют полагать, что выбор животного при номинации растений мотивируется его внешним видом или его характерными признаками.

Кроме того, зафиксированы три номинации, образованные по принципу «ядовитость растения»: як. **бөрө тинилэбэ** (букв. волчьих пятки) «диал. Уус-М. паслен персидский» (ДСЯЗ,

1976, с. 68), «диал. Усть-Алд. малина» (ДСЯЗ, 1976, с. 68); як. **кэбэ кулгааба** (букв. уши кукушки) «чемерица, кукольник» (Пекарский, 1959, т. 2, с. 1937), «чемерица *Veratrum* sp.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н), «грушанка круглолистная» (Новгородов, 2003, с. 22; БТСЯЗ, 2008, с. 451); як. **тураах хараба** (букв. вороний глаз) «вороний глаз» (БТСЯЗ, 2014, с. 158). Компоненты-зоонимы, используемые в процессе номинации ядовитых растений, представляют собой названия хищных животных (**бөрө** ‘волк’) и опасных, по поверьям якутов, птиц (**кэбэ** ‘кукушка’, **тураах** ‘ворона’). Важно отметить, что в традиционной культуре якутов волк, ворона и кукушка, наименования которых используются в составе фитонимов для обозначения ядовитого растения, являются тотемными животными и играют определенную роль в религиозно-мифологическом сознании якутов. В якутской мифологии волк считается символом ловкости, выносливости и храбрости. В преданиях и легендах он олицетворяет одинокого мистического странника, покинувшего мир людей из-за несчастной любви и скитающегося неприкаянно по бескрайним северным просторам. Ворона же считается шаманской птицей, которая является связующим элементом между средним и нижним мирами при шаманских ритуальных действиях. По воззрениям якутов, кукушка также считается особенно опасной вещью птицей. По древним якутским поверьям, если кукушка кукует возле дома, следует ожидать смерть человека, проживающего в этом доме, поэтому якуты крайне негативно относятся к кукушке, когда видят ее на территории своего дома или населенного пункта, из-за этого у современных якутов кукушка также считается птицей, предвещающей смерть. Таким образом, в традиционной культуре якутов образы волка, вороны и кукушки связаны с потусторонним миром, и этот принцип лег в основу номинации ядовитых растений, имеющих в своем составе наименования трех тотемных животных.

Семантическая модель «зооним + фитоним»

В составе 40 % фитонимов, образованных по модели «зооним + фитоним», имеется общетюркская лексическая единица **от** со смысловым значением ‘растение, трава, сено’ в якутском языке. Согласно словарю Э. К. Пекарского, данная основа имеет три семантические характеристики: «1) трава, былина, произрастание, злак; 2) стог сена, зарод; 3) остожье» (Пекарский, 1959, т. 2, с. 1891–1893). Древнетюркский вариант слова **от** представлен в следующей интерпретации: «трава, зелень, лекарство» (ДТС, 1969, с. 373). Основа **от** в рассматриваемых фитонимах представлена вторым компонентом и определяет их отнесенность к растительности: як. **үрүмэччи от** (букв. трава-бабочка) «ясколка» (Петров, 2002, с. 114); як. **бөдөн үрүмэччи от** (букв. крупная трава-бабочка) «ясколка крупноцветковая *Cerastium maximum* L.» (РА, 2016, с. 34); як. **дьабарааскы ото** (букв. трава еврашки) «лептопирум» (БТСЯЗ, 2006, с. 276); як. **кулааһай ото** (букв. трава изюбра) «зигаденус» (Петров, 2002, с. 34); як. **бөрө сиһр ото** (букв. трава, которую ест волк) «1) олекминский диал. Вздуплодник сибирский; 2) чина лесная» (Неустроев, 2011, с. 58; Иванов, Иванова, 2009, с. 55; Атлас, 2003, с. 35); як. **бөрө ото** (букв. трава волка) «щитовник пахучий, каменный зверобой» (ЛРЯ, 2016, с. 75); як. **чыычаах ото** (букв. трава птицы) «горец птичий *Polygonum aviculare* L.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н; Иванов, Иванова, 2009, с. 60), «горец птичий (спорыш, трифоль, трилистник) (Новгородов, 2003, с. 20), «спорыш птичий (горец птичий, птичья гречиха, гусиная травка) *Polygonum aviculare* L.» (ЛРЯ, 2016, с. 73); як. **хараҥаччы ото** (букв. трава ласточки) «диал. чистотел большой *Chelidonium majus* L.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н); «бородавник, желтомолочник, чистоплот *Chelidonium majus* L.» (ЛРЯ, 2016, с. 80); як. **тэбиэн от** (букв. трава-верблюд) «верблюдка» (Петров, 2002, с. 19); як. **куобах ото** (букв. трава зайца) «чина лесная» (Неустроев, 2011, с. 58).

В составе 24 % фитонимов, образованных по модели «зооним + фитоним», имеется лексическая единица **отон** со смысловым значением ‘ягода’: як. **дьабара отонно** (букв. ягода еврашки) «хвойник» (БТСЯЗ, 2006, с. 276), «эфедра односемянная (хвойник односемянный, кузьмичева трава) *Ephedra monosperma* С.А.Мeyer» (ЛРЯ, 2016, с. 36); як. **дьабарааскы отонно** (букв. ягода еврашки) «эфедра однодомная» (Инф. – КВЗ, Верхоянский р-н); як. **тураах**

отоно (букв. ягода вороны) «диал. эфедра односемянная *Ephedramonosperma* J.G.Gmel. ex С.А.Меу.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н), «арктоус красноплодный» (БТСЯЗ, 2014, с. 158), «диал. княженика, *Rubus arcticus* L.» (Инф. – РСС, Верхоянский р-н); як. **суор отоно** (букв. ягода ворона) «диал. *Муома*, *Уус-Алд.* арктоус красноплодный» (ДСЯЗ, 1976, с. 215), «диал. *О-Хал.* морошка» (ДСЯЗ, 1976, с. 215); як. **улар отоно** (букв. ягода глухаря) «диал. *Горн.* арктоус красноплодный» (ДСЯЗ, 1976, с. 259); як. **киис отоно** (букв. ягода соболя) «водяника черная (шикша, вороника)» (Новгородов, 2003, с. 16), «шикша черная» (Иванов, Иванова, 2009, с. 176), «шикша черная (водяника, вороника, дорогая трава, сцыха) *Empetrum nigrum* L.» (ЛРЯ, 2016, с. 34).

Фитонимы як. **киис аһа** (букв. пища соболя) «диал. водяника черная (шикша, вороника)» (Инф. – КВЗ, Верхоянский р-н); як. **тураах сугуна** (букв. голубика вороны) диал. «жимолость» (БТСЯЗ, 2014, с. 158), «диал. *Усть-Алд.* арктоус красноплодный» (ДСЯЗ, 1976, с. 249); як. **сылгы ньургүһүна** (букв. подснежник лошади) «ветреница лесная *Anemonesylvestris* L.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н; БТСЯЗ, 2012, с. 403; ЛРЯ, 2016, с. 42); як. **ачаахтаах сылгы ньургүһүна** (букв. кудрявый подснежник лошади) «ветреница вильчатая *Anemone dichotoma* L.» (РА, 2016, с. 15); як. **чыычаах өлөһө** (букв. манник болотный птицы) «двукисточник» (Петров, 2002, с. 27) с синтаксической точки зрения образованы способом подчинительного словосложения в притяжательной форме, в которых первые компоненты-зоонимы (**киис** ‘соболя’, **тураах** ‘ворона’, **сылгы** ‘лошадь’, **чыычаах** ‘птица’) являются доминантными. В данных примерах мы видим наблюдательность носителей языка, которая проявляется в назывании фитонимов именем животного, использующего данное растение в качестве основного источника питания.

Семантическая модель «зооним + предмет хозяйственного обихода»

В данную категорию включены 4 фитонима: як. **үөр кымньыта** (букв. кнут для табуна) «чертополох» *Carduus* L.» (Иванова, 1990, с. 143); як. **будьурхай үөр кымньыта** (букв. кудрявый кнут для табуна) «чертополох курчавый *Carduus crispus* L.» (РА, 2016, с. 27); як. **кус олобо** (букв. сиденье утки) «вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* L.» (Инф. – ЧНК, Амгинский р-н; Новгородов, 2003, с. 17; Атлас, 2003, с. 33], «вахта трехлистная (трифоль)» (Иванов, Иванова, 2009, с. 53), «вахта» (Петров, 2002, с. 18); як. **үс сэбирдэхтээх кус олобо** (букв. трехлистное сиденье утки) «вахта трехлистная *Menyanthes trifoliata* L.» (Иванова, 1990, с. 103). Номинация **үөр кымньыта** (**үөр** ‘табун’ + **кымньыта** ‘кнут’) образована по признаку использования чертополоха в качестве кнута пастухами для прогона табуна лошадей. Якутская номинация трехлистной вахты или трилистника водяного **кус олобо** мотивирована указанием на местообитание утки – топкие берега, зарастающие озера и пруды, в которых останавливаются утки и произрастает растение.

Семантическая модель «зооним+соматизм+фитоним»

В данную категорию включены две номинации: як. **күөрэгэй үөһэ талах** (букв. тальник, словно желчный пузырь жаворонка) «тальник с расслаивающимися стеблями, растущий в выжженном лесу (сушняке) (раньше из него якуты плели сито)» (БТСЯЗ, 2013, с. 166); як. **бэдэр түүтэ от** (букв. трава, подобная рысьему меху) «тимьян, чабрец, богородская трава» (БТСЯЗ, 2005, с. 831). При номинации трехкомпонентного фитонима **күөрэгэй үөһэ талах** имела место ассоциация соцветия растения с желчным пузырем жаворонка по форме и размеру. Вторая же номинация **бэдэр түүтэ от** образована по принципу внешней схожести с различной окраской цветков тимьяна с шелковистым разноцветным мехом рыси.

Семантическая модель «соматизм + зооним + соматизм»

Фитоним як. **тарбахтыны моҕой төбөтө** «змееголовник пальчатый *Dracosephalum ruyschiana* L.» (Иванова, 1990, с. 111) состоит из трех компонентов, в котором доминантным

является изафет **моџой төбөтө**. Лексическая единица **моџой төбөтө** ‘змеиная голова’ образована по принципу прямого перевода из русского языка, в котором первый компонент **моџой** обозначает ‘змею’, второй **төбөтө** – ‘голову’. Компонент **тарбахтыны** соответствует слову ‘пальчатый’.

Семантическая модель «зооним + зооним»

Якутская номинация **ыт тыһыта** «малина» (Пекарский, 1959, т. 3, с. 2961), состоящая из зоонимов (**ыт** ‘собака’ + **тыһыта** ‘самка, особь женского пола’), по нашим предположениям, была образована по признаку плодovitости малины. А именно, компонент **тыһы** со значением ‘самка’ указывает на плодоносность полукустарникового растения из вида розовых – малины.

Семантическая модель «зооним»

В фитонимах як. **кыыллыгы** «зверобой оттянутый» (Иванов, Иванова, 2009, с. 69), як. **кыылдьыт** «зверобой *Hypericum*» (Иванова, 1990, с. 84) производящей основой является слово **кыыл**, обозначающее общее понятие ‘зверь’. К корню прибавлены аффиксы **-тыны**, образующий имя прилагательное, и **-дьыт**, используемый для образования названия профессии. В результате добавлений аффиксов к основе **кыыл** образованы номинации **кыыллыгы** и **кыылдьыт** (охотник ~ зверобой). Следовательно, номинации образованы по прямому переводу из русского языка.

Заключение

Таким образом, анализ 70 номинаций растений, позволил выявить, что компоненты-зоонимы в составе фитонимов отражают склонность якутов к ассоциативному мышлению, образованию наименований растений путем метафоризации. Итак, названия домашних дающих молоко животных (**биэ** ‘кобыла’, **ынах** ‘корова’), являясь частью двухкомпонентного фитонима, подчеркивают вкус ягод и наличие полезных для человека кислот, сахара и других питательных веществ. Использование в составе номинации названий кусающего или царапающего человека животного и птицы (**ыт** ‘собака’, **киис** ‘соболь’, **саарба** ‘соболь’, **таарбаџан** ‘сурок’, **суор** ‘ворон’) указывает на колючесть и наличие шипов в побегах растений. Образование фитонимов также происходит путем ассоциаций растений или их частей с какими-либо животными и птицами, их органами: пушистые хвосты животных (еврашка, жеребенок, соболь) сравниваются с шелковистым колосом растений, желчный пузырь воробья – с соцветием тальника, мех рыси напоминает цветок тимьяна и др. В процессе анализа установлено, что форма представляется одним из основных мотивов в именовании объектов окружающей действительности: форма лепестков растений напоминает след волка, пальцы на лапах вороны, мех соболя, собачий язык, копыто жеребенка. Компоненты-зоонимы, используемые в процессе номинации ядовитых растений, представляют собой названия хищных животных (**бөрө** ‘волк’) и опасных, по поверьям якутов, птиц (**кэбэ** ‘кукушка’, **тураах** ‘ворона’). В наименованиях 30 % фитонимов можно заметить наблюдательность носителей языка, которая проявляется в назывании фитонимов именем животного, использующего данное растение как основной источник пищи, что также подтверждает неразрывность якутов и окружающей природы.

Список информантов

Инф. – ЖВД – Жирков Виктор Дмитриевич, 1952 г. р., Адыччинский наслег, Верхоянский район Республики Саха (Якутия)

Инф. – КВЗ – Кириллина Варвара Захаровна, 1942 г. р., г. Верхоянск, Верхоянский район Республики Саха (Якутия)

- Инф. – ОЕД – Олесова Елизавета Дмитриевна, 1947 г. р., Хатын-Арынский наслег, Намский район Республики Саха (Якутия)
- Инф. – ПАМ – Павлова Анастасия Михайловна, 1970 г.р., Партизанский наслег, Намский район Республики Саха (Якутия)
- Инф. – РСС – Рязанская Светлана Семеновна, 1948 г.р., Борулахский наслег, Верхоянский район Республики Саха (Якутия)
- Инф. – ЧНК – Чирикова Надежда Константиновна, 1981 г. р., Бетюнский наслег, Амгинский район Республики Саха (Якутия)
- Инф. – ЮЕГ – Юмшанова Евдокия Гаврильевна, 1938 г. р., Борулахский наслег, Верхоянский район Республики Саха (Якутия)

Список литературы

- Васильев И. Ю.** Семантическая характеристика фитонимов в якутско-турецких лексических параллелях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 98–100.
- Васильев И. Ю.** Фоноструктурные и фонетические соответствия якутско-турецких параллелей (небесные тела, время, ландшафт и растительный мир) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11. С. 391–396.
- Егорова К. Г., Нестерович А. С.** Семантическая характеристика фитонимов дикорастущих трав (на примере якутских и корейских лекарственных растений) // Социосфера. 2017. № 4. С. 75–77.
- Кузьмина А. А.** Названия деревьев и кустарников в якутском языке (сравнительный аспект) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 99–106.
- Левин Г. Г.** Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2013. 44 с.
- Малышева Н. В., Чирикова Н. К.** Якутские наименования лекарственных растений, используемых при заболеваниях мочеполовой системы: способы образования // Вестник Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2019. № 4 (104). С. 81–86.
- Нестерович А. С., Егорова К. Г.** Семантическая характеристика фитонимов (на примере якутских и корейских лекарственных растений) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-3 (77). С. 143–145.
- Оконешников Е. И.** Лингвистические аспекты терминологии якутского языка (на материале общей и отраслевой лексикографии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2005. 52 с.
- Ягафарова Г. Н.** Фитонимы с компонентами-зоонимами в башкирском языке // Вестник ЧитГУ. 2010. № 1 (58). С. 117–121.

Список источников и словарей

- Атлас – Атлас лекарственных растений Якутии. Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2003. Т. 1: Лекарственные растения, используемые в научной медицине. 200 с.
- БТСЯЗ – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005, 2006, 2008, 2010, 2012, 2013, 2014, 2017.
- ДСЯЗ – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Иванов Б. И., Иванова А. Д.** Использование лекарственных растений Якутии. Новосибирск: Наука, 2009. 189 с.
- Иванова В. П.** Двудольные растения окрестностей г. Якутска. Якутск: ЯГУ, 1990. 159 с.

- ЛРЯ – Лекарственные растения Якутии / Л. В. Кузнец, А. П. Исаев, П. А. Тимофеев и др. Якутск: Бичик, 2016. 96 с.
- Неустроев И. И. Доруобуйа – дьол. Дьокуускай: Бичик, 2011. 160 с.
- Новгородов Е. П. Лекарственные растения Оймяконья. Якутск: Бичик, 2003. 80 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
- Петров А. М. Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии. Якутск: Изд-во СО РАН, 2002. 125 с.
- РА – Растения аласов / П. А. Гоголева, С. Г. Стручкова, Е. Д. Федорова. Якутск, 2016. 34 с.

References

- Egorova K. G., Nesterovich A. S.** Semanticheskaya kharakteristika fitonimov dikorastushchikh trav (na primere yakutskikh i koreiskikh lekarstvennykh rastenii) [The semantic characteristic of phytonyms of wild herbs (on the example of the Yakut and Korean medicinal plants)]. *Sociosfera [Sociosphere]*, 2017, no. 4, pp. 75–77. (in Russ.)
- Kuzmina A. A.** Nazvaniya derev'ev i kustarnikov v yakutskom yazyke (sravnitel'nyi aspekt) [Names of trees and shrubs in the Yakut language (comparative aspect)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [North-Eastern Humanitarian Bulletin]*, 2016, no. 4 (17), pp. 99–106. (in Russ.)
- Levin G. G.** Istoricheskie svyazi yakutskogo yazyka s drevnetyurkskimi yazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami) [Historical ties of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th – 9th centuries (in a comparative aspect with the East Turkic and Mongolian languages)]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Yakutsk, 2013, 44 p. (in Russ.)
- Malysheva N. V., Chirikova N. K.** Yakutskie naimenovaniya lekarstvennykh rastenii, ispol'zuemykh pri zabolevaniyakh mochepolovoi sistemy: sposoby obrazovaniya [Yakut names of medicinal plants used for diseases of the genitourinary system: methods of education]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva [Bulletin of Yakovlev Chuvash State Pedagogical University]*, 2019, no. 4 (104), pp. 81–86. (in Russ.)
- Nesterovich A. S., Egorova K. G.** Semanticheskaya kharakteristika fitonimov (na primere yakutskikh i koreiskikh lekarstvennykh rastenii) [The semantic characteristic of phytonyms (on the example of the Yakut and Korean medicinal plants)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, 2017, no. 11-3 (77), pp. 143–145. (in Russ.)
- Okoneshnikov E. I.** Lingvisticheskie aspekty terminologii yakutskogo yazyka (na materiale obshchei i otraslevoi leksikografii) [Linguistic aspects of the terminology of the Yakut language (based on the material of general and industry lexicography)]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Yakutsk, 2005, 52 p. (in Russ.)
- Vasilev I. Yu.** Fonostrukturnye i foneticheskie sootvetstviya yakutsko-tureckikh parallelei (nebesnye tela, vremya, landshaft i rastitel'nyi mir) [Phonostructural and phonetic correspondences of the Yakut-Turkish parallels (celestial bodies, time, landscape and plant world)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, 2019, no. 11, pp. 391–396. (in Russ.)
- Vasilev I. Yu.** Semanticheskaya kharakteristika fitonimov v yakutsko-tureckikh leksicheskikh parallelyakh [The semantic characteristic of phytonyms in the Yakut-Turkish lexical parallels]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]*, 2017, no. 12-3 (78), p. 98–100. (in Russ.)
- Yagafarova G. N.** Fitonimy s komponentami-zoonimami v bashkirskom yazyke [Phytonyms with zoononym components in the Bashkir language]. *Vestnik ChitGU*, 2010, no. 1 (58), pp. 117–121. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Afanasev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P.** (comp.). Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow, Nauka, 1976, 392 p. (in Russ.)
- Atlas lekarstvennykh rastenii Yakutii [Atlas of medicinal plants in Yakutia]. Yakutsk, YaB of SD RAS Publ., 2003, vol. 1, 200 p. (in Russ.)
- Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 677 p. (in Russ.)
- Gogoleva P. A., Struchkova S. G., Fedorova E. D.** Rasteniya alasov [Plants of alās]. Yakutsk, 2016, 34 p. (in Russ.)
- Ivanov B. I., Ivanova A. D.** Ispol'zovanie lekarstvennykh, rastenii Yakutii [The use of medicinal plants in Yakutia]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 189 p. (in Russ.)
- Ivanova V. P.** Dvudol'nye rasteniyz okrestnostei g. Yakutsk [Dicotyledonous plants of the vicinity of Yakutsk]. Yakutsk, YaSU Press, 1990, 159 p. (in Russ.)
- Kuzneca L. V., Isaev A. P., Timofeev P. A. et al.** Lekarstvennye rasteniya Yakutii [Medicinal plants of Yakutia]. Yakutsk, Bichik, 2016, 96 p. (in Russ.)
- Neustroev I. I.** Doruobuia – d'ol [Health is happiness]. D'okuuskai, Bichik, 2011, 160 p. (in Yakut.)
- Novgorodov E. P.** Lekarstvennye rasteniya Oimyakon'ya [Medicinal plants of Oymyakon]. Yakutsk, Bichik, 2003, 80 p. (in Russ.)
- Pekarsky E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Large Explanatory Dictionary of the Yakut language]. Leningrad, AS USSR Publ., 1959, vol. 1, 1200 p.; vol. 2. 2010 p.; vol. 3. 3858 p. (in Russ.)
- Petrov A. M.** Slovar' russko-latinsko-yakutskikh nazvanii rastenii Yakutii [Dictionary of Russian-Latin-Yakut names of plants of Yakutia]. Yakutsk, SB RAS Publ., 2002, 125 p. (in Russ.)
- Sleptsov P. A.** (ed.). Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Yakut language]. In 15 vols. Novosibirsk, Nauka, 2005, 2006, 2008, 2010, 2012, 2013, 2014, 2017. (in Russ.)

Информация об авторах

Нинель Васильевна Малышева, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57210373908
WoS Researcher ID AAF-7944-2020

Игорь Альбертович Данилов, младший научный сотрудник
WoS Researcher ID AAX-6962-2020

Information about the Authors

Ninel V. Malysheva, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57210373908
WoS Researcher ID AAF-7944-2020

Igor A. Danilov, Junior Researcher
WoS Researcher ID AAX-6962-2020

Вклад авторов:

Н. В. Малышева – разработка концепции исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

И. А. Данилов – сбор, анализ материала; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the Authors:

Ninel V. Malysheva conceptualized the research, developed the methodology and approach, drew final conclusions, prepared the first draft of the article.

Igor A. Danilov collected and analyzed the material, drew final conclusions, prepared the final draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 25.05.2020;
одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 19.10.2021
The article was submitted 25.05.2020;
approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 19.10.2021*

Научная статья

УДК 82.01/.09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-89-97

Сибирь как символистский топос: «Тени и отзвуки» П. Л. Драверта

Любовь Владиславовна Маштакова

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия
lika170288@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

Аннотация

П. Л. Драверт – известный ученый-минеролог, геолог и географ и поэт, связанный жизнью, научной и творческой деятельностью с Сибирью и Уралом. В его художественном творчестве традиционно рассматриваются две, по выражению Е. И. Беленького, линии: «научная» и «сибирская». Относительно первой Б. Я. Бухштаб также отмечал невозможность разграничения двух ипостасей Драверта: поэта и ученого-естественника («поэтическое видение мира в поэзии Драверта очень обогащено апперцепцией ученого»). Влияние же на становление его оригинальной поэтики русского символизма, о чем упоминали исследователи сибирского текста (Е. И. Дергачева-Скоп, Ю. В. Шатин и др.) остается малоизученным проблемным полем.

В настоящей статье анализируется первый сборник стихотворений Драверта «Тени и отзвуки» (Казань, 1904) в контексте ключевых символистских текстов. Это уникальный случай «сибирского текста», когда, с одной стороны, семиотика пространства, в том числе связанная с границей, пограничьем (Н. Е. Меднис), вступает в корреляцию с художественными открытиями рубежа веков.

Ключевые слова

П. Л. Драверт, «Тени и отзвуки», сибирский текст, русский символизм

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-6131.2021.2. «Творческое наследие уральских поэтов и писателей в контексте исторических вызовов рубежа XIX–XX вв.»

Для цитирования

Маштакова Л. В. Сибирь как символистский топос: «Тени и отзвуки» П. Л. Драверта // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 89–97. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-89-97

Siberia as a Symbolistic Topos: Shadows and Echoes (1904) by Pyotr L. Dravert

Liubov V. Mashtakova

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russian Federation
lika170288@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

Abstract

Purpose. Pyotr L. Dravert is a Russian geologist, mineralogist, and a poet connected with Siberia and Urals by his scientific and artistic interests. The studies of Pyotr L. Dravert's works usually proceed in two directions: either "scientific" or "Siberian", as it was defined by Efim I. Belenkiy. Boris Ya. Buchstab pointed out the unity of two manifesta-

tions of a Dravert's creative personality: the scientist and the poet. However, the formation of his original poetics was strongly influenced by Russian symbolism (which was noticed in works by Elena I. Dergacheva-Skop, Yury V. Shatin etc.) and this point has been little studied.

Results. The article is devoted to Dravert's first collection of poems *Shadows and Echoes* (Kazan, 1904) in the context of main works of Russian symbolism. Dravert's poetry can be presented as a unique case of the "Siberian text" where the semiotics of space correlates with the artistic discoveries of the *Fin de Siècle*.

Keywords

Pyotr L. Dravert, "Shadows and Echoes", Siberian text, Russian symbolism

Acknowledgements

The work was performed within the implementation of a research project MK-6131.2021.2 "The literary heritage of the Ural poets and writers in the context of historical challenges at the turn of the 19th and 20th centuries" supported by Russian Federation President grants Foundation

For citation

Mashtakova L. V. Siberia as a Symbolistic Topos: *Shadows and Echoes* (1904) by Pyotr L. Dravert. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 89–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-89-97

Введение

Петр Людвигович Драверт (1879–1945), чье детство прошло в Екатеринбурге, юность – в Казани, чья судьба связана годами жизни и исследовательской работы с Омском, а также со Средним Уралом, Якутией, Байкалом, остался в памяти современников как выдающийся ученый-минеролог, геолог и географ. Его поэтическое наследие – пять сборников стихов («Тени и отзвуки» (1904), «Ряды мгновений» (1908), «Под небом Якутского края» (1911), «Стихотворения» (1913), «Сибирь» (1923)) и многочисленные публикации – исследовано сравнительно мало и в основном в контексте феномена его творческой личности: энтузиаста, романтика и первооткрывателя. Еще менее исследовано влияние на его поэзию модернизма. В беглом упоминании Драверта в связи с «Сибирскими огнями» Ю. В. Шатин называет его «традиционным поэтом» [Шатин, 2018, с. 90]. В «Очерках русской литературы Сибири» [1982, с. 557–558] отмечается его близость к декадентству. Сам же поэт о своем первом сборнике сказал: «Порядочная лирическая дребедень, где сильно сквозит влияние Бальмонта» [Драверт, 1979, с. 219].

Сборник стихов «Тени и отзвуки» вышел в 1904 г. в типографии Казанского университета, где поэт с 1899 г. числился на естественном отделении физико-математического факультета. С первых лет в университете он состоял в Обществе естествоиспытателей, путешествовал по Среднему Уралу. Недолгая ссылка за участие в студенческом движении в 1901 г. и работа на миасском заводе прервали его учебу, но в том же году он восстановился в университете и в 1902 г. отправился на юго-западный берег Байкала, где до 1903 г. занимался минералогическими исследованиями [Лейфер, 1979, с. 36]. Впечатления урало-сибирских экспедиций и увлечение минералогией легли в основу его первого сборника, вышедшего за год до высылки в Якутию. Сборник «Тени и отзвуки» можно считать фактом одновременно «сибирского текста» и модернистского периода творчества Драверта.

Определяя «сибирский текст» русской литературы, Н. Е. Меднис выделила семиотический концепт границы, разделяющей географические пространства «Сибирь» и «Россия» [Меднис, 2011]. Он наделен мортальными смыслами, что согласуется с пониманием мифологии Сибири, истолкованной В. И. Тюпа [2002] через архетипический сюжет обряда инициации и ритуальной смерти в литературе сибирского текста.

Граница имеет и онтологические основания. Примечательно, что в начале своих рассуждений в статье «Семиотика границы в "сибирском тексте" русской литературы» Н. Е. Меднис оттолкнулась от слов А. Белого о границах познания: «Мысль о границе, черте есть продукт потрясения, страха» [Меднис, 2011, с. 120]. Окаzionale сближение сибирского текста и идей русских символистов при ближайшем рассмотрении имеет больший смысловой и поэтологический потенциал, чем внешнее сравнение. Именно ощущение пограничья,

края и стремления за пределы (географические, культурные, ментальные) определило вектор развития русского Серебряного века.

По мысли Ю. В. Шатина и И. В. Силантьева, соединение доксы мифологемы Сибири и авторского модернистского мифа, включающего «желание выйти за пределы общечеловеческих правил общежития» [Шатин, Силантьев, 2020, с. 300], легло в основу драмы Г. Чулкова «Тайга». Резюмируя анализ критических отзывов о произведении, исследователи приходят к выводу: «Вполне вероятно, что неудача “Тайги” заложена была уже в самом замысле – проиллюстрировать основные тезисы мистического анархизма, перенеся их в якутскую юрту. Вряд ли было возможно соединить экзотику якутской жизни с рафинированной эзотерикой, характерной для символизма» [Там же, с. 305].

Замечание справедливо: если символизм искал «расширения художественной впечатлительности» в экзотических темах и образах, то находил он их чаще на Востоке, в Латинской Америке, Африке или в народной русской культуре, «подлинной» России. Но случай П. Л. Драверта будет очевидно выделяться на этом фоне. Поэт осваивает экзотическое пространство Сибири и Севера (в якутской ссылке Драверт оказался пятью годами позже Чулкова), делает его полностью «своим» и с этих позиций исследует и презентует, оставляя за пределами семантики мортальности и лиминальности – она отдана негеографическим границам.

Характеристика сборника в символистском контексте

Открывает сборник «Тени и отзвуки» посвящение: «Дням прошлого светлым и мрачным эти Тени и Отзвуки их посвящает признательный автор» [Драверт, 1904, с. б/н]¹. Само название книги, опубликованной в начале века, вписывает ее в известный символистский контекст, где «человеческое познание и коммуникация блуждают в “неистинном”, в сфере теней» [Ханзен-Лёве, 1999, с. 226], или контекст романтический (ср.: «Мечты и звуки» Некрасова), предсимволистский, фетовский. Сам Драверт говорит о своем сборнике в стихотворении «Уралу»: «цепь стихов туманных и неясных» (с. 46), что также соответствует названию «Тени и отзвуки». Здесь же, в посвящении, поэт оговаривает: сборник – отражение жизни, которой он благодарен. Позже о стихотворениях второго сборника «Под небом Якутского края» он сказал: «Была какая-то сильная потребность передать в этой форме свои впечатления» [Драверт, 1979, с. 220]. Именно *сильная потребность* движет им в поисках языка, адекватного пережитому, в данном случае – поэтического языка. Но в то же время природа этой потребности ему не вполне ясна, неопределима, как бы дана извне. Балансирование между интуицией поэта и ученого-естественника, стремлением к точности, лаконичности высказывания и осознанием конечной неопределимости законов мира и бытия, между позитивистским интересом и отстраненной созерцательностью – создает оригинальность раннего творчества Драверта.

Уже в первых стихотворениях сборника «Тени и отзвуки» мы видим его героя традиционным для Серебряного века романтическим путешественником и жрецом, причастным тайнам жизни:

Проникать в тайники бытия
И в начале увидеть конец –
В этом сила и мудрость моя,
Я – невидимых идолов жрец...
(с. 15).

Будто вступая в диалог с Вл. Соловьевым («Милый друг, иль ты не видишь...»), Драверт отвечает в стихотворении «Я вижу ветра тень на облаках волнистых»: «Я вижу целый мир в снежинках серебристых»; «Я слышу пенье нимф на дне морей глубоких»; «Я чую в недрах

¹ Далее цитирование следует по данному изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

гор потоков трепетанье» (с. 1). «Здесь, как в зерне растение, весь Драверт, – писал об этом стихотворении Е. И. Беленький, – с его обостренным зрением и слухом ученого и поэта, стремлением проникнуть в тайны мироздания» [Драверт, 1979, с. 86]. Его лирический герой поднимается на вершины гор и опускается на дно моря, усматривает жизнь в каждой окружающей его детали мира и обнаруживает его, этого мира, сокровенную, сущностную антиномичность (луч – в бездне, мрак – в дне, поток – в камне, огонь – в льдине). Характерный, в целом, для поэзии модернизма сюжет о познании, исследовании, открытии сопровождается позитивными утверждениями «я вижу», «я слышу», «я чую».

Лирический герой наделен абсолютным зрением и слухом, но также ему дано интуитивное чутье. В другом стихотворении иррациональные интуиции названы зрением души:

Верьте: то, что порою для нас
Представляется мертвым вполне,
То души проникающий глаз
Может видеть живущим вдвойне...
(с. 15).

«Он утончит слух и будет слышать, “что говорят вещи”; изощрит зрение и научится понимать смысл форм и видеть разум явлений», – писал о таком типе взаимоотношений мира и символистского художника Вяч. Иванов [1974, т. 2, с. 539]. В случае Драверта это относится не только к творческим интуициям. Проникает в «тайники бытия» поэт-жрец, поэт-пророк, он же – ученый-естествоиспытатель, исследующий неметафизические основы жизни и уже в них находящий поэзию. Каждая деталь явленного мира для него не просто отблеск «от незримого очами», но часть общего закона бытия, постигаемого эмпирически. Как отмечал Б. Я. Бухштаб, «восприятие едино, – и поэтическое видение мира в поэзии Драверта очень обогащено апперцепцией ученого. <...> “Волны света”, “магнитные бури” – не этими терминами говорили поэты» [Бухштаб, 1944, с. 66]. «Апперцепция ученого» отличает его от современников-символистов, в частности от К. Бальмонта или В. Брюсова, которого упоминает в указанной работе Б. Я. Бухштаб. В более ранней поэтической традиции здесь можно вспомнить, например, С. Т. Кольриджа, посещавшего для обновления метафор лекции Х. Дэви. Путь Драверта – иной: в его случае не поиск средств выразительности инициирует сопряжение науки и поэзии. Первично впечатление познающего ума, а поэзия наравне с научными изысканиями – один из способов высказывания, хоть и подсказанный «какой-то» неопределимой сильной потребностью.

Специфика «научных» образов и мотивов в поэзии Драверта

Картины диких гор Урала, Байкала, а позже – земли Якутии, звезды, метеориты, минералы, новые химические элементы – постоянные спутники лирического героя Драверта. В первой книге эти темы и образы еще не столь очевидны и самостоятельны и могут быть вплетены, например, в сюжет любовного свидания. Так, в стихотворении «Я долго рассказывал милой...» герой вдохновенно живописует героине невидимую глазу жизнь и трансформации минералов. В стихотворении «Заброшенный рудник» темы его научных пристрастий находят выражение в романтическом сюжете безвременно затопленного рудника, тайно хранящего в себе сокровища (вероятно, стихотворение вдохновлено его юношескими поездками по уральским рудникам с отцом).

Образы Уральских гор появляются также в заключительном стихотворении сборника «Уралу»: «цепь твоих могучих дивных гор», «живая цепь Урала». «Мой край родной!» (с. 46) – восклицает поэт, хотя и не связан с этой местностью рождением. Для него важно восприятие места как своего, освоенного, изученного, ставшего потому родным. Так что даже цепь гор сравнивается им с цепью стихотворений в сборнике, их последовательность как бы напоминает горный ландшафт.

Романтический дикий топос будто открывается им заново, присваивается и перестает быть «чужим». Если для него и существует граница Россия / Сибирь, то она формальна и не мыслится как соотношение центра и периферии, все важные события происходят по восточную сторону Уральских гор: падение метеорита, разработка недр, освоение Севера. «Понятно, чем достигается особая локальность пейзажей Драверта, – писал Б. Я. Бухштаб, – взглядом, проникающим за пределы видимого вдаль и вглубь» [Бухштаб, 1944, с. 68]. Граница (территориальная, локальная, как предел познания) как бы постоянно осваивается героем-исследователем, потому и она отодвигается «вдаль и вглубь».

Стихотворение «Тихо плескался о берег Байкал...» и символистская традиция

Отметим, что в высказывании Б. Я. Бухштаба упоминается, но не развивается свойство героя поэзии Драверта проникать «за пределы видимого», в контексте приведенной цитаты обусловленное «апперцепцией ученого». Драверт-ученый затмевает в исследованиях, посвященных его творчеству, Драверта-поэта, прошедшего увлечение символизмом. Действительно, на фоне других его сборников эта связь неочевидна и, как кажется, второстепенна. Но именно в первом сборнике формируется его оригинальный художественный мир, в фундаменте которого обнаруживаются его ранние литературные пристрастия. И о том, что поэтика символизма была им вполне усвоена и оригинально переработана, свидетельствует одно из наиболее репрезентативных в этом отношении стихотворений – «Тихо плескался о берег Байкал...»:

* * *

Тихо плескался о берег Байкал,
Бурею за день себя утомив;
Я на высоком утесе стоял,
Вдаль неподвижно свой взгляд устремив.
Там, где сходилоса небо с водой,
Где по утру появлялась заря, –
Там уже виден был парус мне твой,
Весь освещенный огнем фонаря.
Этим огнем ты давала понять,
Что возвращаешься снова ко мне;
Но неужели я мог доверять
Непостоянной Байкальской волне?..
Что, как поднимется сорма, и ты,
В битве устав со стихией слепой,
Средь этой ночи густой темноты
Путь потеряешь намеченный свой?..
Что, если волны наклонят челнок,
За борт польются потоки воды,
Берег по-прежнему будет далек, –
Кто тебя вырвет из этой беды?..

.....
Мрачные думы тревожат меня,
Зорко смотрю я в туманную даль;
Там же, мои опасенья гоня,
Тихо блестит на корме твой фонарь
(с. 10).

Прочтение этого стихотворения в символистском ключе, учитывая время его написания, кажется закономерным. Однако в библиотеке П. Драверта, хранящейся в Омской областной научной библиотеке, книг ни Бальмонта, ни кого-либо из русских и не только символистов нами обнаружено не было. Библиотека ученого-минеролога и ссыльного революционера вообще не изобилует художественной литературой, среди немногочисленных экземпляров – классики начала XIX в., А. А. Фет, А. П. Чехов, Л. Андреев и В. Каменский. В сохранившемся письме отцу из якутской ссылки Драверт просил в отсутствие чтения прислать научную литературу [Драверт, 1974, с. 217]. Можно предположить, что книги, которыми поэт был увлечен в юности, попросту не сохранились в его библиотеке. Но, настаивая на связи Драверта с символизмом, скажем, что, по воле или против воли автора, выпущенное в 1904 г., стихотворение и не могло быть прочитано внимательным читателем вне символистского контекста.

В стихотворении разворачивается сюжет ожидания. Во время затишья после бури герой встречает возлюбленную с другого берега Байкала. Напряжение уже в самом начале создается оппозицией: «тихо» – «бурею» – «неподвижно». В романтическом пейзаже (водная стихия, высокий утес) появляется романтический герой: тиха вода, таящая в себе бурю, неподвижен он, сопротивляющийся мрачным думам.

Динамику развития сюжета задает переживание лирического героя: он боится непогоды и катастрофы, но приближающийся свет фонаря разрешает его тревоги. Ритмически здесь выделяется одна строка в середине, разделяющая стихотворение на две части: «Но неужели я мог доверять / Непостоянной Байкальской волне?..» И вслед за акцентированным непостоянством волны одна за другой следуют картины кораблекрушения: сорма (или сарма²), битва со стихией, густая темнота, потеря пути и осознание беспомощности героя: «Кто тебя вырвет из этой беды?..» Сомнения не разрешаются: в четырех отделенных строках финала он так же тревожно всматривается в туман, но в финале происходит важная замена – настоящего и прошедшего нарративного (Е. В. Падучева): стоял – смотрю, мог доверять – тревожат, был виден – блеснит; и это как бы ломает и приближает к читателю сюжетное время, наращивая драматизм. Отсутствие развязки и переход прошедшего в дъящееся настоящее также создают ситуацию вечного ожидания и вечного плаванья, вечной встречи корабля, который как будто становится виден, но не приближается, а очертания его неясны. Ср. у Блока: «Они ждут чего-то от кораблей, которые придут сегодня...» («Король на площади», 1906).

Исключительность происходящего подчеркивают образы неба, сходящегося с водой, единого пространства верха и низа, и зари, на месте которой возникает освещенный фонарем парус, причем *весь* освещенный. Героиня, приближающаяся к герою, не персонифицирована, но ей соответствуют образы сходящихся неба и моря, зари, паруса, челнока, окруженного светом. Эти образы делают героиню близкой к символистской жене, облаченной в солнце. Так, например, у А. Белого в стихотворении «Любовь» (1901 или 1902): вечерний час, тишина, плескание, шум волн, грусть, тревога, всматривание вдаль, корабль / челн в отдалении мелькает или «уже виден», «туманная даль», «облако туманное», освещение, появление на горизонте. Этот же яркий аметистовый свет в стихотворении-посвящении А. Белого «Бальмонту» (1903): «И луна, как фонарь, / озаряла нас отсветом красным» [Белый, 2008, с. 513]. образу-мотиву света на горизонте, огня фонаря близок и «горизонт в огне» А. Блока, или у Вл. Соловьева, еще раньше: «В алом блеске зари я тебя узнаю» [Соловьев, 1974, с. 91].

Разумеется, челн или корабль в море, в стихии – образ с богатой литературной историей, в русской поэтической традиции это и «утлый челн», «бедный челн», и «парус одинокий». Из ближайшего Драверту символистского контекста – известный «Челн томленья» (1894) Бальмонта. В этом стихотворении реализуются те же образы и мотивы близкой бури, мрака, челна, охваченного стихией, тревоги, коррелирующие у Бальмонта с нахождением как бы

² Сильный шквалистый холодный ветер на Байкале, действительно грозящий кораблекрушением. Так, в 1901 г., незадолго до посещения Байкала Дравертом (1902 г.), по причине сармы произошла катастрофа с участием парохода «Яков».

«в космическом разломе двух эпох» [Океанский, Океанская, 2012, с. 41]. Челнок же Драверта окружен светом, знаменует надежду, приближение мечты и, в конце концов, является атрибутом героини, появляющейся на границе неба и воды. Тревога и сомнение еще не оставили героя, но они должны разрешиться приходом героини (ср. у Блока: «и близко появление» – «но страшно мне»). Драматизм задает и романтическое по сути соотнесение «буря – мрачные думы», также с богатой традицией (например, «Буря на небе вечернем...» А. Фета, которое, по предположению В. Ф. Маркова, навеяло Бальмонту строки стихотворения «Челн томленья» [Markov, 1992, S. 33]).

Если образ героини эфемерен и строится из ее атрибутов, то пейзаж, напротив, конкретен и одновременно романтизирован: «дальний берег», «очарованный берег» становится берегом Байкала; спокойное море, таящее в себе угрозу бури, – водами озера в ожидании сармы. Сибирские пейзажные образы и мотивы абсолютно реалистической угрозы оказаться на воде во время бури контаминируют с символистскими и создают по-своему уникальный сплав, когда не творческая мысль отталкивается от символа, а буквально конкретные детали пейзажа обретают потенциал символа в произведении, прочитываются как символы.

Балансирование между конкретным и умозрительным, настойчивое подчеркивание естественно-научного источника творческой мысли и обращение к словарю символистов задает своеобразие поэтики первого сборника Драверта. Однако при всей очевидности литературных увлечений поэта некоторые аспекты такого сближения оставляют неразрешенные вопросы. Стихотворения сборника «Тени и отзвуки» если и могли быть написаны в подражание Бальмонту, Брюсову, Соловьеву, то вряд ли на них повлияли Блок и Белый. Учет также сравнительно небыстрое сообщение между столичными городами и восточной частью страны и то, что начало 1900-х гг. поэт и ученый проводил в экспедициях. Однако именно в таком, позднесимволистском ключе прочитывается часть стихотворений сборника. Попробуем объяснить это художественной потенцией символистского поля или «генетической памятью» литературы, когда, по выражению С. Г. Бочарова, родство «более или менее удаленных друг от друга в пространстве и времени произведений и текстов <...> невозможно или трудно объяснить прямым влиянием текста на текст и сознательной целью писателя» [Бочаров, 2012, с. 7].

Заключение

Органический принцип, существующий, конечно, в зависимости от степени рефлексии носителя культуры, не делает П. Драверта символистом, но расширяет контекст символистских образов и географию издания близких этому направлению произведений, с одной стороны. С другой стороны, поэзия Драверта – по-своему уникальный случай «сибирского текста», когда семиотика пространства вступает в корреляцию с художественными открытиями рубежа веков и когда в конкретном локусе проступает «очарованная даль», прежде ему совершенно чуждая. Другими словами, ранняя поэзия Драверта демонстрирует иной и более органичный путь этой корреляции, в отличие, например, от упомянутой «Тайги» Г. Чулкова, где в экзотический топос вмешивается «рафинированная эзотерика». Поэтический голос Драверта, вдохновленный усвоенной и присвоенной сибирской экзотикой, становится созвучным эпохе, отражает ее основные художественные открытия, но не ставит их во главу угла.

Список литературы

- Белый А. Петербург. Стихотворения. М.: Эксмо, 2008. 800 с.
Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 341 с.
Бухштаб Б. Поэзия Петра Драверта: К 40-летию поэтической деятельности П. Л. Драверта // Омский альманах. Омск: ОГИЗ, 1944. Кн. 4. С. 64–74.

- Драверт П.** Незакатное вижу я солнце / Вступ. ст. Е. Беленького. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 224 с.
- Драверт П.** Тени и отзвуки. Казань: Унив. тип., 1904. 46 с.
- Иванов Вяч. И.** Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 872 с.; 1974. Т. 2. 852 с.
- Лейфер А. Э.** «Сибири не изменю!..»: страницы одной жизни. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 134 с.
- Меднис Н. Е.** Семиотика границы в «сибирском тексте» русской литературы // Меднис Н. Е. Поэтика и семиотика русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 120–134.
- Океанский В. П., Океанская Ж. Л.** Зыбь существования в поэтическом мире Бальмонта // Феномен К. Д. Бальмонта в современном культурном пространстве / Под ред. В. П. Океанского и др. Иваново: Изд. Епишева О. В., 2012. С. 38–46.
- Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. / Е. И. Дергачева-Скоп, Е. К. Ромодановская, В. В. Блажес и др.; редкол.: В. Г. Одинокое (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. 606 с.
- Соловьев В. С.** Стихотворения и шуточные пьесы / Сост. и примеч. З. Г. Минц. Л.: Сов. писатель, 1974. 350 с.
- Тюпа В. И.** Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Ханзен-Лёве А.** Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм / Пер. с нем. С. Бромерло и др. СПб.: Академический проект, 1999. 508 с.
- Шатин Ю. В.** Стихотворная техника поэтов «Сибирских огней» в 1920-е годы: между традицией и авангардом // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 89–100. DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-89-100
- Шатин Ю. В., Силантьев И. В.** Драма Г. Чулкова «Тайга»: рецепция сибирского текста в контексте русского символизма // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2020. № 66. С. 298–307. DOI 10.17223/19986645/66/16
- Markov V.** Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909. Köln, Wien, 1988.

References

- Belyi A.** Petersburg. Stikhotvoreniya [Petersburg. Poems]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, 800 p. (in Russ.)
- Bocharov S. G.** Geneticheskaya pamyat' literatury [The Genetic memory of Literature]. Moscow, RSUH Press Publ., 2012, 341 p. (in Russ.)
- Bukhshtab B.** Poeziya Petra Draverta [Pyotr Dravert's Poetry]. In: Omskii al'manakh [Omsk Almanac]. Omsk. OGIZ Publ., 1944, iss. 4, pp. 64–74. (in Russ.)
- Dergacheva-Skop E. I., Romodanovskaya E. K., Blazhes V. V. et al.** Ocherki russkoi literatury Sibiri [Essays of Russian literature of Siberia]. In 2 vols. Eds. V. G. Odinokov et al. Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1, 606 p. (in Russ.)
- Dravert P.** Nezakatnoe vizhu ya solntse [I See the Sun that doesn't Set]. Ed. by E. Belenkiy. Novosibirsk, West Siberian Book Publ., 1979, 224 p. (in Russ.)
- Dravert P.** Teni i otzvuki [Shadows and Echoes]. Kazan, Kazan Uni. Press, 1904, 46 p. (in Russ.)
- Hansen-Löve A.** Russkii simvolizm: Sistema poeticheskikh motivov [Russian Symbolism. System and Development of Poetic motifs]. Trans. from German by S. Bromerlo et al. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, 508 p. (in Russ.)
- Ivanov Vyach. I.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 4 vols. Eds. D. V. Ivanova, O. Deshart. Brussel, Foyer Oriental Chrétien, 1971, vol. 1, 872 p.; 1974, vol. 2, 852 p. (in Russ.)
- Leifer A. E.** "Sibiri ne izmenyu!..": stranitsy odnoi zhizni [I won't Betray Siberia: Pages of One Life]. Novosibirsk, West Siberian Book Publ., 1979, 134 p. (in Russ.)

- Markov V.** Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Bal'mont: 1890–1909, Köln, Wien, 1988.
- Mednis N. E.** Semiotika granitsy v sibirskom tekste russkoi literatury [Semiotics of the border in the Siberian text in Russian literature]. In: Mednis N. E. Poetika i semiotika russkoi literatury [Poetics and Semiotics of Russian Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2011, pp. 120–134. (in Russ.)
- Okeansky V. P., Okeanskaya Z. L.** Zyb' sushchestvovaniya v poeticheskom mire Balmonta [The Swell of Being in the Poetic World of Balmont]. In: Okeansky V. P. et al. (eds.). Fenomen K. D. Balmonta v sovremennom kul'turnom prostranstve [Balmont phenomenon in modern cultural space]. Ivanovo, Episheva O. V. Publ., 2012, pp. 38–46. (in Russ.)
- Shatin Yu. V.** The Versification of the Poetry of “Sibirskie Ogni” (1922–1929): Between Tradition and Vanguard. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, pp. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-89-100
- Shatin Yu. V., Silantev I. V.** Drama G. Chulkova “Taiga”: retseptsiya sibirskogo teksta v kontekste russkogo simbolizma [Georgy Chulkov's Play “The Taiga”: Reception of the Siberian Text in the Context of Russian Symbolism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020, no. 66, pp. 298–307. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/66/16
- Soloviev V. S.** Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy [Poems and jesting plays]. Ed. by Z. G. Mints. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1974, 350 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoi literatury [Mythologem of Siberia: on the question of the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2002, no. 1, pp. 27–35. (in Russ.)

Информация об авторе

Любовь Владиславовна Маштакова, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57210803338
WoS Researcher ID AAG-3365-2021
RSCI Author ID 1016227

Information about the Author

Liubov V. Mashtakova, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57210803338
WoS Researcher ID AAG-3365-2021
RSCI Author ID 1016227

Статья поступила в редакцию 29.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.11.2021; принята к публикации 24.11.2021
The article was submitted 29.09.2021;
approved after reviewing 19.11.2021; accepted for publication 24.11.2021

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера

Ксения Вадимовна Абрамова¹

Елена Владимировна Капинос²

Игорь Витальевич Силантьев³

¹⁻³ Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

² dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

³ silantev@post.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Аннотация

Статья суммирует исследования по теме «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера», которые с 2019 г. по настоящее время ведутся в секторе литературоведения Института филологии СО РАН. Задача статьи – продемонстрировать основные направления этой работы. Это, во-первых, изучение сибирского и дальневосточного футуризма и сибирской и дальневосточной периодики 1920-х гг. с выборочной публикацией архивных материалов (Н. Асеев, С. Третьяков, В. Рябинин, В. Март и др.). Во-вторых, реконструкция забытых, но ценных для истории русской литературы творческих биографий поэтов и прозаиков восточной ветви русской эмиграции (В. Логинов, Н. Петерс, Б. Бета, Б. Волков и др.). В-третьих, описание поэтики дальневосточных, харбинских и шанхайских авторов, выявление в их прозаических и стихотворных текстах художественных приемов, обсуждавшихся и разрабатывавшихся в литературных кружках Харбина и Шанхая (оригинальные рифмы, редкие строфические и композиционные формы, подражания восточным жанрам); выявление приоритетных для харбинцев и шанхайцев стилей и подтекстов. В-четвертых, изучение документальных источников, вплоть до самых современных, русского Харбина и Шанхая, и поиск документальных свидетельств о литературной культуре русского Китая в художественных текстах, таких, например, как «Поэма без предмета» В. Перелешина.

Ключевые слова

сибирский и дальневосточный футуризм, восточная эмиграция, прозаики и поэты восточной эмиграции, мемуары восточной эмиграции

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера»

Для цитирования

Абрамова К. В., Капинос Е. В., Силантьев И. В. Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

© Абрамова К. В., Капинос Е. В., Силантьев И. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 98–109

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 98–109

Siberia and the Far East in the First Half of the 20th Century as a Space of Literary Transfer

Ksenia V. Abramova¹, Elena V. Kapinos², Igor V. Silantev³

¹⁻³ Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

² dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

³ silantev@post.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Abstract

Purpose. The article covers the studies on “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space of literary transfer”, which have been conducted in the sector of literary studies at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences since 2019 and are underway until now.

Results. The aim of the article is to demonstrate the main lines of this work, so we shall list them. First, the study of Siberian and Far-Eastern futurism and Siberian and Far-Eastern periodicals of the 1920s with the selective publication of archival materials (N. Aseev, S. Tretyakov, V. Ryabinin, V. Mart, etc.). Secondly, the reconstruction of forgotten, but valuable for the history of Russian literature creative biographies of poets and novelists of the Eastern branch of the Russian emigration (V. Loginov, N. Peterets, B. Beta, B. Volkov, etc.). Thirdly, a description of the poetics of Far Eastern, Harbin and Shanghai authors, identification in their prose and poetic texts of artistic techniques discussed and developed in literary circles of Harbin and Shanghai (original rhymes, rare strophic and compositional forms, imitations of Eastern genres); identification of primary styles and subtexts for Harbin and Shanghai authors. Fourth, the study of documentary sources, up to the most contemporary, of Russian Harbin and Shanghai and the search for documentary evidence of the literary culture of the Russian China in artistic texts, such as V. Pereleshin's “Poem without Subject”.

Keywords

Siberian and Far Eastern Futurism, Eastern emigration, novelists and poets of Eastern emigration, memoirs of Eastern emigration

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”

For citation

Abramova K. V., Kapinos E. V., Silantev I. V. Siberia and the Far East in the First Half of the 20th Century as a Space of Literary Transfer. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-98-109

Введение

С 2019 г. в секторе литературоведения Института филологии СО РАН велись исследования по теме «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера». Изучение проблем, связанных с сохранением языковой, национальной и культурной идентичности в условиях эмиграции, давно стало одним из приоритетных направлений современного гуманитарного знания. Внимание филологов, работающих в этой области, до самого последнего времени было направлено в первую очередь в сторону Европы: на Запад эмигрировали такие крупные писатели, как Иван Бунин, Марина Цветаева, Владимир Набоков, Владислав Ходасевич, а в таких городах, как Прага, Берлин, Париж, концентрировалась русская культурная жизнь. Гораздо меньшее внимание уделялось русскому рассеянию в географически противоположном, азиатско-тихоокеанском направлении. Между тем его история, при всей ее малой изученности, уже сейчас выглядит захватывающе интересной.

В 1918–1920 гг. пути восточной эмиграции проходили, вместе с медленно отступающей армией Колчака, через Сибирь и Дальний Восток – в Харбин и Тяньцзинь, Пекин и Шанхай. Независимая Дальневосточная республика (ДВР), просуществовавшая с апреля 1920 по ноябрь 1922 г., успела стать, пусть ненадолго, прибежищем творческой интеллигенции, бежав-

шей от хаоса, голода и разрухи на Восток. Ее продвижение, вместе с медленным отступлением армии Колчака, оказало сильное воздействие на литературную и художественную жизнь городов Сибири и Дальнего Востока, которые стали на это время территорией интенсивного культурного трансфера.

Знаменитое турне Давида Бурлюка и Владимира Гольцшмидта по Транссибирской магистрали [Крусанов, 2003, с. 390], работа футуристов Николая Асеева и Сергея Третьякова в периодике Владивостока, приток высококвалифицированных литераторов и журналистов из столиц и европейской части России, их сотрудничество с местными авторами привели к появлению на Дальнем Востоке качественно новой культуры. Она испытала влияние столичного модерна и авангарда, соединив его, во-первых, с трагическим опытом гражданской войны и эмиграции, а во-вторых, с новым для русских европейцев восточным и сибирским колоритом, которым они жадно интересовались.

У нас нет полной картины культурной жизни Сибири и Дальнего Востока (включая русский Китай) того времени, да и вряд ли возможно сегодня воссоздать ее в достаточной полноте: многие страницы этой книги утеряны безвозвратно. Почему так случилось – понятно. Во-первых, потому, что русская культура европоцентрична, и любой *восток* долгое время воспринимался как сугубая провинция; во-вторых, в результате действия различных политических причин и резонов. Писатели, журналисты и другие деятели культуры, оставшиеся в России (или вернувшиеся), вынуждены были скрывать свои публикации в «контрреволюционной» дальневосточной печати, несмотря на то, что во время существования ДВР еще не было резкой черты, которая четко делила бы деятелей культуры на «красных» и «белых». Это очевидно для всякого, кто возьмется за систематический просмотр ее периодики: в одних и тех же журналах печатались поэты и писатели разных политических взглядов, что мало беспокоило и самих писателей, и их издателей; яркий пример тому – независимая владивостокская газета «Эхо» (1919–1921). Впоследствии, разумеется, восприятие материалов из подобных изданий поляризовалось, и произведения дальневосточного периода оказались «выпавшими» из творческих биографий, например, Асеева и Третьякова, не говоря о менее известных авторах.

Ныне эти, едва не утраченные, страницы истории начали изучаться: переиздаются книги, написаны первые биографические очерки о тех, кто печатался лишь на востоке и о ком мы прежде не знали. Всё это – лишь начало предстоящей громадной работы, связанной с осмыслением архивных и уже опубликованных материалов. Утрачено (или пока что кажется навсегда утраченным) очень многое: книги, журналы и сборники, изданные в ДВР и русском Китае, изымались из библиотек, уничтожались, прятались, пропадали во время частых и, как правило, внезапных переездов. Некоторые издания сохранились чудом – как, например, уже упомянутая газета «Эхо», бесценная для истории культуры. В ней практически еженедельно печаталась хроника литературной, художественной, театральной жизни Владивостока и Приморья, освещалась деятельность владивостокского Литературно-Художественного общества (ЛХО ДВ), печатались заметки о конкурсах и литературных состязаниях, проходивших в подвале театра «Золотой Рог», о новых книгах (например, о первой поэтической книге Третьякова «Железная пауза» 1919 г.) и журналах: «Бирюч» (1920), «Творчество» (1920–1921), «Юнь» (1921), «Великий Океан» (1917–1920). В некоторых архивных, музейных и библиотечных фондах Сибири и Дальнего Востока эти и другие издания сохраняются – чаще всего, в единственном экземпляре. Так, в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока был обнаружен сатирический листок «Блоха», в котором опубликовано большое количество фельетонов, направленных против ЛХО и его членов, в первую очередь поэтов-футуристов. Общей картины этой богатой литературно-художественной жизни не восстановить без тщательной архивно-поисковой работы, которая вселяет надежду найти новые документы и уникальные издания. Редкие, плохо сохранившиеся газеты и журналы содержат материалы, вызывающие к републикации, и опыт таких републикаций с комментариями уже был нами осуществлен [Капинос, Лощилов, 2020].

Результаты исследования

Избранные плоды наших усилий в этом направлении – коллективная монография «Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства» [2021]. Собранные в ней исследования объединяет общая задача изучения письменных источников восточной русской эмиграции, включая мемуаристику, – как раннюю, так и позднюю, вплоть до современной. Выбрав из составленной нами коллекции дальневосточных изданий и литературных сочинений XX в. (преимущественно 1920–1940-х гг.) наиболее ценные, мы попытались описать их характерные черты и особенности поэтики тех авторов, которые только сейчас, после почти векового забвения, находят своего читателя.

В книге четыре раздела, и в каждом разделе представлены разного рода исследования дальневосточного материала. Первый цикл исследований по теме посвящен дальневосточному футуризму. Вернемся к уже упомянутой выше публикации двух рассказов Николая Асеева («О жалости человеческой» и «Рассказ ни о чем») и статьи «Мена имен» [Капинос, Лошилов, 2020]. Статья Асеева «Мена имен» никогда не появлялась в книгах поэта, как и оба рассказа. Написанные в 1918 и 1920 гг., рассказы прочитываются как реакция на революционные и постреволюционные события, свидетельствующие о том, что «поэт... пережил травматический, остро-болезненный опыт свидетеля и участника быта в стране, охваченной гражданской войной» [Русский Китай..., 2021, с. 16]. Владивостокская футуристическая статья Асеева «Мена имен» позже не печаталась также, она состоит из примеров описания поэтической этимологии, очень похожей на те, что встречаются у формалистов, например, в «Проблеме стихотворного языка» Ю. Тынянова [1924].

Книги, ставшие памятниками сибирского и дальневосточного футуризма, единичны, главные из них рассматривались нами специально. К примеру, книга Сергея Третьякова «Железная пауза» [Русский Китай..., 2021, с. 46–83] и публикации сибирского футуриста Виталия Рябинина в журнале «Юнь» вкупе с его небольшой оригинальной поэтической книгой «Мелотрельные аккорды» (Томск, 1918). Следует заметить, что о жизни и творчестве Рябинина, как и об истории журнала «Юнь», в котором он публиковался, известно крайне мало. Как раз в стихотворной книге Рябинина «Мелотрельные аккорды» четко выявляется влияние восточной культуры, сказавшееся на редких строфических формах раздела «Японские акварели» [Куликова, 2021].

След дальневосточного футуризма лежит и на прозе В. Марта, созданной не на Дальнем Востоке, а в более позднее время, в начале 1930-х гг. Но в этой прозе узнаются приемы и темы раннего творчества В. Марта (см. об этом: [Денисова, 2021]), когда он печатался во владивостокских изданиях, на равных с Бурлюком, Асеевым и Третьяковым. Поэт-футурист Венедикт Март (В. Н. Матвеев), выходец из знаменитой в Приморье семьи Матвеевых, сын писателя, краеведа, издателя и переводчика с японского Николая Амурского (Н. П. Матвеева) и брат поэта Гавриила Эльфа (Г. Н. Матвеева), безусловно, заслуживает отдельного монографического исследования, но это – дело будущего.

Возвращение с Дальнего Востока после окончания Гражданской войны сильно изменило не только судьбу, но и поэтику Асеева и Третьякова (как и покинувшего родной Дальний Восток Венедикта Марта). Поэтам пришлось быстро подстраиваться под стандарты советской агитационной поэзии и «литературы факта» и даже разрабатывать новые литературные стандарты в теории и на практике, как в случае Сергея Третьякова, впоследствии ставшего редактором журнала «Новый ЛЕФ». Опыт дальневосточного футуризма 1917 – начала 1920-х гг. остался, таким образом, уникальным, невосполнимым, прерванным и не возымевшим продолжения...

После падения ДВР пути восточной эмиграции сошлись в русском Китае, поэзии и прозе которого посвящен основной пласт исследования по теме. Более половины объема коллективной монографии «Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства» занято работами о русском Китае, они собирают в себе много совершенно неизвестного ранее и не-

исследованного материала. Кроме двух разделов монографии надо упомянуть цикл не вошедших в монографию статей о прозе и поэзии Харбина и Шанхая.

О литературной жизни русского Китая мы все еще знаем очень немного, существующие авторитетные исследования на эту тему принадлежат прежде всего ученым Дальнего Востока, издававшим некоторых харбинских писателей и ведущих работы в архивах Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Читы, Китая и пр.¹ Их силами в последние полтора десятилетия началась активная републикация и публикация наследия харбинцев, и некоторые из них уже стали довольно известны (особенно много работ – о поэзии Арсения Несмелова), творчество других еще не рассматривалось подробно. Вписать эту поэзию в историю русской литературы, проследить ее истоки, выявить то особенное, в чем состоит ее ценность, – такая задача стояла перед нами, когда мы рассматривали поэзию Николая Щеголева, Алексея Ачаира, Бориса Беты (Б. В. Буткевича). Так, изучение поэтики Бориса Беты заняло несколько лет (см.: [Русский Китай..., 2021, с. 157–177; Силантьев, Шатин, 2021]), и теперь можно констатировать, что исследователями был сделан достаточно полный очерк творчества Буткевича, после чего персоналия Буткевича перестала быть белым пятном на литературной карте русского Китая.

Особое внимание было нами уделено той поэтической школе, которая связана с историей литературных объединений «Чураевка», «Молодая Чураевка», «Зеленая лампа» и «Пятница». Эту школу отличало стремление опробовать и освоить редкие формы стиха (исключительно редкие и сложные рифмы, строфы, жанры и т. д.) и неожиданные, оригинальные темы, часто связанные с реалиями китайской жизни и китайской экзотикой. Представление о литературных группах и кружках восточной ветви русской эмиграции невозможно и без реконструкции творческой биографии Николая Петереца, руководителя литературного направления главной культурной организации русского Китая – «Чураевки», а позже «Пятницы». До настоящего времени о Н. Петереце было известно, как и о многих поэтах и писателях русского Харбина и Шанхая, очень мало. Его биография восстанавливается по мемуарам харбинцев, и по портретам поэта и журналиста в «Поэме без предмета» и в прозе В. Перелешина [Капинос, 2021]. «Поэма без предмета» – это своего рода энциклопедия литературной жизни Китая, практически исторический документ, созданный свидетелем харбинской истории. Но «Поэма...» В. Перелешина интересна не только как документ, но и как самостоятельное и весомое художественное произведение Валерия Перелешина – одного из самых интересных и плодотворных поэтов младшего поколения. «Поэма без предмета», написанная в середине 1970-х гг., уже в Бразилии, имеет непосредственное отношение к русскому Китаю, в самых разных смыслах – это и сюжетный материал, и этнографический, и экспериментально-стиховой в духе версификационной лаборатории «Пятницы» и «Чураевки». Резонно считать поэму Перелешина «энциклопедией русской литературы Китая» и изучать в сопоставлении с «Евгением Онегиным» и «Поэмой без героя» Анны Ахматовой.

Еще одной заметной фигурой в литературной жизни восточной ветви русской эмиграции был принимавший участие и в харбинской «Чураевке», и в шанхайской «Пятнице» Николай Щеголев. В поэтике Н. Щеголева К. В. Абрамова обращает внимание на рифмы, звуковое оформление текста, а также эксперименты со строфическим построением, указывает на сближение поэтических произведений Щеголева с авангардными тенденциями в русской литературе [Русский Китай..., 2021, с. 113–137]. Анализ произведений Щеголева и выявление в них отсылок к творчеству Маяковского, Пастернака, футуристов, других интертекстуальных пересечений позволили более глубоко описать особенности восприятия поэтами-эмигрантами в Китае культурно-исторических процессов, происходивших в советской России [Абрамова, 2021].

¹ См. работы: [Забияко, Эфендиева, 2008; Кириллова, 2011; 2015; Забияко и др., 2015; Забияко, 2016; Забияко, Забияко, 2017; Русский Харбин..., 2006–; Россия и Китай..., 2001–].

Столь же энигматична, как и персоналии Бориса Беты и Николая Петереца, персоналия Василия Логинова. Практически впервые с точки зрения поэтики и ее истоков И. Е. Лощиловым описывается творчество этого харбинского поэта, которого по праву нужно отнести к продолжателям традиций авторитетного русского сатирического журнала «Сатирикон». Хорошо известно, что история «Сатирикона» (и «Нового Сатирикона») после революции была прервана в России, но продолжалась и плодотворно развивалась в западной эмигрантской и европейской литературе. Тэффи, Дон-Аминадо, П. Потемкин, Саша Черный, А. Аверченко, художник Н. Ремизов (Ре Ми) и их круг в русской эмиграции – это актуальная тема, которую сейчас активно исследуют историки литературы и изобразительного искусства, прежде всего потому, что сотрудники «Сатирикона» и других сатирических журналов оказались на Западе и основали там новые издания, организовывали выставки и литературно-художественные общества, сыграли видную роль в истории русского эмигрантского и европейского театра, ценность их вклада в европейскую культуру неоспорима². В работе над нашей темой обнаружилось, что сатириконовский стиль нашел продолжение не только на Западе, но и на Востоке, в Китае. Творчество В. Логинова и словесно-иллюстративный дизайн отдельных фрагментов харбинской периодики (имеется в виду, прежде всего, газета «Рубеж», ее страницы с «календарными» стихами и шаржами, где по крупницам И. Е. Лощилу пришлось собирать творческое наследие Логинова), наглядно свидетельствуют об этом [Лощилов, 2021].

Чаще всего восстанавливать те или иные фрагменты утраченной литературной истории восточной ветви русской эмиграции приходится по страницам эмигрантских изданий. По харбинской периодике, в частности по газете «Рубеж», были реконструированы фрагменты творчества Павла Булыгина, писателя, путешественника и историка, представителя не восточной, а западной ветви русской эмиграции, ярко отметившегося в харбинском «Рубеже».

Надо сказать, что даже уже достаточно известные авторы русского Харбина, чьи книги отдельными изданиями были выпущены в начале 2000-х гг., столь слабо изучены с историко-литературной стороны и со стороны поэтики, что нередко обнаруживаются очень значимые факты. К примеру, в процессе исследования творчества А. Ачаира были замечены необычные свойства его строфики, обусловленные его склонностью к чрезвычайно редкой в русском стихосложении кватеральной рифмовке (см.: [Русский Китай..., 2021, с. 138–156]), и она настолько сильна, что можно с уверенностью сказать, что по частоте использования этой редкой формы с Ачаиром не может сравниться никто из русских поэтов. И. Е. Лощилу и И. С. Полторацкому удалось восстановить факт опосредованного эпистолярного обращения А. Ачаира к М. Цветаевой и возможного влияния, оказанного на Цветаеву А. Ачаиром (см.: [Лощилов, Полторацкий, 2021]).

Таким образом, литература восточной ветви, существуя достаточно автономно, была ориентирована как на западную эмигрантскую культуру, так и на русские неэмигрантские контексты и не только воспринимала их традиции, но и сама активно влияла на них.

Обобщая сведения, полученные о харбинских поэтических школах, можно констатировать, что творчество харбинцев теснейшим образом связано с традициями русской дореволюционной литературы, и здесь у представителей восточной эмиграции преобладает интерес к акмеистам (Н. Гумилеву, А. Ахматовой и М. Кузмину, прежде всего), символистам (и особенно к А. Блоку), а также к И. Северянину. Но еще важнее то, что для всех харбинцев характерна приверженность к литературному эксперименту, к редким и новым ритмическим и строфическим формам, к экспериментированию с жанрами. Оказавшись на востоке, поэты и писатели пытались перенести на русскую почву восточные поэтические и прозаические жанры, прежде всего миниатюрные, пытались ассимилировать приемы восточного искусства. В исследованиях показано также, что харбинцы и шанхайцы ввели в русскую поэзию ряд новых тем: ориентальную топонимику, японские и китайские подтексты, разработали систе-

² См. об этом: [Вульфина, 2017; Брызгалова, 2002; Развлекательная культура..., 2018].

му ассонансов и аллитераций, позволяющих имитировать восточные языки по-русски и т. п. Все перечисленные способы поэтического экспериментирования были рассмотрены не только на материале поэзии, но и на примере прозы писателей восточной эмиграции: Б. Юльско-го, Б. Волкова, Б. Апрелева и Б. Ильова и др.

Борис Апрелев и Борис Ильов – это харбинские маринисты, чья проза наследует традиции русской маринистики, одновременно акцентируя в морских текстах восточные ноты (см.: [Русский Китай..., 2021, с. 257–283]). Ценность прозы русского Китая можно определить также при анализе произведений малоизученного писателя Бориса Юльского, о котором в «Поэме без предмета» В. Перелешина говорится как об одном из самых одаренных прозаиков русского Китая, изобразившего в своих рассказах «...тайгу, “зеленый легион”, / Рутину службы в Тоогэне» (см.: [Куликова, 2020]). Исследовательскими усилиями эти забытые имена восточных эмигрантов возвращаются современному читателю. Так произошло и с Борисом Волковым: современникам он был известен по публикациям в харбинских, шанхайских, парижских, пражских и др. изданиях, где печатался под разными псевдонимами; позже память о нем почти утратилась в истории литературы. И вот пришло время заново переосмыслить, переиздать прозу и поэзию Волкова, для которой характерны автобиографизм (а биография Волкова чрезвычайно интересна как наглядный пример судеб восточной ветви русской эмиграции) и монгольский колорит («Потомок Чингис-хана») (см.: [Проскурина, 2020]).

Не только в историко-литературном, но и в теоретическом срезе феномен восточной эмиграции осмыслялся нами в работах о Сибири и Дальнем Востоке первой половины XX в. Е. Н. Проскурина последовательно проводила параллели между восточной и западной эмиграцией, рассматривая, к примеру, публикации харбинцев в парижском журнале «Русские записки» (см.: [Русский Китай..., 2021, с. 178–206]). Западные эмигранты считали восточную ветвь русской эмиграции вторичной, но, пожалуй, пришло время пересмотреть это мнение. Характерен описанный Е. Н. Проскуриной эпизод из истории журнала: «Русские записки», изначально позиционировавшие себя как парижско-шанхайское издание и публиковавшие харбинцев – А. Ачаира, А. Несмелого, Б. Волкова, имевшие рубрику «Восточное обозрение», со временем отказались и от рубрики, и от произведений восточных эмигрантов, став сугубо парижским изданием. Осмысление того, как разошлись западная и восточная ветви русской эмиграции, показывает, что важны не только объединяющие моменты в культуре эмигрантов, но и новые, специфичные тенденции, которые присущи только восточной эмигрантской культуре.

Одно из качеств, обеспечивающих эту новизну, – особый автобиографизм поэзии и прозы восточных авторов. История русской диаспоры в Китае, особенно эмигрантской, оказалась очень короткой – она уложилась в несколько десятилетий. Мало кто из восточных писателей-эмигрантов окончил свои дни в Китае, харбинцы либо возвращались на родину, либо рассеивались по миру. Столь резкие переломы в судьбах предельно обостряли мемуарное начало, которое было сильно и в западной эмигрантской литературе, но восточные писатели-эмигранты еще интенсивнее ощущали завершенность эмигрантской истории, пытались запечатлеть собственную судьбу на фоне погибшего, разрушенного мира. Контраст продолжающейся автобиографии и завершенной истории русского Китая присущ и поэзии, и прозе, и мемуаристике восточных эмигрантов.

Харбинской мемуаристике, как документальной, так и художественной, посвящен еще один пласт наших исследований. Русская восточная эмигрантская мемуаристика очень обширна, и, несмотря на то что прошло уже более полувека с тех пор, как не существует русский Китай, мемуары о нем появляются непрерывно, так, например, только что, в 2021 г. вышла книга воспоминаний Н. Николаевой «Жили... были... харбинцы» [2021]. Более ранние воспоминания Н. Николаевой уже были предметом нашего исследования [Русский Китай..., 2021, с. 319–335], как и роман Д. А. Пригова «Катя китайская», основанный на мемуарах жены писателя, харбинки Надежды Буровой (см.: [Русский Китай..., 2021, с. 336–359]). Такие

вещи позволяют заключить, что история русского Харбина не исчерпана по сей день. Оказалось, что харбинские мемуары – это огромный пласт материала, интересный не только сам по себе, подходящий для исследования с точки зрения поэтики текста-воспоминания, но и позволяющий восстановить неизвестные персоналии.

Выводы

Если обобщать трехлетний опыт нашей работы над темой, то нужно отметить, что она открывает огромное исследовательское поле, однако материал для исследований собирается по крупицам ввиду архивной редкости изданий и рукописей восточной эмиграции. Не менее редки издания 1918–1920 гг. поэтов и писателей, работавших в Сибири и на Дальнем Востоке, и уж тем более единичны исследования дальневосточных и сибирских фрагментов биографий и поэтики этих авторов. Каждая персоналия, каждая хотя бы в общих чертах восстановленная творческая биография таких писателей, как Борис Бета, Василий Логинов, Николай Щеголев, Николай Петерец, Борис Волков и др., – это большая исследовательская удача.

Творчество поэтов Сибири и Дальнего Востока имеет свою специфику. Во-первых, оно адаптирует на русской почве оригинальные жанровые формы и мотивы дальневосточных литератур. Во-вторых, обособленная литературная среда русского Китая и сибирский футуризм XX в. располагали к тому, что эксперименты поэтов восточной эмиграции оказались оригинальными, ими образованы ценные маргиналии истории русской литературы. В-третьих, исследования убеждают в неповторимом характере восточной мемуаристики, жанре, который живет и развивается по сей день. Уже к концу 1920-х гг. русский Китай оказался изолированным от СССР, а затем, после Второй мировой войны, вынужденно началась новая эмиграция – и уже не из России, а из русского Китая. Вместе с ней новая самобытная культура Дальневосточного региона, едва успевшая к тому времени набрать силу, стала рассеиваться по всему миру, порой исчезая почти бесследно. Это и подталкивает исследователей к поиску и изучению ее позабытых или полузабытых страниц – пока прошлое от нас еще не окончательно отделилось.

Список литературы

- Абрамова К. В.** Интертекстуальные связи в лирике Николая Щеголева: Пастернак, Маяковский, футуристы // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 164–185.
- Брызгалова Е.** Русская сатира и юмористика начала XX века. Тверь: ТвГУ; Золотая буква, 2002. 203 с.
- Вульфина Л.** Неизвестный Ре-Ми. Художник Николай Ремизов. Жизнь. Творчество. Судьба. М.: Кучково поле, 2017. 304 с.
- Денисова Е. А.** Проза В. Марта: некоторые литературные связи и контексты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 10. С. 2901–2905. DOI 10.30853/phil210517
- Забияко А. А.** Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 437 с.
- Забияко А. А., Забияко А. П., Левашко С. С., Хисамутдинов А. А.** Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2015. 462 с.
- Забияко А. А., Эфендиева Г. В.** «Четверть века беженской судьбы...» (Художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2008. 428 с.
- Забияко А. П., Забияко А. А.** Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

- Капинос Е. В., Лошилов И. Е.** Николай Асеев: Из публикаций в печати Дальнего Востока (1918–1920) // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 292–322. DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-292-322
- Капинос Е. В.** Силуэты харбинских поэтов в «Поэме без предмета» В. Перелешина: Николай Петерс // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 383–401. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-383-401
- Кириллова Е. О.** Дальневосточная гавань русского футуризма. Книга первая. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (Поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. 636 с.
- Кириллова Е. О.** Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б. М. Юльский, Н. А. Байков, М. В. Щербаков, Е. Е. Яшнов). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2015. 276 с.
- Крусанов А. В.** Русский авангард 1907–1932 годов (Исторический обзор): В 3 т. М.: НЛЮ, 2003. Т. 2, кн. 2: Футуристическая революция (1917–1921). 608 с.
- Куликова Е. Ю.** Бунинский фон в «Белой мазурке» Бориса Юльского // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 3. С. 39–47.
- Куликова Е. Ю.** «Японские акварели» Виталия Рябинина: жанровые и строфические эксперименты // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 100–112. DOI 10.17223/18137083/76/8
- Лошилов И. Е.** Поэзия Василия Логинова: харбинский отголосок «Сатирикона» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 12. С. 3656–3660. DOI 10.30853/phil20210603
- Лошилов И. Е., Полторацкий И. С.** «Первая областническая сибирская поэма...»: Алексей Ачаир, «Казачи» (1927) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 281–337. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-281-337
- Николаева Н.** «Жили... были... харбинцы». Воспоминания. Рига, 2021. 395 с.
- Проскурина Е. Н.** Борис Волков. Возвращение забытого имени // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 4. С. 60–69.
- Развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918 / Э. Анри-Сафье, И. З. Белобровцева, Н. А. Богомоллов и др., сост. Н. Я. Букс, Е. Н. Пенская, отв. ред. Е. Я. Курганов. М.: ИД ВШЭ, 2017. 463 с.
- Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Серия сб. материалов Междунар. науч. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2001–.
- Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства. Коллективная монография / Отв. ред. И. В. Силантьев, Е. В. Капинос, И. Е. Лошилов. СПб.: Алетейя, 2021. 362 с.
- Русский Харбин, запечатленный в слове: Серия сборников научных работ преподавателей и студентов кафедры русской филологии АмГУ / Под ред. А. А. Забияко, Е. А. Оглезневой, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2006–.
- Силантьев И. В., Шатин Ю. В.** Стихотворное мастерство Беты (Б. В. Буткевича) // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 225–235. DOI 10.54770/20729316_2021_3_225
- Тынянов Ю. Н.** Проблема стихотворного языка. Л.: ACADEMIA, 1924. 139 с.

References

- Abramova K. V.** Intertekstual'nye svyazi v lirike Nikolaya Shchegoleva: Pasternak, Mayakovskii, futuristy [Intertextual connections in Nikolai Shchegolev's lyrical poetry: Pasternak, Mayakovsky, futurists]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], 2021, vol. 23, no. 3, pp. 164–185. (in Russ.)

- Bryzgalova E.** Russkaya satira i yumoristika nachala XX veka [Russian satire and humor of the early 20th century]. Tver, TvSU Press, Zolotaya bukva, 2002, 203 p. (in Russ.)
- Denisova E. A.** Proza V. Marta: nekotorye literaturnye svyazi i konteksty [V. Mart's prose: some literary connections and contexts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2021, vol. 14, no. 10, pp. 2901–2905. (in Russ.)
- Kapinos E. V.** Silhouettes of Harbin Poets in V. Pereleshin's "Poem without Subject": Nikolay Peterets. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 383–401. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-383-401
- Kapinos E. V., Loshchilov I. E.** Nikolay Aseev: From publications in print media of the Far East (1918–1920)]. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, pp. 292–322. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-292-322
- Kirillova E. O.** Dal'nevostochnaya gavan' russkogo futurizma. Kniga pervaya. Modernistskie techeniya v literature Dal'nego Vostoka Rossii 1917–1922 gg. (Poeticheskie imena, ideino-khudozhestvennye iskaniya) [Far Eastern harbor of Russian futurism. Book one. Modernist trends in the literature of the Russian Far East 1917–1922 (Poetic names, ideological and artistic searches)]. Vladivostok, Far East Federal Uni. Press, 2011, 636 p. (in Russ.)
- Kirillova E. O.** Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (B. M. Yul'sky, N. A. Baikov, M. V. Shcherbakov, E. E. Yashnov) [Oriental themes, images, motives in the literature of the Russian diaspora of the Far East (B. M. Yul'sky, N. A. Baikov, M. V. Shcherbakov, E. E. Yashnov)]. Vladivostok, Far East Federal Uni. Press, 2015, 276 p. (in Russ.)
- Krusanov A. V.** Russkii avangard 1907–1932 godov (Istoricheskii obzor) [Russian avant-garde 1907–1932 (Historical overview)]. In 3 vols. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, vol. 2, pt. 2: Futuristicheskaya revolyutsiya (1917–1921) [Futuristic revolution (1917–1921)], 608 p. (in Russ.)
- Kulikova E. Yu.** Vitaly Ryabinin's "Japanese watercolors": genre and stanza experiments. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 100–112. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/8
- Kulikova E. Yu.** Buninskii fon v "Beloi mazurka" Borisa Yul'skogo [Bunin's background in Boris Yul'sky's "White mazurka"]. *Filologicheskii klass*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 39–47. (in Russ.)
- Kurganov E. Ya.** (ed.). Razvlekatel'naya kul'tura Serebryanogo veka. 1908–1918 [Entertaining culture of the Silver Age. 1908–1918]. E. Anri-Saf'e, I. Z. Belobrov'tseva, N. A. Bogomolov et al.; comp. by N. Ya. Buks, E. N. Penskaya. Moscow, HSE Press, 2017, 463 p. (in Russ.)
- Loshchilov I. E.** Poeziya Vasiliya Loginova: kharbinskii otgolosok "Satirikona" [Poetry of Vasily Loginov: Harbin echo of "Satyricon"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2021, vol. 14, no. 12, pp. 3656–3660. (in Russ.) DOI 10.30853/phil20210603
- Loshchilov I. E., Poltoratsky I. S.** "The First Regional Siberian Poem...": Alexey Achair, "Cossacks" (1927). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, pp. 281–337. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-281-337
- Nikolaeva N.** "Zhili... byli... kharbintsy". Vospominaniya ["Once upon a time... there were... Kharbinians". Memories]. Riga, 2021, 395 p. (in Russ.)
- Proskurina E. N.** Boris Volkov. Vozvrashchenie zabytogo imeni [Boris Volkov. The return of a forgotten name]. *Filologicheskii klass*, 2020, vol. 25, no. 4, pp. 60–69. (in Russ.)
- Silantev I. V., Kapinos E. V., Loshchilov I. E.** (eds.). Russkii Kitai i Dal'nii Vostok. Poeziya, proza, svidetel'stva [Russian China and the Far East. Poetry, Prose, Evidence]. St. Petersburg, Aleteiya, 2021, 362 p. (in Russ.)
- Silantev I. V., Shatin Yu. V.** Stikhotvornoe masterstvo Bety (B. V. Butkevicha) [Beta's poetry craft (B. V. Butkevich's)]. *Novyi filologicheskii Vestnik* [New Philological Bulletin], 2021, no. 3 (58), pp. 225–235. (in Russ.) DOI 10.54770/20729316_2021_3_225
- Tynyanov Yu. N.** Problema stikhotvornogo yazyka [The problem of poetic language]. Leningrad, ACADEMIA, 1924, 139 p. (in Russ.)

- Vulfina L.** Neizvestnyi Re-Mi. Khudozhnik Nikolai Remizov. Zhizn'. Tvorchestvo. Sud'ba [Unknown Re-Mi. Artist Nikolay Remizov. Life. Creation. Fate]. Moscow, Kuchkovo pole, 2017, 304 p. (in Russ.)
- Zabiyako A. A.** Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina [The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2016, 437 p. (in Russ.)
- Zabiyako A. A., Efendieva G. V.** "Chetvert' veka bezhenskoj sud'by..." (Khudozhestvennyi mir liriki russkogo Kharbina) ["A quarter of a century of refugee fate..." (The artistic world of the lyrics of Russian Harbin)]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2008, 428 p. (in Russ.)
- Zabiyako A. A., Oglezneva E. A., Efendieva G. V.** (eds.). Russkii Kharbin, zapechatlennyy v slove: Seriya sbornikov nauchnykh rabot prepodavatelei i studentov kafedry russkoi filologii AmGU [Russian Harbin, captured in the word: Collection of scientific works of teachers and students of the Department of Russian Philology of AmSU]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2006–. (in Russ.)
- Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A.** Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2015, 462 p. (in Russ.)
- Zabiyako A. P., Zabiyako A. A.** Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoi samobytnosti [Russian Three Rivers: Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2017, 340 p. (in Russ.)
- Zabiyako A. P., Zabiyako A. A.** (eds.). Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istorieskii opyt vzaimodeistviya kul'tur. Seriya sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. [Russia and China on the Far Eastern Borders. Historical experience of interaction of cultures. Series Comp. materials International scientific. conf.]. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2001–. (in Russ.)

Информация об авторах

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 WoS Researcher ID K-6534-2017
Игорь Витальевич Силантьев, доктор филологических наук, профессор
 Scopus Author ID 57196703813
 WoS Researcher ID S-7121-2016
 RSCI Author ID 143736
 SPIN 8643-6461

Information about the Authors

Ksenia V. Abramova, Candidate of Sciences (Philology), Research Fellow
Elena V. Kapinos, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher
 WoS Researcher ID K-6534-2017
Igor V. Silantev, Doctor of Sciences (Philology), Professor
 Scopus Author ID 57196703813
 WoS Researcher ID S-7121-2016
 RSCI Author ID 143736
 SPIN 8643-6461

Вклад авторов:

К. В. Абрамова – описание исследований по русскому футуризму.

Е. В. Капинос – описание исследовательской работы по русскому Харбину и Шанхаю.

И. В. Силантьев – теоретическая часть статьи.

Contribution of the Authors:

Ksenia V. Abramova represented the research on Russian Futurism.

Elena V. Kapinos represented the research on Russian Harbin and Shanghai.

Igor V. Silantev represented the theoretical part of the article.

*Статья поступила в редакцию 08.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 08.12.2021;
approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 10.12.2021*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-110-117

От горной породы до могильной плиты: образ камня в лирике В. Шаламова

Дарья Владимировна Кротова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

da-kro@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6804-1605>

Аннотация

Образ камня обретает в творчестве Шаламова значение одного из важнейших символов, отражающих ключевые черты мировосприятия автора «Колымских тетрадей». Методы герменевтического и сопоставительного анализа позволяют выявить в широком спектре онтологических интерпретаций образа камня в лирике Шаламова противоположные смысловые векторы: от парадоксального сближения образов камня и человека, когда камень оказывается своего рода проекцией личности, наделяется мыслями и чувствами и воспринимается в качестве двойника лирического героя, до резкого противопоставления «человеческого» начала и «каменного» как мертвенного и застывшего, враждебного личности и жизни в целом. Сквозь призму образа камня раскрывается ряд сущностных особенностей поэтического мышления Шаламова, связанных с акмеистической традицией. К рассмотрению привлекаются не только опубликованные тексты, но и материалы, хранящиеся в архиве Шаламова в РГАЛИ.

Ключевые слова

русская поэзия XX века, «Колымские тетради», образ-символ камня, поэтическое мышление Шаламова

Для цитирования

Кротова Д. В. От горной породы до могильной плиты: образ камня в лирике В. Шаламова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 110–117. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-110-117

From the Rock to the Grave Plate: Image of the Stone in V. Shalamov's Lyrics

Daria V. Krotova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

da-kro@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6804-1605>

Abstract

Purpose. The article detects and examines the main directions of interpreting the image of the stone in V. Shalamov's poetic heritage.

Results. This image acquires the significance of one of the most important symbols reflecting key features of the world outlook of the "Kolyma Notebooks" author. Using the hermeneutic and comparative analysis methods, we distinguish in a wide range of ontological interpretations of the image of the stone in Shalamov's lyrics two opposite vectors. One is connected with the paradoxical convergence of the image of stone and the image of man, when the stone turns out to be a kind of projection of personality, endowed with thoughts and feelings, and sometimes the lyrical hero

© Кротова Д. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 110–117

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 110–117

perceives the stone as his double, his “second self”. Another vector is characterized by a sharp contrast between the “human nature” and “the stone” as something dead and frozen, hostile to person and to life as a whole.

Conclusion. To sum up, the image of the stone belongs to the core of Shalamov’s poetic world and has a great worldview meaning. The essential features of Shalamov’s poetic thinking are revealed through the prism of this image: objectivity, certainty of images, perception of reality objects in their integrity and clarity of faces. These features connect Shalamov’s consciousness with the acmeistic tradition. The work is based on the materials stored in the Russian State Archive of Literature and Arts besides Shalamov’s published texts.

Keywords

Russian poetry of the twentieth century, “Kolyma notebooks”, the symbolic image of the stone, Shalamov’s poetic thinking

For citation

Krotova D. V. From the Rock to the Grave Plate: Image of the Stone in V. Shalamov’s Lyrics. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 110–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-110-117

Введение

Камень – один из самых значимых и символических образов в русской поэзии. Особую содержательную многогранность он обретает в поэтической культуре Серебряного века. Хрестоматийно известны образы камня у акмеистов, также эта сфера нашла многоплановое отражение и в символистской лирике – у В. Брюсова, К. Бальмонта, Вяч. Иванова. Образы камня встречаются у Вл. Соловьева (например, в стихотворении «Колдун-камень»), у И. Анненского и других авторов.

В поэзии В. Шаламова образ камня является принципиально важным, он характеризуется исключительной глубиной и многообразием онтологических смыслов. Именно сквозь призму метафоры камня у Шаламова зачастую осмысливается образ мира и бытие человека. Рассмотрение ключевых аспектов трактовки этой метафоры в настоящей статье будет основано не только на опубликованных текстах Шаламова, но и на материалах, хранящихся в архиве Шаламова в РГАЛИ.

Как отмечает В. В. Есипов, «гранит, камень – один из постоянных образов колымской лирики В. Шаламова» [Есипов, 2014]. Камень назван среди значимых символов творчества Шаламова в работах Е. В. Волковой [2005, с. 46], И. А. Макевниной [2006, с. 6], М. Берютти [1994, с. 235]. Отдельные замечания относительно образа камня в стихотворениях Шаламова высказывают Е. В. Асафьева и Е. М. Болдырева [2017]. Исследований же, посвященных целостной характеристике роли, значения и художественного воплощения образа-символа камня в поэтическом мире Шаламова, еще не проводилось.

Результаты исследования

В широком спектре интерпретаций образа камня в лирике Шаламова в целом можно выделить *два противоположных смысловых вектора*. Один связан с парадоксальным сближением образа камня и образа человека, когда камень оказывается своего рода проекцией личности, наделяется мыслями и чувствами, и порой лирический герой воспринимает камень как своего двойника, свое «второе я». Другой же вектор, контрастный, характеризуется резким противопоставлением «человеческого» начала и «каменного» как мертвенного и застывшего, враждебного личности и жизни в целом.

В русской поэзии можно найти примеры реализации первой из названных тенденций, связанной со сближением образа камня и человеческой личности, ее душевного мира: например, в стихотворении В. Брюсова «Камни», в котором лирический герой называет камни «родными» и утверждает, что жизнь человека и жизнь камня – это единая стихия. Метафора камня раскрывает внутреннее состояние лирического героя тургеневского стихотворения в прозе «Камень». Но подобный вектор интерпретации всё же нельзя признать распространенным. Чаще образ камня в поэзии ассоциируется с некими абстрактными, онтологическими нача-

лами, как например, в первом поэтическом сборнике О. Мандельштама, в цикле «Царство Прозрачности» Вяч. Иванова и др. Для художественного мышления Шаламова же весьма характерно в ряде случаев именно сближение образа камня и человека, осмысление эмоционального мира личности сквозь призму «каменных» метафор. Одним из наиболее репрезентативных в этом отношении является стихотворение «Близнецы», в котором лирический герой уподобляет свою участь судьбе камня, проводит прямые параллели между ним и собой. Камень наделяется здесь определенными чертами характера, чувствами и ощущениями (как и лирический герой, он «утешается» звездным светом, мучается от озноба, пытается спастись от мороза, «прикрывшись в ночь дырявой тучей» (Шаламов, 2020, т. 2, с. 331)). Он обладает даже очеловеченной «внешностью», телесностью: у него «кожа», «лицо», покрытое морщинами. Идея уподобления лирического героя камню базируется на таких внутренних качествах, как твердость, стойкость, неколебимость внутренних установок. Камень оказывается ближайшим «аналогом» шаламовского героя в том природном мире, который его окружает.

В стихотворении «Серый камень» образ личности и образ камня вновь тесно сближаются. Так, в заключительной строфе лирический герой обращается будто бы одновременно к камню и к самому себе: «Твое забыли имя / Не только по беспечности, / Смешали здесь с другими / И увели от вечности» (Шаламов, 2013, т. 3, с. 12)¹. Поэт с горечью размышляет о том, что забвение – это грядущий удел не только «серого камня», но и его самого, и многих, разделивших его судьбу. Тема забвения здесь трактована предельно широко: имена заключенных-страдальцев утрачены не только в пределах частного, персонального бытия этих людей, но и в пространстве вечности.

Образ камня резонирует с миром чувств лирического героя и в целом ряде других поэтических текстов. Так, в стихотворении «Камея» именно камень запечатлевает самые дорогие поэту черты – облик любимой: «На склоне гор, на склоне лет / Я выбил в камне твой портрет». Скала, камень становится «хранителем» драгоценного для лирического героя женского образа: «Скалу с твоею головой / Я вправил в перстень снеговой, / И, чтоб не мучила тоска, / Я спрятал перстень в облака» (т. 3, с. 44). Портрет возлюбленной, начертанный на отвесе скалы, заставляет вспомнить пастернаковский образ – Юрию Живаго в какой-то момент также кажется, что облик его любимой запечатлен в природных реалиях: «Как перекинутый над городской улицей от дома к дому плакат на большущем полотнище, протянулся в воздухе с одной стороны лесной прогалины на другую расплывчатый, во много раз увеличенный призрак одной удивительной боготворимой головы. И голова плакала, а усилившийся дождь целовал и поливал ее» (Пастернак, 1998, с. 374–375). Лирический сюжет стихотворения Шаламова и романная ситуация у Пастернака оказываются похожи: это вынужденная разлука с возлюбленной, расставание надолго, если не навсегда. Чувство тоски заставляет и шаламовского лирического героя, и Юрия Живаго грезить, видеть отражение дорогих черт в реалиях природы. Но Живаго с его мягкостью и утонченностью натуры видит образ возлюбленной прозрачным, сотканным из воздуха и воды, а лирический герой Шаламова – с его невероятной стойкостью, внутренней жесткостью и силой духа – представляет портрет любимой выбитым в камне, в скале. Небезынтересен тот факт, что дочь Ольги Ивинской Ирина Емельянова полагала, что стихотворение «Камея» связано с образом ее матери, с которой Шаламов был хорошо знаком в 1930-е гг. [Емельянова, 1997, с. 314]. Если принять это предположение, то у шаламовского стихотворения и у образа Лары оказался бы общий прототип. Впрочем, никаких доказательств суждению И. Емельяновой не имеется. Не исключено, что прототипом женского образа стихотворения «Камея» была жена Шаламова Галина Гудзь.

В лирике Шаламова не единожды появляется образ камня как воплощенного совершенства природного бытия. Подтверждением этой идеи являются такие стихотворения, как

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

«Из дневника Ломоносова», «У деревьев нет уродов...» и др. Может быть, наиболее точное и полное выражение эта идея обрела в следующих строках Шаламова:

Каждый камень уложен, как надо,
В сочетанье рисунков простых,
Чтоб привлечь изумленные взгляды
Неподвижностью красоты
(Шаламов, 2020, т. 2, с. 390).

В рукописи стихотворения² можно прочесть черновой вариант этой строфы: «Каждый камень уложен, как надо, / В сочетанье узоров простых», – т. е. расположение камней на земле образует своего рода орнамент, узор, который нужно уметь увидеть. В том же ключе Шаламов размышляет и в письме Пастернаку от 20 декабря 1953 г.: «Камень, который, куда ни брось, находит себе быстро место, вправляется в пейзаж. <...> Уродства природы только в ее соприкосновении с человеком» (т. 6, с. 39).

Камень как символ идеального природного мира – эта тема, будучи особенно значимой, специфичной для Шаламова, вместе с тем имеет и определенные литературные корни. Речь идет, в частности, об акмеизме, в эстетике которого образу камня отводилась особенно значимая роль. Он зачастую ассоциировался с устойчивыми, константными началами бытия, а архитектура, как отмечает современный исследователь, обретала для акмеистов значение «универсального кода» [Крутий, 2005, с. 3]. Акмеистическая художественная парадигма предполагает «трактовку поэта как *строителя, мастера* (выделено автором. – Д. К.), который из слова-камня строит произведение-собор» [Кихней, 2017, с. 42].

Вместе с тем между акмеистическим и шаламовским пониманием образа камня есть и существенное различие: в поэзии акмеистов преобладающую роль играют образы камня, связанные не столько с природой, сколько с искусством. В мандельштамовских стихотворениях «Notre Dame», «Адмиралтейство» и ряде других камень предстает носителем совершенного эстетического начала, но это не собственно природная субстанция, а «окультуренные» творческой волей художника рукотворные объекты. У Шаламова, в отличие от акмеистов, камень наделен подобными смыслами именно в качестве природного элемента, а не в результатах творений человеческих рук.

В лирике Шаламова читатель встретит и *радикально иную, противоположную грань интерпретации образа камня: как символа враждебных человеку начал, мертвенности и безжизненности*. Подобный комплекс смыслов очевидно раскрывается, например, в стихотворении «Я жаловался дереву...» из сборника «Синяя тетрадь». Дерево хранит в себе тепло, очеловечивается («С ним вместе много плакано, / Переговорено, / Нам объясняться знаками / И взглядами дано» (т. 3, с. 50)), оно «доверяет» и страдает человеку. Не случайно одним из ключевых позитивных образов всего творчества Шаламова, как поэтического, так и прозаического, является именно «древесный» символ – вечнозеленый стланник, ассоциирующийся с надеждой, преодолением, верой в спасение («Стланник» и «Кант» из «Колымских рассказов», стихотворения «Стланник», «Я не лекарственные травы...» и др.)³ В рассматриваемом стихотворении образу дерева противопоставляется бездушность и мертвенность камня: «В дому кирпичном, каменном / Я б слова не сказал, / Годами бы, веками бы / Терпел бы и молчал» (т. 3, с. 50).

Нередко у Шаламова образ камня оказывается сопряжен с темой тяжелых испытаний, выпавших на долю автобиографического лирического героя, – как, например, в стихотворении «Пещера». Перед читателями здесь предстает неандерталец, первобытный человек, который в «пещерных глубинах» вдруг сочинил стихи: «Он царапал когтями пещеру, / Камень стен приняв за альбом, / И на память оставил череп, / Желтый череп с расколотым лбом» (Шала-

² РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 2.

³ О символике стланника в творчестве Шаламова подробнее см.: [Гончарова, 2007; Жаравина, 2015; У Цзяю, 2017].

мов, 2020, т. 2, с. 376). Песня вопреки мраку, «из глубин» – вот ключевой образ и главная идея этого стихотворения. В рукописи⁴ имеется зачеркнутая строфа: «Исторический этот опыт, / Применительно к нашей судьбе: / Керосиновой лампы копоть, / Завывающий ветер в трубе». В этих строках образный ряд стихотворения напрямую проецируется на бытие самого поэта. Каменная пещера становится здесь очевидным символом его страдания, тягостной несвободы. Подобные сугубо негативные смыслы в интерпретации образа камня встречаются и в «Колымских рассказах» Шаламова. Отдельные наблюдения относительно «каменной» символики и образа пещеры в творчестве Шаламова высказаны, например, в работах Е. В. Волковой [1997; 1998].

Закономерным продолжением обозначенного смыслового ряда является неоднократно возникающий в лирике Шаламова образ каменной могилы. А в стихотворении «Похороны» поэтом воссоздано представление о горьком финале своей жизни: «Не горсть земли, а горсть камней / Летит в мое лицо. / Больных ночей, тревожных дней / Смыкается кольцо» (т. 3, с. 106). Удар камня – это последнее, что ощущает узник, уходя за черту земного бытия.

Заключение

Итак, образ камня в лирике Шаламова наделен обширным и разнообразным спектром смыслов. Диапазон художественного истолкования этого образа очень широк – от восприятия камня в качестве своеобразного «двойника» лирического героя до ассоциирования его с враждебными и губительными коннотациями; от понимания камня как воплощенного совершенства природного мира до прямой его связи со сферой разрушения и смерти. При очевидном взаимодействии с литературной традицией (прежде всего акмеистической) Шаламов дает собственную, индивидуальную и весьма многогранную трактовку этого образа-символа.

Почему же метафора камня играет столь существенную роль в поэтике Шаламова и становится у него одной из центральных? Ведь у Шаламова она не менее значима и символически наполнена, чем, например, метафора музыки у А. Блока или образ солнца у К. Бальмонта. Одна из причин связана с сугубо биографическими предпосылками, о которых уже упоминалось: чудовищный опыт лагерей, каторжный труд, по сравнению с которым даже работа в угольной шахте воспринималась как благо и везение, потому что «уголь – это не камень в золотом забое, это гораздо легче» (т. 4, с. 485–486). С камнем оказывается сопряжена не только жизнь, но и смерть и даже «посмертное бытие» заключенного – ведь именно каменные могилы хранили «колымскую тайну»: «камень, уступавший, побежденный, униженный, обещал ничего не забывать» (т. 1, с. 398).

Помимо сугубо биографических предпосылок, образ камня столь близок Шаламову потому, что он отражает сущностные особенности его поэтического мышления. Определенность и предметность образного мира, твердость (а во многих случаях даже и жесткость) метафор, умение и стремление воспринимать объекты реальности в их целостности и четкости граней – вот характерные черты поэтической стилистики Шаламова. Как и акмеисты, Шаламов тяготеет к рельефности и чеканности, не случайно даже сами стихотворения осмысливаются им как «кристаллы» (сравним с Мандельштамом, у которого, как отмечает Л. А. Колобаева, «все, даже самые тончайшие, капризные, “эфирные” материи бытия, как воздух или музыкальный звук, получают твердые, правильные, как кристалл, и литые формы» [Колобаева, 2017, с. 52]).

Метафора камня соответствует важнейшим установкам шаламовского художественного видения, она отражает сущностные черты мировосприятия автора «Колымских тетрадей» и становится не только значимым звеном его образной системы, но и своего рода концентрированным выражением сути его поэтического мышления.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 6.

Список литературы

- Асафьева Е. В., Болдырева Е. М. Категория памяти в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 3. С. 20–25.
- Берютти М. Крест его судьбы // Шаламовский сборник: Сб. науч. ст. / Сост. В. В. Есипов. Вологда: Изд-во Вологод. ИПК, 1994. Вып. 1. С. 230–235.
- Волкова Е. В. Поединок слова с абсурдом // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 3–35.
- Волкова Е. В. Трагический парадокс Варлама Шаламова: Моногр. М.: Республика, 1998. 176 с.
- Волкова Е. В. Абрис творчества Варлама Шаламова как эстетического феномена // Волкова Е. В. Встреча искусства с эстетикой. О философских проблемах диалога искусства и эстетики в XX веке. М.: Современные тетради, 2005. С. 35–67.
- Гончарова В. Н. Лингвокультурологический анализ художественного концепта *стланик* (на материале «Колымских рассказов» и «Колымских тетрадей» В. Т. Шаламова) // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 8 (80). С. 62–65.
- Емельянова И. Легенды Потаповского переулк. Б. Пастернак. А. Эфрон. В. Шаламов. Воспоминания и письма. М.: Эллис Лак, 1997. 400 с.
- Есипов В. В. Примечания к: Шаламов В. «Из первых колымских тетрадей (неизвестные стихи)» // Знамя. 2014. № 11. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5724> (дата обращения 30.08.2020).
- Жаравина Л. В. «И верю: был я в будущем». Варлам Шаламов в перспективе XXI века: Моногр. М.: Флинта – Наука, 2015. 224 с.
- Кихней Л. Г. Онтологический статус слова в поэтическом дискурсе Серебряного века // Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма: Сб. ст. М.: Азбуковник, 2017. С. 8–44.
- Колобаева Л. А. О. Э. Мандельштам // История русской литературы Серебряного века (1890-е – начало 1920-х годов): В 3 ч. М.: Юрайт, 2017. Ч. 3: Акмеизм, футуризм и другие. С. 51–62.
- Крутий С. М. «Архитектурность» художественных образов в поэзии акмеистов: О. Мандельштам и А. Ахматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 20 с.
- Макевнина И. А. Поэзия Варлама Шаламова: эстетика и поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 29 с.
- У Цзяю. «Наиболее поэтичное русское дерево». Варлам Шаламов в Китае // Закон сопротивления распаду. Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века: Сб. науч. тр. / Сост. Л. Бабка, С. Соловьёв, В. Есипов, Я. Махонин. Прага: Москва, 2017. С. 363–367.

Список источников

- Пастернак Б. Избранное: В 2 т. СПб.: Кристалл, Респекс, 1998. Т. 2: Доктор Живаго. 560 с.
- Шаламов В. Собр. соч.: В 6 т. (+ т. 7, доп.). М.: Книжный клуб «Книгобек», 2013.
- Шаламов В. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. В. Есипова. СПб.: Пушкинский Дом; Вита Нова, 2020.
- Шаламов В. Пещера // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 6.
- Шаламов В. «Каждый камень уложен, как надо...» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 2.

References

- Asafeva E. V., Boldyreva E. M. Kategoriya pamyati v “Kolymskikh tetradyakh” Varlama Shalamova [Category of memory in Varlam Shalamov’s “Kolyma Notebooks”]. *Verkhnevolzh-*

- skiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsk Philological Bulletin], 2017, no. 3, pp. 20–25. (in Russ.)
- Beryutti M.** Krest ego sud'by [Cross of his destiny]. In: Esipov V. V. (comp.). Shalamovsky sbornik [Shalamov's digest]. Vologda, IPK Publ., 1994, iss. 1, pp. 230–235. (in Russ.)
- Emelyanova I.** Legendy Potapovskogo pereulka. B. Pasternak. A. Efron. V. Shalamov. Vospominaniya i pis'ma [Legends of Potapovsky lane. B. Pasternak. A. Efron. V. Shalamov. Memories and Letters]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997, 400 p. (in Russ.)
- Esipov V. V.** Primechaniya k: Shalamov V. "Iz pervykh kolymskikh tetradei (neizvestnye stikhi)". [Notes to: Shalamov V. "From the first Kolyma notebooks (unknown verses)"]. *Znamya* [The Banner], 2014, no. 11. (in Russ.) URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5724> (accessed 30.08.2020).
- Goncharova V. N.** Lingvokul'turologicheskii analiz khudozhestvennogo kontsepta *stlanik* (na materiale "Kolymskikh rasskazov" i "Kolymskikh tetradei" V. T. Shalamova) [Linguistic and culturological analysis of the artistic concept of *stlanik* (based on the material of "Kolyma Tales" and "Kolyma Notebooks" by V. T. Shalamov)]. *Vestnik YuUrGU* [South Ural State University Bulletin], 2007, no. 8 (80), pp. 62–65. (in Russ.)
- Kikhney L. G.** Ontologicheskii status slova v poeticheskom diskurse Serebryanogo veka [Ontological status of the word in the poetic discourse of the Silver Age]. In: Kikhney L. G. Pod znakom akmeizma [Under the sign of acmeism]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017, pp. 8–44. (in Russ.)
- Kolobaeva L. A.** O. E. Mandelstam. In: Istoriya russkoi literatury Serebryanogo veka (1890-e – nachalo 1920-kh godov) [The history of Russian literature of the Silver Age (1890s – early 1920s)]: In 3 parts. Moscow, Juright Publ., 2017, pt. 3: Akmeism, futurism and etc., pp. 51–62. (in Russ.)
- Kruti S. M.** "Arkhitektturnost" khudozhestvennykh obrazov v poezii akmeistov: O. Mandelshtam i A. Akhmatova ["Architecturality" of artistic images in the poetry of acmeists: O. Mandelstam and A. Akhmatova]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Magnitogorsk, 2005, 20 p. (in Russ.)
- Makevnina I. A.** Poeziya Varlama Shalamova: estetika i poetika [Poetry of Varlam Shalamov: aesthetics and poetics]. Cand. Phil. Sci. Syn. Diss. Volgograd, 2006, 29 p. (in Russ.)
- U Czjaju.** "Naibolee poetichnoe russkoe derevo". Varlam Shalamov v Kitae ["The most poetic Russian tree". Varlam Shalamov in China]. In: Babka L., Solovyov S., Esipov V., Makhotin Ya. (comp.). Zakon soprotivleniya raspadu. Osobennosti prozy i poezii Varlama Shalamova i ikh vospriyatie v nachale XXI veka [The law of resistance to disintegration. The features of the prose and poetry of Varlam Shalamov and their perception at the beginning of the 21st century]. Prague, Moscow, 2017, pp. 363–367. (in Russ.)
- Volkova E. V.** Abris tvorchestva Varlama Shalamova kak esteticheskogo fenomena [Abris of Varlam Shalamov's work as an aesthetic phenomenon]. In: Volkova E. V. Vstrecha iskusstva s estetikoi. O filosofskikh problemakh dialoga iskusstva i estetiki v XX veke [Meeting art with aesthetics. On the philosophical problems of dialogue of art and aesthetics in the 20th century]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2005, pp. 35–67. (in Russ.)
- Volkova E. V.** Poedinok slova s absurdom [Duel of word with absurd]. *Voprosy literatury* [Literature issues], 1997, no. 6, pp. 3–35. (in Russ.)
- Volkova E. V.** Tragicheskii paradoks Varlama Shalamova [The tragic paradox of Varlam Shalamov]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 176 p. (in Russ.)
- Zharavina L. V.** "I veryu: byl ya v budushchem". Varlam Shalamov v perspektive XXI veka ["And I believe that I was in the future". Varlam Shalamov in the perspective of the 21st century]. Moscow, Flinta – Nauka Publ., 2015, 224 p. (in Russ.)

List of Sources

- Pasternak B.** Selected Works. In 2 vols. St. Petersburg, Kristall Publ., Respeks Publ., 1998, vol. 2: Doctor Zhivago, 560 p. (in Russ.)

- Shalamov V.** Collected Works. In 6 vols. (+ vol. 7, add.). Moscow, Knizhnyi klub “Knigovok” Publ., 2013. (in Russ.)
- Shalamov V.** Stikhotvoreniya i poemy [Poems]. In 2 vols. Introduction, comp., prep. of the text and notes by V. V. Esipov. St. Petersburg, Pushkinsky Dom Publ., Vita Nova Publ., 2020. (in Russ.)
- Shalamov V.** Peshchera [The cave]. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Arts], f. 2596, inv. 3, un. 1, l. 6. (in Russ.)
- Shalamov V.** “Kazhdyi kamen’ ulozhen, kak nado...” [“Every stone is laid as it should...”]. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 2596. Inv. 3. Un. 1. L. 2. (in Russ.)

Информация об авторе

Дарья Владимировна Кротова, кандидат филологических наук
SPIN 9368-4746

Information about the Author

Daria V. Krotova, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 9368-4746

*Статья поступила в редакцию 15.01.2021;
одобрена после рецензирования 13.10.2021; принята к публикации 15.10.2021
The article was submitted 15.01.2021;
approved after reviewing 13.10.2021; accepted for publication 15.10.2021*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-118-127

Особенности репрезентации образа Китая в современном лирическом цикле путешествий

Светлана Петровна Гудкова¹

Ольга Юрьевна Осьмухина²

Виктория Александровна Самойленко³

¹⁻³ Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева
Саранск, Россия

¹ sveta_gud@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>

² osmukhina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

³ samojlenko.viktoria@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0012-8736>

Аннотация

Цель статьи – изучить специфику функционирования лирического цикла путешествий в творчестве О. Седаковой, А. Кушнера, А. Уланова, предлагающих различные стратегии осмысления «чужих» реалий. Задачи: обозначить ключевые вехи формирования «китайского текста» в отечественной словесности; изучить особенности репрезентации образа Поднебесной современными поэтами. Научная новизна определяется тем, что впервые современный цикл путешествий о Китае анализируется в рамках специальной работы.

Методы исследования: историко-функциональный, типологический, метод целостного анализа. Было установлено, что современные авторы, опираясь на поэтическую концепцию Н. Гумилева в «Фарфоровом павильоне», в лирических циклах путешествий, посвященных Поднебесной, воспроизводят не столько конкретное географическое пространство, сколько духовную «составляющую» восточной страны, передают особенности «чужой» культуры и мировосприятия.

Ключевые слова

современная поэзия, цикл, лирический цикл путешествий, О. Седакова, А. Кушнер, А. Уланов

Для цитирования

Гудкова С. П., Осьмухина О. Ю., Самойленко В. А. Особенности репрезентации образа Китая в современном лирическом цикле путешествий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 118–127. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-118-127

Representation Peculiarities of the Image of China in the Modern Lyrical Cycle of Travel

Svetlana P. Gudkova¹, Olga Yu. Osmukhina²

Viktoria A. Samoylenko³

¹⁻³ National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russian Federation

¹ sveta_gud@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>

² osmukhina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

³ samojlenko.viktoria@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0012-8736>

Abstract

Purpose. The purpose of this article is to determine the functioning specificity of the lyrical travel cycle as a special genre form. The research aims to identify the milestones in the formation of the “Chinese text” in Russian literature,

© Гудкова С. П., Осьмухина О. Ю., Самойленко В. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 118–127

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 118–127

to study the originality of the travel cycle about China by O. Sedakova, A. Kushner and A. Ulanov, and to examine the representation features of the image of the Celestial Empire.

Results. With all the diversity in modern Russian poetry of travel cycles, we have focused our attention on the most representative works of Russian poets who offer different strategies of comprehending “foreign” realities. The scientific novelty of the work is determined by the fact that the modern travel cycle is analyzed through the prism of the Silver Age traditions for the first time. The research methods included historical and functional analysis, typological analysis, and comprehensive analysis.

Conclusion. We conclude that modern poets in the lyrical travel cycles devoted to the Celestial Empire create not a specific geographical space, but a spiritual “component” of the eastern country based on the poetic concept of N. Gumilyov in “Chinese Pavilion”, and convey the features of “alien” culture and worldview. While O. Sedakova’s “Chinese Journey” uses associative-metaphorical links and images to describe an imaginary journey, A. Kushner (“In China”) and A. Ulanov (“Solid China”) construct a real-life journey.

Keywords

modern poetry, cycle, lyrical cycle of travel, O. Sedakova, A. Kushner, A. Ulanov

For citation

Gudkova S. P., Osmukhina O. Yu., Samoylenko V. A. Representation Peculiarities of the Image of China in the Modern Lyrical Cycle of Travel. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 118–127. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-118-127

Введение

Цель нашей статьи – научное осмысление особенностей функционирования лирического цикла путешествий в современной поэзии как особой жанровой формы. По справедливому утверждению Л. Е. Ляпиной, «одна из фундаментальных проблем, открытых литературоведением XX века, – это явление литературной циклизации, т. е. объединения групп самостоятельных произведений в новые многокомпонентные единства – циклы» [1998, с. 170]. Совершенно очевидно, что на сегодняшний день многие вопросы, связанные с определением жанровой специфики, генезиса, эволюции, типологии лирического цикла в целом и цикла путешествий, синтезирующего в себе жанровые черты лирического цикла и травелога, в частности, остаются открытыми. Изучение художественных особенностей цикла путешествий о Китае, где важную идейно-смысловую функцию играют географические топосы, описаны инациональные культурные реалии и традиции, воплощена философия Востока, представляется актуальным, поскольку позволяет сделать объективные выводы как о специфике лирического цикла путешествий, так и о ключевых тенденциях развития современной отечественной поэзии.

Оговоримся, что проблема изучения лирической циклизации в отечественном литературоведении возникает сравнительно недавно, в частности теоретические подходы к ее осмыслению начинают разрабатываться лишь в середине XX в. Основой для современных исследований лирического цикла служат работы М. Н. Дарвина [2003] Л. Е. Ляпиной [1977; 1999], И. В. Фоменко [1992] и др., при этом жанрово-видовые особенности лирического цикла путешествий в отечественном литературоведении рассматривались главным образом на материале отечественной поэзии XIX столетия [Ляпина, 1999]. Образ Китая изучался на материале творчества поэтов Серебряного века (см. [Медведева, 2008; Краснаярова, 2019; Пороль, 2020] и др.).

Предмет исследования в нашей статье – особенности репрезентации образа Китая в лирическом цикле путешествий рубежа XX–XXI вв.

Результаты исследования

Китай как инациональный мир с древнейшей культурой, обычаями, особым мировидением становится «экзотическим» источником вдохновения и систематическим предметом интереса для европейцев уже в XVIII – начале XIX в. (достаточно вспомнить, к примеру, Ж.-Б. Дюальда, Вольтера, Г. Гейне, Дж. Г. Байрона и др.). В России накопление знаний о Китае первоначально шло через «посредничество» Запада и выражалось в первую очередь

в знакомстве отечественного читателя с публикациями о Китае и китайскими классическими произведениями не в оригинале, но в переводах и «переложениях» на английский и французский языки, которые, по справедливому замечанию В. Б. Кондакова, «сформировали в сознании русской публики интерес к стране и способствовали возникновению определенного первичного “фона”, культурного контекста. Существенное продвижение в этом направлении произошло в XIX в.» [Кондаков, 2017, с. 125].

Действительно, постепенное формирование «китайской темы» прежде всего в русской прозе начинается в 1830–1850-х гг., когда появляются «4338-год: Петербургские письма» (1835) В. Ф. Одоевского, «Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя» (1839) О. И. Сенковского, а также книга очерков «Фрегат “Паллада”» (1858)¹ И. А. Гончарова. Если романы Одоевского и Сенковского далеки от воссоздания исторически достоверных реалий и воспроизводят особый китайский колорит, то Гончаров подробно описал своеобразие географического месторасположения страны, особенности национального характера, организацию труда китайского народа и т. п., репрезентуя Китай как особый, самобытный мир, интересный для России в своей похожести с ней.

В отечественной поэзии интерес к Поднебесной фиксируется несколько позднее, в творчестве поэтов Серебряного века: К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Гумилева, В. Хлебникова, В. Маяковского и др. Рассматривая образ Китая в рецепции поэтов рубежа XIX–XX вв., П. В. Пороль объясняет специфику освоения «китайского текста» именно в этот период увлечением русских поэтов китайскими – Ли Бо, Ду Фу, Ван Чанлина и др.: «Имеет место феномен творческого осмысления и освоения китайской эстетики (не только в поэзии, но и мифологии и философии Дао) в контексте индивидуальных поэтических систем К. Бальмонта, Н. Гумилева, В. Хлебникова, М. Цветаевой» [Пороль, 2020, с. 8]. Действительно, большое влияние на формирование мифопоэтики Серебряного века оказала религиозно-философская концепция Дао с ее нерасторжимостью реального и идеального, которая найдет полномерное развитие в «Великом Ничто» (1900), «Китайском небе» (1921) К. Бальмонта. Однако, отметим, в лирике К. Бальмонта не обнаруживаются крупных поэтических форм, где образ Поднебесной выступает в качестве сюжетообразующей основы, стержневой доминанты.

Стремление к масштабной репрезентации «Священного Китая» представлено в стихотворении «Путешествие в Китай» (1910) и сборнике «Фарфоровый павильон» (1918) Н. Гумилева. Причем в последнем представлен развернутый образ восточной страны, ее философской мудрости, призывающей к гармонии и внутренней созерцательности. Следует отметить, что Н. Гумилев совершал путешествия в далекие, экзотические страны, но в Китае никогда не был. Однако интерес к этой стране поэт проявлял на протяжении всей жизни. Приобщение к Китаю шло через освоение культурной и духовной составляющей: еще в ранний период жизни он мог созерцать редкие китайские экспонаты, находившиеся в Екатерининском дворце в Петербурге; был хорошо знаком с переводами древних китайских манускриптов отца Иакинфа. Находясь в Париже, Н. Гумилев имел возможность познакомиться с обширной коллекцией китайского искусства из Музея Восточного искусства имени Гимэ и других музейных комплексов². В своем сборнике поэт передал сложный синтез реалистических и мифологических представлений об этой удивительной восточной стране.

Однако «Фарфоровый павильон» Н. Гумилева не может быть отнесен к циклу путешествий, так как в его основе лежит не маршрут путешествия и осмысление определенного географического пространства, а постижение китайского миропонимания как целостной системы. В «китайских стихах» поэт не только воссоздал специфику восточного образа мышления, но и передал особенности национального образа мира. Китай не стал в «Фарфоровом павильоне» реальным географическим пространством с его конкретной топонимикой и ономастикой. В нем Н. Гумилев создал образ восточного мира, в котором совершается ду-

¹ Об основных этапах формирования «китайского текста» см. подробнее: [Красноярова, 2018; Пороль, 2020].

² См. об этом подробнее: [Раскина, 2008].

ховное странствие лирического героя, и в этом отношении сборник «китайских стихов» может быть рассмотрен как философский. Именно поэтическая концепция Н. Гумилева в освоении образа Китая оказала значительное влияние и на современную отечественную поэзию (В. Аристов, А. Скидан, А. Уланов, Н. Азарова, А. Глазова и др.), и, в частности, на развитие лирического цикла путешествий.

Своеобразным продолжением художественных исканий русских поэтов Серебряного века в постижении образа Китая можно считать «Письма династии Минь» (1977) И. Бродского, «Китайское путешествие» (1986) О. Седаковой, «Сплошной Китай» (2004) А. Уланова, «Китайские стихи» (2005) П. Лукьянова, «В Китае» (2016) А. Кушнера, в которых наблюдается глубокий синтез жанровых черт философского цикла и цикла путешествий. Китайские константы становятся сюжетообразующей основой в раскрытии важных мировоззренческих идей: трагизм жизненных основ, духовность / бездуховность, мудрость бытия и др.

Так, в лирическом цикле О. Седаковой «Китайское путешествие» отчетливо проявляется синтез философского цикла и цикла путешествий. Китай близок поэтессе не только как страна глубочайшей мудрости, но и страна, которая манит автора своей загадочностью, самой атмосферой. Весьма примечательна архитектоника цикла. Он состоит из восемнадцати поэтических текстов, каждый из которых представляет собой определенную ступень в постижении образа Китая. При этом автор продолжает философско-поэтическую традицию в репрезентации оппозиции Восток – Запад. Многочисленные аллюзии на памятники древнекитайской литературы помогают передать особенности китайской культуры, национального менталитета, отличного от европейского. К примеру, традиционные для китайской живописи образы «отвязанной лодки» и «обломанной ветки» ассоциируются с образом современного человека, находящегося в поиске жизненного пути:

Отвязанная лодка
плывет, не размышляя,
обломанная ветка
прирастет, да не под этим небом
(Седакова, 2001).

О. Седакова, погружаясь в особенности китайской философии, пытается постичь сущность человеческой личности, ее связь с природой и мирозданием. В своих поэтических размышлениях автор опирается на учение Лао-цзы. Не случайно эпиграфом к циклу она берет цитату из творчества китайского философа об особом взгляде на мир природы и человека.

Согласно теории даосов, люди должны научиться жить в гармонии с природой; они призывали к тщательному изучению мира и основ его бытия. При этом большое значение даосизм отводил человеку, который рассматривался как микрокосмос, а первостепенной задачей его было найти свое место в мироздании. Обретение гармонии человека и природы, согласно древнему учению, становится смыслом жизни³.

Ориентируясь на основные положения древней китайской философии, лирическая героиня О. Седаковой находится в поиске внутренней гармонии:

Только увижу,
что бывает с человеком, –
шла бы я за ним, плача:
сколько он идет, и я бы шла, шагала
таким же не спорящим шагом
(Седакова, 2001).

Этой же цели служат и ассоциативные связи с творчеством известного китайского поэта Ли Бо, что наиболее ярко прослеживается в тринадцатом стихотворении цикла. Образ древ-

³ Об основных идеях даосизма подробнее см.: [Варакина, 2009].

него поэта, столь чутко и тонко умевшего запечатлеть окружающий мир, пронизывает всю структуру цикла, присутствуя в нем не только в качестве художественного атрибута, но и в качестве духовного наставника лирической героини. Это очевидно прежде всего из названия лирического цикла – «Китайское путешествие», ведь, как известно, и Ли Бо, и Басё, и Исса, и Тиё любили и умели совершать долгие одинокие переходы, подолгу могли уединенно жить вдали от суеты. Именно так и поступает лирическая героиня «Путешествия». Она совершает некий физический переход в пространстве, на что указывают сменяющие друг друга пейзажи: вот приветствие Китаю с его хрупкими ивами; вот говорящий пруд; вот «широкие глаза храмов»; вот гора с хижинкой на вершине; вот крыши пагод; вот путник в белой одежде, бредущий по тропке. Стихи, составляющие цикл О. Седаковой, намеренно создают своеобразное «эхо» поэзии Ли Бо, и отголоски эти воплощаются прежде всего в конструкции строф и в наборе образов (луна, вода, лодка, вино, одиночество, путь).

Избранная авторская стратегия не только демонстрирует специфику авторского мировоззрения, натурфилософию, но и возможные пути сближения Востока и Запада. Восточная сосредоточенность на мироздании и личностный аспект, лежащий в основе христианской традиции, по мнению поэта, и должны привести к сближению с природой, обретению внутренней гармонии современного человека, находящегося в поиске «своего пути». Отсюда – изобилие олицетворений в репрезентации природного мира Поднебесной: пруд «говорит», «лодка плывет, не размышляя», вода «улыбалась»; здесь у гор есть «сердце», у храмов – «глаза», а крыши пагод – «как удивленные брови».

Очевидно, что лирический цикл О. Седаковой репрезентован прежде всего как философский, однако принципиальное значение в нем приобретает мотив путешествия, который осмысливается с опорой на китайскую философию: путешествие – это не просто реальный путь по восточной стране, оно становится метафорой и странствия по дорогам бытия, и жизненного пути человека, и дороги к мудрости, а также символом загробного странствия.

Отличительной особенностью поэтических текстов, посвященных Китаю, является попытка соединить европейскую и восточную культуры. Весьма показателен в этом контексте и «Сплошной Китай» А. Уланова. Этот лирический цикл «китайских стихов» также не имеет характерного для циклов путешествий указания маршрута, отраженного в заголовочном комплексе. По своей структуре он напоминает дневник путешественника. Лирический герой здесь тесно связан с образом самого автора. Подтверждение этому мы находим в словах А. Уланова: «...китайская культура, несмотря на длительный опыт жизни и работы в Китае, так и не стала близка. С конфуцианством из-за его морализма и сосредоточенности только на социальном у меня точек соприкосновения быть не может. <...> С даосизмом некоторые точки соприкосновения есть, есть прямые отсылки к нему в цикле “Сплошной Китай” <...>. Но и даосизм мне не близок из-за его неличности. Я все-таки европеец и считаю, что Европа не рационализм, доведенный до абсурда, а личность с ее противоречиями и подвижностью»⁴.

Заметим, что лирический герой цикла «Сплошной Китай» не просто путешественник, восхищенный китайской культурой и философией. Он становится не праздным наблюдателем, а сливается с Поднебесной, смотрит на мир сквозь призму китайского мировосприятия. Во всем чужом лирический герой пытается найти свое, родное, и образы китайского мира соединяются в одно целое с привычными, родными образами (подобная «двуплановость», на наш взгляд, при всей топографической «разности» сближает «Сплошной Китай» с «Персидскими мотивами» С. Есенина):

Гарантийный срок –
какой регулярный стих
просто еще один вколоченный гвоздь

⁴ Цит. по: [Зейферт, 2018].

Муравьев достаточно не хватает птиц
сойка Штутгарта боболинк Амхерста
самарский дрозд
(Уланов, 2004).

или:

Выйти на берег течение унести
а чужим и многим неинтересен край
арт нуво небоскребы Москва в пути
что везде означает сплошной Китай
(Уланов, 2004).

Следует заметить, что именно благодаря многочисленным образам, отсылающим к символике Китая, поэту удалось ввести сквозные мотивы. Так, молчание и речь становятся центральными понятиями, над которыми размышляет лирический герой:

Влезть по уши в неоткрывающуюся речь
и письмо сплошное различие
не для меня
может там потерянный голос и есть
ты сначала пойми что приходится есть
только это уже совершенно другое ты
на исходе дня
(Уланов, 2004).

Его философские искания должны привести к осмыслению так называемого «третьего языка». Лирический герой, пребывая в чуждом для него восточном мире, познает новый язык поэзии – язык, который позволяет размышлять о пустоте, является некой золотой серединой между молчанием и речью. Именно с его помощью становится возможным говорить привычными словами о чем-то непривычном, чужом.

В отличие от О. Седаковой и А. Уланова, А. Кушнер создает цикл «В Китае», сохраняя характерные жанровые черты цикла путешествия, где в основе лирического сюжета лежат маршрут путешествия и образ страны, посещаемой поэтом-туристом. Этот поэтический текст включает в себя шесть стихотворений. С самого начала цикла лирический герой, близкий к образу самого автора, затрагивает актуальную для современной литературы тему – неизученность Китая:

Мы к Риму пригляделись и Парижу,
В Египте даже были, как Кузмин
Говаривал покойный, и на Крите,
Но эту стену видел я один
Из всех, кого я знаю, извините
(Кушнер, 2016).

Делясь своими впечатлениями, путешественник в первую очередь делает акцент на состоянии спокойствия, которое позволяет ему войти в дзэн – умиротворенное созерцание. Такое состояние создается за счет многочисленных эпитетов: «ползущие облака», «благоклонный полет бабочки» и др. Возникающие образы – небо, бабочка, облака, пагоды – позволяют проникнуться умиротворенной атмосферой Поднебесной. Поэтому не случайно лирический герой, созерцая мир вокруг себя, вспоминает поэтов Ли Бо и Ду Фу, тем самым как бы объединяя Запад и Восток: «Ли Бо был бы счастлив, Ду Фу б меня понял» (Кушнер, 2016).

Дальнейший путь лирического героя побуждает его еще больше погрузиться в размышления, и даже простой рассказ экскурсовода заставляет задуматься об одной из вечных тем – причинности происходящего. Следует заметить, что мотив общности культур, введенный

в начале цикла, получает развитие в дальнейших размышлениях путешественника. Он приходит к выводу, что разница менталитетов не определяет «лучшую» нацию, каждый этнос неповторим в своей индивидуальности:

Что сказать о китайцах? Китайцы ничем не хуже
И не лучше бельгийцев, французов и, скажем, нас
(Кушнер, 2016).

Пребывание в Пекине, поражающем воображение путешественника масштабностью и многочисленностью небоскребов, помогает увидеть этот город совершенно с другой стороны. Лирический герой, а вместе с ним и читатель, осознает, что именно в Китае, густонаселенной стране, и зарождается прогресс, который гармонично вливается в древнюю культуру, образуя уникальный тандем – единство Востока (древних учений, традиций) и Запада (современных высотных зданий, технологичной инфраструктуры).

Важно заметить, что мотив пути проявляется в цикле не только посредством передвижения самого лирического героя, но и благодаря образу поезда, возникающему в пятом стихотворении цикла:

Знаете, маленький поезд такой,
Змей двухвагонный и многоколесный,
Рельсы ему не нужны, расписной,
Полуигрушечный и несерьезный,
В нем, не имеющем стекол, сидят,
Как на веранде, пока объезжают...
(Кушнер, 2016).

Метафора «змея двухвагонный и многоколесный» позволяет не только передать атмосферу китайской культуры, в которой змей является одним из двенадцати священных животных, но и поддержать размеренное повествование, заданное в начале цикла. Плавное движение поезда, пассажиры которого умиротворенно созерцают природу и архитектуру вокруг, – метафора самой жизни. Лирический герой говорит о конечности жизненного пути, которая дает возможность переосмыслить свои приоритеты, избавиться от ненужных опасений:

...кончается путь
Там, где был начат. Проехав по кругу,
Что разглядели мы? Может быть, суть
Жизни и смерти, прижавшись друг к другу:
Жизнь не опасна, и смерть не страшна.
Кто бы подумал, что надо за этим
Ехать в Китай? И как будто она
Только китайцам открыта и детям
(Кушнер, 2016).

Для путешественника становится откровением не столько идея отсутствия страха перед жизнью и смертью, сколько мысль о том, что глубокое осознание этой идеи возможно лишь в Китае. Этим лирический герой подчеркивает уникальность атмосферы Поднебесной – места, в котором значительно проще испытать состояние гармонии и внутреннего покоя.

Заключение

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Поэты рубежа XX–XXI вв., продолжая поэтические традиции Серебряного века, в своих лирических циклах путешествий, посвященных Поднебесной, не столько воспроизводят конкретное географическое пространство, сколько акцентируют внимание на духовной «составляющей» восточной страны. Со-

временные авторы, используя жанровые возможности цикла путешествий, репрезентируют мифологический тип мышления Китая, где человек является неотъемлемой частью мира природы. Многочисленная «знаковая» атрибутика, черты географического месторасположения присутствуют в циклах всех трех поэтов и передают прежде всего особенности инационального мировосприятия: спокойствие, созерцательность, сосредоточенность на внутренней духовной жизни, мистическое единение с природой.

Отличительная особенность современных отечественных циклов путешествий о Китае состоит в том, что они выстраиваются как по следам воображаемого путешествия (О. Седакова «Китайское путешествие»), где важную роль играют ассоциативно-метафорические связи и образы, так и реально совершенного (А. Уланов «Сплошной Китай», А. Кушнер «В Китае»). Ключевым при этом становится мотив духовного пути, нацеленный в «версии» О. Седаковой на обретение лирической героиней внутренней гармонии, в цикле А. Кушнера – на переосмысление собственного бытия, у А. Уланова же оказывающийся возможностью «слиться» с чужой культурой и взглянуть на себя глазами «другого».

Интересуясь китайской культурой, современные поэты стремятся балансировать между акцентуацией особенностей изображения «западной» и «восточной» картин мира (А. Уланов). Возможности китайской поэзии они принимают не как экзотические, но как органические (А. Кушнер). В цикле путешествий о Китае О. Седаковой нет четкого географического маршрута, сюжет развивается благодаря художественному образу страны, сотканному из многочисленных сквозных образов, выстраиваемых посредством ассоциативных связей, что отчасти отражает «женский» взгляд на мир, которому свойственна некая интимность, исповедальность и пристальное внимание к деталям. «Мужская» версия поэтического травелога А. Уланова и А. Кушнера более ориентирована не столько на фиксацию впечатлений лирического героя, сколько на аналитическое осмысление этих впечатлений, передачу достоверного инационального колорита, раскрытие характерных черт китайской культуры в сопоставлении с иными, европейскими, реалиями.

Список литературы

- Варакина М. И.** Идеи единства природы и человека в даосизме // Учен. зап. Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 4. С. 75–80.
- Зейферт Е.** Китайское в новейшей русской поэзии: синхронная многомерность, идеограмма и взаимообогащение художественных элементов // НЛЮ. 2018. № 6. С. 45–50.
- Дарвин М. Н.** Художественная циклизация лирики // Теория литературы: В 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). С. 467–493.
- Кондаков В. Б.** Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 3. С. 123–127.
- Красноярова А. А.** «Китайский текст» русской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 23 с.
- Ляпина Л. Е.** Лирический цикл в русской поэзии 1840–1860-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 22 с.
- Ляпина Л. Е.** Литературная циклизация (к истории изучения) // Русская литература. 1998. № 1. С. 170–178.
- Ляпина Л. Е.** Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 281 с.
- Медведева Н. Г.** Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилев, О. Седакова, И. Бродский) // Вестник Удмурт. ун-та. 2008. № 1. С. 53–72.
- Пороль П. В.** Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 25 с.

- Раскина Е. Ю.** Образы китайской культуры в творчестве Н. С. Гумилева // Вестник Вят. гос. ун-та. Серия Лингвистика. 2008. № 4. С. 93–98.
- Фоменко И. В.** Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: ТГУ, 1992. 124 с.

Список источников

- Кушнер А. С.** В Китае // Звезда. 2016. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/1/v-kitae.html> (дата обращения 29.01.2022).
- Седакова О. А.** Китайское путешествие // М.: Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-10.html> (дата обращения 02.02.2022).
- Уланов А. М.** Сплошной Китай // Знамя. 2004. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/sploshnoj-kitaj.html> (дата обращения 10.02.2022).

References

- Darvin M. N.** Khudozhestvennaya tsiklizatsiya liriki [Artistic cyclization of lyrics]. In: Theory of Literature: In 4 vols. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, vol. 3: Genera and genres (the main problems in historical coverage), pp. 467–493. (in Russ.)
- Fomenko I. V.** Liricheskii tsikl: stanovlenie zhanra, poetika [Lyrical cycle: formation of the genre, poetics]. Tver, TSU Press, 1992. 124 p. (in Russ.)
- Kondakov V. B.** Kitaiskii tekst i kitaiskii kontekst v russkoi literature XIX veka (k postanovke problemy) [Chinese text and Chinese context in the Russian literature of the 19th century (towards the formulation of the problem)]. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2017, no. 3, pp. 123–127. (in Russ.)
- Krasnoyarova A. A.** “Kitaiskii tekst” russkoi literatury [“Chinese text” of Russian literature]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Perm, 2019, 23 p. (in Russ.)
- Lyapina L. E.** Tsiklizatsiya v russkoi literature XIX veka [Cyclization in the Russian literature of the 19th century]. St. Petersburg, Research Institute of Chemistry of St. Petersburg State Uni. Press, 1999, 281 p. (in Russ.)
- Lyapina L. E.** Liricheskii tsikl v russkoi poezii 1840–1860-kh gg. [Lyrical cycle in Russian poetry of the 1840s – 1860s]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Leningrad, 1977, 22 p. (in Russ.)
- Lyapina L. E.** Literaturnaya tsiklizatsiya (k istorii izucheniya) [Literary cyclization (towards the history of study)]. *Russian Literature*, 1998, no. 1, pp. 170–178. (in Russ.)
- Medvedeva N. G.** Obraz Kitaya v russkoi poeticheskoi traditsii (N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodsky) [The Image of China in the Russian poetic tradition (N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodsky)]. *Bulletin of Udmurt University*, 2008, no. 1, pp. 53–72. (in Russ.)
- Porol P. V.** Kitai v retseptsii poetov Serebryanogo veka (poetika i estetika) [China in the reception of poets of the Silver Age (poetics and aesthetics)]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2020, 25 p. (in Russ.)
- Raskina E. Yu.** Obrazy kitaiskoi kul'tury v tvorchestve N. S. Gumileva [Images of Chinese culture in the works of N. S. Gumilev]. *Bulletin of Vyatka State University. Linguistics series*, 2008, no. 4, pp. 93–98. (in Russ.)
- Seifert E.** Kitaiskoe v noveishei russkoi poezii: sinkhronnaya mnogomernost', ideogramma i vzaimoobogashchenie khudozhestvennykh elementov [Chinese in the newest Russian poetry: synchronous multidimensionality, ideogram and mutual enrichment of artistic elements]. *NLO*, 2018, no 6, pp. 45–50. (in Russ.)
- Varakina M. I.** Idei edinstva prirody i cheloveka v daosizme [Ideas of nature and man's unity in Taoism]. *Scientific Notes of the N. G. Chernyshevsky Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University*, 2009, no. 4, pp. 75–80. (in Russ.)

List of Sources

- Kushner A. S.** V Kitae [In China]. *Zvezda*, 2016, no 1. (in Russ.). URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/1/v-kitae.html> (accessed 29.01.2022).
- Sedakova O. A.** Kitaiskoe putesthestvie [Chinese journey]. Moscow, NFQ / To Print, 2001. (in Russ.) URL: <http://www.vavilon.ru/texts/sedakova1-10.html> (accessed 02.02.2022).
- Ulanov A. M.** Sploshnoi Kitai [Solid China]. *Znamya*, 2004, no. 6. (in Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2004/6/sploshnoj-kitaj.html> (accessed 02.02.2022).

Информация об авторах

Светлана Петровна Гудкова, доктор филологических наук
SPIN 6497-9389

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук
SPIN 6525-5410

Виктория Александровна Самойленко, аспирант

Information about the Authors

Svetlana P. Gudkova, Doctor of Sciences (Philology)
SPIN 6497-9389

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Sciences (Philology)
SPIN 6525-5410

Viktoria A. Samoylenko, Postgraduate Student

Вклад авторов:

С. П. Гудкова – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; анализ полученных результатов; итоговые выводы.

О. Ю. Осьмухина – развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

В. А. Самойленко – подбор первичного материал; работа с литературой; анализ источников; написание исходного текста.

Contribution of the Authors:

Svetlana P. Gudkova supervised and conceptualized the research, developed the methodology and approach, analyzed the results, drew final conclusions.

Olga Yu. Osmukhina developed the methodology and approach, drew final conclusions, prepared the final draft of the article.

Viktoria A. Samoylenko selected the primary material, observed the literature, analyzes the sources, prepared the first draft of the article.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2022; принята к публикации 05.04.2022
The article was submitted 05.03.2022;
approved after reviewing 29.03.2022; accepted for publication 05.04.2022*

Краткое сообщение

УДК 82.01/.09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-128-131

VI Международная междисциплинарная научная конференция «Метаморфозы культуры: Donum didacticum. Дидактический код в культуре XVIII–XX вв.» в НГУ

Наталья Юрьевна Бартош

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

n.bartosh@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2832-3093>

Аннотация

В сообщении представлен анализ магистральных тем и отдельных докладов VI Международной междисциплинарной научной конференции «Метаморфозы культуры», прошедшей в рамках международного форума «Наследие» в Гуманитарном институте Новосибирского государственного университета 19–20 ноября 2021 г. Конференция была посвящена проблемам трансформации дидактического кода в культуре Нового и Новейшего времени. На основное обсуждение были вынесены вопросы, касающиеся дидактического кода культуры XVIII–XX вв. Особым предметом рассмотрения стала концептосфера воспитания и обучения и особенности ее языковой и художественной репрезентации. Отдельные группы тем и вопросов, связанных с проблемами воспитания, составили: придворная педагогика и русская культура XVIII – начала XX в.; учебная литература в книжной культуре России Нового времени; визуальная дидактика в пространстве поликодового текста; книга как источник познания: вербальные и визуальные аспекты книжной культуры.

Ключевые слова

метаморфозы культуры, дидактическая традиция, историография филологии, лингвокультурология

Для цитирования

Бартош Н. Ю. VI Международная междисциплинарная научная конференция «Метаморфозы культуры: Donum didacticum. Дидактический код в культуре XVIII–XX вв.» в НГУ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 128–131. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-128-131

VI International Interdisciplinary Scientific Conference “Metamorphoses of Culture: Donum didacticum. Didactic Code in the Culture of the 18th – 20th Centuries” at NSU

Natalya Yu. Bartosh

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

n.bartosh@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2832-3093>

Abstract

The report presents the analysis of leading topics and individual reports of the VI International Interdisciplinary Scientific Conference “Metamorphoses of Culture”, held as part of the international forum “Heritage” at the Humanitarian Institute of Novosibirsk State University on November 19–20, 2021.

The conference was dedicated to the problems of didactic code transformation in the culture of contemporary and the most recent times. The main discussion raised questions about the didactic culture code from the 18th until the 20th century. A special subject of consideration was the conceptual sphere of education and training, and the features of its linguistic and artistic representation. Separate groups of topics and issues related to the problems of education were: court pedagogy and Russian culture of the 18th century till the early 20th century, educational literature in the book cul-

© Бартош Н. Ю., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 128–131

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 128–131

ture of Russia in recent times, visual didactics in the space of poly-code text, a book as a source of knowledge – verbal and visual aspects of book culture.

In the context of modern pedagogical mentality, real issues related to traditional education methods were reinterpreted, such as travel as a form of education – educational trips in the culture of the nobles, and mnemonic practices in the pedagogy of the 18th – 20th centuries. The revision of the semantic traditions of perception of the basic codes of education (such as “mentor”, “book”, and “road”) formed imperatives for summing up the results of the conference. The prolific achievements of the conference were reached due to the high scientific level and interdisciplinary nature of the reports; culturologists, historians, linguists, literary critics, art critics, and philosophers took part in the scientific discussion.

Keywords

metamorphoses of culture, didactic tradition, historiography of philology, linguoculturology

For citation

Bartosh N. Yu. VI International Interdisciplinary Scientific Conference “Metamorphoses of Culture: Donum didacticum. Didactic Code in the Culture of the 18th – 20th Centuries” at NSU. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 128–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-128-131

Прошедшая в Новосибирском государственном университете 19–20 ноября 2021 г. конференция «Метаморфозы культуры: Donum didacticum. Дидактический код в культуре XVIII–XX вв.» стала шестой по счету конференцией на тему «Метаморфозы культуры», продолжив традицию проведения этих мероприятий кафедрой истории, культуры и искусств Гуманитарного института НГУ. Глобальные метаморфозы сознания, затронувшие все стороны жизни человека в XXI в., неизбежно коснулись и образовательных принципов формирования личности, с точки зрения не только методических, но, главным образом, мировоззренческих установок. Целью проведения конференции было стремление выделить представление об образовании как о системе, в основе которой перемены в онтологических основаниях опираются на базовые коды предшествующего дидактического опыта культуры. Участники конференции восприняли предложение организаторов обратиться к сфере педагогических идей XVIII–XX вв. как возможность показать суть культивации (как взращивания) традиции для воспитания (формирования) личности, рассмотреть базовые основания Педагогического дара культуры – Donum didacticum – как преемственности традиции, внутренней страховки, указывающей на избрание верного пути.

Научный комитет конференции представили как российские ученые: д-р филол. наук, профессор кафедры источниковедения литературы и древних языков ГИ НГУ Леонид Григорьевич Панин, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН Елена Николаевна Проскурина, так и их коллеги из европейских университетов: Томаш Гланц (Tomáš Glanc), д-р филологии, профессор Цюрихского университета (Швейцария), Рута Брузгене, профессор Университета им. Миколаса Ромериса (Литва), Татьяна Борисова, д-р филол. наук, PhD, Афинский национальный университет (Греция). Возглавил научный комитет известный ученый, идеолог и вдохновитель конференции, д-р филол. наук, доцент кафедры истории, культуры и искусств Д. В. Долгушин. Организационный комитет конференции составили преподаватели кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института НГУ: Н. Ю. Бартош (председатель), Н. Л. Панина, А. А. Алексеева, М. С. Берендеева, Е. С. Гусева, Л. В. Долгушина, Т. И. Заворина, Р. В. Оплаканская, Е. Н. Шарангович (секретарь конференции).

К сожалению, из-за осенней волны эпидемии и связанных с ней ограничений конференция проходила в онлайн-формате, что не помешало яркой научной дискуссии.

Конференция работала два дня, насыщенно и ярко, с живой дискуссией после каждого доклада. Острота проблемы дидактических метаморфоз культуры была подчеркнута на открытии конференции в приветственном слове директора Гуманитарного института НГУ д-ра ист. наук, профессора А. С. Зуева. Уже на первых заседаниях конференции были намечены несколько магистральных направлений и общих векторов интереса, получивших дальнейшую конкретизацию в ходе конференции. Первый день был посвящен вопросам теории и универсалиям дидактической культуры. Пленарное заседание открыл д-р филол. наук

Ю. В. Шатин докладом «Текстовые универсалии как теоретическое понятие», разработанным совместно с д-ром филол. наук, членом-корреспондентом РАН, профессором И. В. Силантьевым. Общетеоретические рассуждения Ю. В. Шатина об устройстве текстового пространства и многообразии форм восприятия художественного языка задали высокую планку для всех докладов конференции. Продолжил тему доклад создателя концепции образовательной системы «Школы понимания» канд. ист. наук Ю. Л. Троицкий (Москва, РГГУ). Тема доклада «От Homo Sapiens к Homo Intelligens: смена дидактических кодов» выделила новое направление в интеллектуальном пространстве конференции. Перенос концепта *ВОСПИТАНИЕ* с межличностных отношений на межкультурные был сделан в выступлении преподавателя Афинского национального университета д-ра филол. наук Т. С. Борисовой. На материале лексики, обозначающей христианские добродетели и грехи, Татьяна Станиславовна показала роль греческого языка-наставника, его дидактическое влияние на русское сознание и язык. Своеобразным подведением итогов пленарной части первого дня стало выступление Н. И. Макаровой (Новосибирск) о реформе педагогических подходов к воспитанию в Нидерландах в XVIII в. с целью создания единого сильного государства.

В первый день конференции состоялось также заседание секции 2 «Дидактический код русских азбук». Ряд докладов был посвящен XVIII в. как чрезвычайно значимой эпохе для заявленной проблемы. Общая картина взаимодействия религиозного и светского начал, соотношения европейских языков и начала формирования нормативного русского языка в системе образования была очерчена в докладе О. А. Донских (НГУЭУ) «О языке нашего образования в XVIII веке». Эту тему продолжил и доклад М. И. Стрельцовой (НГПУ) «Петровская реформа азбуки и “Разговор об орфографии” Василия Тредиаковского». В докладе XVIII век предстает как время бурных дискуссий среди защитников «священного славянского диалекта» и создателей грамматик и словарей «простых речений», время зыбкости стилей письменной и разговорной речи. Реконструкция феномена взаимосвязи процессов становления философии в России и формирования понятийного инструментария философской мысли предпринята в докладе И. С. Коковина (НГУЭУ) «Феномен лексических средств выражения философских абстракций в творчестве В. К. Тредиаковского». На примере текстов В. К. Тредиаковского автор рассматривает трансформации культурного пространства, которые описываются средствами историографии и истории философии. Проблеме формирования этического кода русских азбук был посвящен доклад О. А. Кузнецовой (МГУ) «Азбука добра и зла в воспитательной концепции Кариона Истомина». Динамику культурных кодов в славянских алфавитах и текстах учебных азбук, их постепенную деформацию и замену продемонстрировала в докладе «Дидактический код русских азбук» Е. Е. Тихомирова (НГПУ). Завершением первого дня конференции стало выступление Н. Ю. Бартош (НГУ) «Азбуки Александра Бенуа и Елизаветы Бём – контрасты дидактических стратегий». В докладе доказывается, что при всей разнице подходов к созданию азбук для художников Серебряного века доминантными оказываются не образовательно-воспитательные, а эстетические критерии.

На пленарном заседании второго дня «Дидактический код литературы XVIII–XIX веков» обсуждались особенности воспитательных практик различных литературных форм: сатиры (доклад Л. А. Трахтенберга (МГУ) «Дидактическая модель русских сатирических журналов XVIII века»), воспитательного романа (доклад О. Б. Лебедевой (ТГУ) «Традиции воспитательного романа в “Путешествии из Петербурга в Москву” А. Н. Радищева»). В рамках конференции, затронувшей исторические подходы к образованию и воспитанию, особенно интересными показались проблемы придворной педагогики (доклад А. Ю. Андреева (МГУ) «Путешествие великого князя Михаила Павловича по Италии в 1818–1819 гг.: образовательные и политические аспекты», доклад Д. В. Долгушина (НГУ) «“Общество светлого мира, веселых трудов и умирительной искренности...”: придворное педагогическое сообщество второй половины 1820 – 1830-х годов в мемуарах П. А. Плетнева и И. К. Мёрдера» и доклад Н. Л. Паниной (НГУ) «“Первоначальный курс обучения” В. А. Жуковского»).

Исторические аспекты темы обсуждались на секции 4 «Дидактический код в историческом сознании XIX–XX веков» в докладах Р. В. Оплаканской (НГУ) «Сибирские мемуары польских ссыльных как опыт познания азиатской России», Л. Н. Воробцовой (НГУ) «Культурно-образовательный уровень и участие в благотворительности новониколаевских предпринимателей (1893–1914 гг.)», Е. С. Шкапы (НИУ ВШЭ) «Как изучалось Рисорджименто в итальянской начальной школе (на материале учебников конца XIX – начала XX в.)», Жидроне Колевинскене (Институт литовской литературы и фольклора, Университет Витаутаса Великого, Литва) «Просвещение литовских женщин в прессе первой половины XX века», Г. М. Запороженко (НГУ) «Гендерный аспект служения науке в мемуарах сибирских “академин”», Руты Брузгене (Университет им. Миколаса Ромериса, Литва) «Дидактическая риторика в поэме “Времена года” Кристионаса Донелайтиса».

Возврат к филологическому аспекту темы произошел на секции 5 «Дидактический код в литературном диалоге XX–XXI веков», объединившей доклады С. Н. Колесовой (НГУЭУ) «Данте как учитель русских поэтов (освоение терцин)», М. И. Николы (МПГУ) «“Джентльмен в Москве” Амора Тоулза: основания литературного успеха», В. Г. Новиковой (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского). «“Discourse of instruction” в британском романе XXI века», А. А. Алексеевой (НГУ) «Учебники русского языка конца XX – начала XXI в.: нестандартные подходы для формирования стандартных компетенций», Е. А. Пастернак (Институт мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова) «“Свернул трамвай на улицу Титова”: мотив дороги в творчестве Б. Рыжего».

Искусствоведческий аспект рассматривался на заседании секции 6 «Дидактический код музыкального, изобразительного и кинематографического искусства» в докладах Л. В. Анжигановой (Хакасский госуниверситет им. Н. Ф. Катанова) «Изобразительное искусство Хакасии: эволюция архетипических образов», И. П. Кладовой (НГК им. М. И. Глинки) «П. И. Чайковский о традициях, ценностях православной культуры и литургическом музыкальном творчестве», М. С. Берендеевой (НГУ) «КНИГА / БИБЛИОТЕКА как лингвокультурный концепт художественной картины мира Андрея Тарковского», И. Г. Умновой (Кемеровский государственный институт культуры) «Книга композитора Сергея Слонимского “Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе” как роман воспитания», М. А. Тимофеевой (НГУ) «“А музыке нельзя научить” (К. Дебюсси). О некоторых ограничениях музыкальной педагогики».

В целом заседания секций прошли очень живо, для обсуждения вопросов удалось собрать ярких талантливых исследователей – как известных ученых, так и молодых преподавателей из ведущих вузов страны. В мероприятии приняли участие культурологи, историки, литературоведы, искусствоведы, философы. Междисциплинарный профиль конференции предоставил уникальную возможность, без ущерба для глубины и профессионализма, показать предмет обсуждения – типологию образов воспитания – не однонаправленно (с точки зрения только педагогики или только культурологи, или филологии), а объемно – многогранно и многоаспектно.

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Бартош, кандидат филологических наук, доцент
SPIN 4760-4502

Information about Author

Natalya Yu. Bartosh, Candidate of Sciences (Philology), Associated Professor
SPIN 4760-4502

*Статья поступила в редакцию 12.06.2022;
одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 15.07.2022
The article was submitted 12.06.2022;
approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 15.07.2022*

Краткое сообщение

УДК 811.16.1 + 81.119 Бабайцева Черемисина
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-132-135

**II Межвузовский онлайн-семинар
памяти профессора В. В. Бабайцевой
«Многоаспектность единиц языка и речи»
(Новосибирск, НГУ, 10 февраля 2022 г.)**

Ирина Всеволодовна Высоцкая

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
i.vysotskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3098-3143>

Аннотация

Дана информация о научном семинаре, посвященном памяти профессора В. В. Бабайцевой. Семинар проходил онлайн на цифровой платформе Новосибирского национального исследовательского государственного университета. В ходе семинара прочитан ряд докладов, в которых многоаспектно рассматриваются актуальные вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Общей идеей можно назвать вопрос языковых механизмов формирования грамматической семантики и способов ее интерпретации. Серия докладов выполнена на материале языка Александра Пушкина, Николая Гоголя, Василия Шукшина. Представлены новые монографии. Высказана идея многоаспектного изучения творческого наследия В. В. Бабайцевой.

Ключевые слова

школа синхронной переходности (В. В. Бабайцева), Новосибирская синтаксическая школа (М. И. Черемисина), многоаспектность, морфология, синтаксис, грамматическая семантика

Для цитирования

Высоцкая И. В. II Межвузовский онлайн-семинар памяти профессора В. В. Бабайцевой «Многоаспектность единиц языка и речи» (Новосибирск, НГУ, 10 февраля 2022 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 132–135. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-132-135

**II Interuniversity Online Scientific Seminar
in Memoriam of Professor Vera V. Babaytseva
“Multiaspectiveness of Language and Speech Units”
(Novosibirsk, NSU, February 10, 2022)**

Irina V. Vysotskaya

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
i.vysotskaia@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3098-3143>

Abstract

The review on the scientific seminar in memoriam of Professor V. V. Babaytseva devoted to the problem of multiaspectiveness of the language and speech units. The seminar took place online on the digital platform of Novosibirsk National Research State University and joined scholars from twelve universities of Russia (Moscow, Nizhny

© Высоцкая И. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 132–135
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 132–135

Novgorod, Orel, Ufa, Novosibirsk, Vladivostok) and China (Beijing). Different scientific directions were presented there: the School of synchronous transitivity (formed by Vera Vasilievna Babaitseva) and Novosibirsk syntactic school (formed by Maya Ivanovna Cheremisina). Presented reports covered number of topical grammar issues of the modern Russian language: problems of morphology discussed by Natalia Petrova, Anna Bertiakova, Elena Sorokina, and Maria Milovanova; problems of syntax addressed by Natalia Koshkareva, Irina Vysotskaya, and Larisa Bednarskaya. The seminar's main theme was the linguistic mechanisms behind the formation of grammatical semantics and ways of its interpreting. A number of accounts were based on the literary language of Alexander Pushkin (a report by Irina Fadeeva), Nikolai Gogol (a report by Ekaterina Ogoltseva), Vasilii Shukshin (a report by Galiya Khisamova). Zhou Haiyan presented her monograph "The Study of Transient Phenomena in Russian Grammar" (Beijing: Peking University, 2021). Maria Milovanova announced the publication of a collective monograph "General and Russian Linguoaxiology" (Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Pushkin State Institute of Russian Language, 2022). A report by Tatiana Guskova expressed the idea of a multiple-aspect study of Professor Babaitseva's creative heritage.

Keywords

school of synchronous transitivity (V. V. Babaitseva), Novosibirsk syntactic school (M. I. Cheremisina), multiaspectiveness, morphology, syntax, grammatical semantics

For citation

Vysotskaya I. V. II Interuniversity Online Scientific Seminar in Memoriam of Professor Vera V. Babaitseva "Multiaspectiveness of Language and Speech Units" (Novosibirsk, NSU, February 10, 2022). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 132–135. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-132-135

Второй¹ межвузовский онлайн-семинар памяти профессора В. В. Бабайцевой, посвященный проблеме многоаспектности единиц языка и речи, прошел на цифровой платформе Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Общей идеей можно назвать вопрос языковых механизмов формирования грамматической семантики и способов ее интерпретации.

Морфология. Сопоставление данных словарей с особенностями функционирования номинаций *родитель – родительница – родители* в текстах XIX в. и в современной речи позволило **Н. Е. Петровой** (д-р филол. наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина) выявить изменения в гендерной семантике указанных форм. По мнению **А. Н. Бертяковой** (канд. филол. наук, доцент Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе, Москва), предложено-падежная форма, проявляя способности к фразеологизации, формирует глубинный подтекст русской ментальности, что демонстрирует, в частности, функционирование словоформ с предлогом *за* (*за компанию, за успехи, за брата, за хозяина* и проч.). **Е. Н. Сорокина** (канд. филол. наук, доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета) обратилась к вопросу о границах класса и морфологическом разнообразии слов категории состояния и как частный случай переходности в сфере существительного квалифицировала употребление в качестве сказуемого безличного предложения «потенциальные» СКС со значением неотвратимости наступления некоторого события (*горе, беда, конец*), оптимистичности (*мир*), внешней оценки действий логического субъекта (*стыд, срам, шах и мат*), а также близкие к глагольным перформативам (*слава, хвала*). **М. С. Милованова** (д-р филол. наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, Москва) поставила вопрос функциональной омонимии и проблемы новых смыслов, рассмотрев личные конструкции модели 'S + связка + предикативно-падежное сочетание' со значением состояния субъекта, в том числе новейшие и актуальные: (*быть*) *на движении, на стиле, на позитиве, в потоке, в моменте, в ресурсе* и т. д.

Синтаксис. Интеграция подходов школы синхронной переходности (В. В. Бабайцева) и Новосибирской синтаксической школы (М. И. Черемисина) позволила **Н. Б. Кошкарёвой** (д-р филол. наук, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета) квалифицировать односоставные предложения как результат пара-

¹ О первом семинаре см.: [Высоцкая, 2021].

дигматического варьирования двусоставных моделей элементарных простых предложений (на основании предикативных категорий модальности, персональности, аспектуальности, категории утвердительности / отрицательности, одушевленности / неодушевленности, количественности и т. д. – в зависимости от типа односоставного предложения). **И. В. Высоцкая** (д-р филол. наук, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета), многоаспектно рассмотрев альтернативный вопрос модели N_1 или $N_1?$, пришла к выводу о формировании на основании регулярной неполной реализации языковой модели самостоятельной синтаксической конструкции, в которой идея выбора реализуется за счет грамматических, а не лексических средств. Такой вопрос широко используется в интервью на YouTube-каналах и позволяет коммуникантам реализовать разные интенции. **Л. Д. Беднарская** (д-р филол. наук, профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева) посвятила доклад сложному синтаксическому целому, на уровне которого формируется идиостиль автора, и переходным структурам, в качестве которых выступают многокомпонентные сложные предложения, присоединение и парцелляция, период и др., включая жанровую форму стихотворений в прозе.

Язык художественной литературы. Исследуя деепричастные обороты в пушкинских «Повестях Белкина», **И. А. Фадеева** (канд. филол. наук, доцент Дальневосточного федерального университета) предложила различать их функции в структуре нарратива с учетом авторских интенций. **Е. В. Огольцева** (д-р филол. наук, профессор Московского педагогического государственного университета) выявила в «Петербургских повестях» Н. В. Гоголя особенности синтаксического развертывания устойчивых сравнений, их авторских трансформаций и индивидуально-авторских, или свободных, сравнений. **Г. Г. Хисамова** (д-р филол. наук, профессор Башкирского государственного университета, Уфа) обратилась к народно-разговорной парадигме, представляющей сплав фольклорно-диалектных компонентов, в рассказах В. М. Шукшина как средству выражения авторской поэтики.

Новые монографии. Свою монографию «Исследование переходных явлений в грамматике русского языка»² (Пекин: Пекинский ун-т, 2021), адресованную китайским русистам и студентам, изучающим русский язык, представила **Чжоу Хайянь** (д-р филол. наук, профессор Пекинского университета, Китайская Народная Республика). **М. С. Милованова** анонсировала выход коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология» (М.: Ин-т языкознания РАН, Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2022) с посвящением Вере Васильевне Бабайцевой, «так тонко чувствовавшей аксиологию в языке и в душе человека».

Т. П. Гуськова (канд. филол. наук, доцент Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва) предложила рассматривать творческое наследие В. В. Бабайцевой как предмет многоаспектного изучения и продемонстрировала возможности применения технологии «облака слов» для составления семантической карты монографии «Читая стихи»³.

Участники и подключившиеся к трансляции слушатели выразили надежду на продолжение научного общения и высказали идеи развития семинара.

Список литературы

- Бабайцева В. В.** Читая стихи... (Синтаксис и семантика). М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 176 с.
- Высоцкая И. В.** Межвузовский научный семинар «Переходные явления в языке и речи» памяти профессора В. В. Бабайцевой (Коломна, 10 февраля 2021 г.) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 336–340. DOI 10.17223/18137083/76/25
- Политова И. Н.** Рецензия: Монография Чжоу Хайянь «Исследование переходных явлений в грамматике русского языка» // Вестник гос. соц.-гуманит. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4 (44). С. 83–88.

² См. рецензию: [Политова, 2021].

³ См.: [Бабайцева, 2016].

References

- Babaytseva V. V.** Reading poetry... (Syntax and semantics). Moscow, FLINTA; Nauka, 2016, 176 p. (in Russ.)
- Politova I. N.** Zhou Haiyan's Book "A Study of Transient Phenomena in Russian Grammar" (review). *Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies. Series: Humanities*, 2021, no. 4 (44), pp. 83–88. (in Russ.)
- Vysotskaya I. V.** Interuniversity scientific seminar "Transient phenomena in language and speech," in memoriam of Professor Vera Vassilyevna Babaytseva (Kolomna, February 10, 2021). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 336–340. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/25

Информация об авторе

Ирина Всеволодовна Высоцкая, доктор филологических наук
SPIN 8801-2088

Information about the Author

Irina V. Vysotskaya, Doctor of Sciences (Philology)
SPIN 8801-2088

Статья поступила в редакцию 05.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted 05.04.2022;
approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 16.05.2022

Елена Ивановна Дергачева-Скоп

19.04.1937 – 05.10.2022

5 октября 2022 года ушла из жизни Елена Ивановна Дергачева-Скоп, основательница Новосибирской археографической школы, доктор филологических наук, профессор кафедры источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета.

Елена Ивановна – выпускница Уральского университета, обучаясь в аспирантуре, была прикомандирована к Институту русской литературы (Пушкинскому Дому). Руководителем ее кандидатской диссертации был В. В. Кусков, известный исследователь древнерусской литературы, под его влиянием Елена Ивановна стала рассматривать древнерусскую литературу прежде всего как словесность, в том смысле этого емкого понятия, какой придавал ему еще Ф. И. Буслаев. Куратором ее диссертационной работы стала В. П. Адрианова-Перетц. Это во многом повлияло на становление научных приоритетов и направлений исследований Елены

Ивановны. Высокая научная планка Отдела древнерусской литературы, которым в то время руководил Д. С. Лихачев, и участие под руководством В. И. Малышева в археографических экспедициях, результатом которых было спасение и сохранение рукописного наследия русского Севера, во многом определили научную позицию Е. И. Дергачевой-Скоп.

В 1964 г. Елена Ивановна блестяще защитила диссертацию, посвященную творчеству С. У. Ремезова, оппонентами выступили Д. С. Лихачев и А. М. Панченко. Часть диссертации была опубликована в ее монографии «Из истории литературы Урала и Сибири XVII века» (Свердловск, 1965). В этом же году она начала преподавать в Новосибирском государственном университете и стала одной из тех, кто создавал филологическое направление на гуманитарном факультете.

Она читала лекции по дисциплинам «История древнерусской литературы и фольклор», «История русской литературы XVIII в.», различные спецкурсы, проводила фольклорную и археографическую практику. В ее работе со студентами, которые специализировались по древнерусской литературе, проявлялись те традиции научных и университетских занятий, сложившиеся еще в XIX в., которые она сама усвоила со времен своей школы – семейной, университетской в Свердловске, аспирантской в Ленинграде и Москве. Елена Ивановна много времени уделяла индивидуальным занятиям со студентами, в том числе работе с источниками. Елена Ивановна учила студентов практической работе с библиографией, рукописями, с текстом, говорила о важности знания исторического и литературного контекста, т. е. комплексного подхода к поставленной задаче.

Е. И. Дергачева-Скоп – основоположник археографии как научного направления в Новосибирском государственном университете, она возглавляла его с 1965 г., когда была организована первая экспедиция НГУ и Института истории, филологии и философии СО АН СССР в районы Томской и Тюменской областей, в которой также приняли участие студенты гуманитарного факультета. С тех пор экспедиции стали проводиться ежегодно. К этому же времени относятся и первые опыты систематизации и изучения рукописного наследия, привезенного из экспедиций. Благодаря полевым археографическим исследованиям, возглавляемым Еленой Ивановной, в ГПНТБ СО РАН сформировалось крупнейшее региональное собрание рукописей и старопечатных книг, представляющее собой национальное достояние: книжные памятники XIV–XIX веков, первопечатные русские книги, старообрядческие манускрипты, содержащие новые редакции и неизвестные ранее тексты литературных произведений, памятники полемических дискуссий, исторические, музыкальные тексты.

В ее научной работе можно выделить следующие направления, связанные между собой: археография, книга и литература, история русской литературы XI–XVIII веков (летописание, древнерусская повесть в литературном процессе XV–XVIII веков, рукописные сборники в историко-культурном контексте, типология рукописного сборника), рукописная и старопечатная книга как явление традиционной русской духовной культуры в общерусском и сибирском историко-культурном контексте. Важное место в сфере научных интересов Елены Ивановны занимала книжная культура сибирского старообрядчества. Она участвовала в экспедициях в «живую среду» сибирских старообрядцев, работала с их рукописными собраниями, публиковала описания, составляла базы данных редких книг, рукописей и книжных собраний Сибири и Дальнего Востока. В последние годы Елена Ивановна активно занималась проблемами электронного описания древнерусских памятников совместно с сотрудниками отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН.

Елена Ивановна стала ведущим исследователем в области истории древнерусской литературы и книжности, археографии, крупнейшим исследователем творчества писателя и деятеля петровской эпохи С. У. Ремезова. Она разработала концепцию и представила наиболее полную генеалогию Сибирского летописания. Е. И. Дергачевой-Скоп опубликовано свыше 100 научных работ, 10 монографий. Елена Ивановна всегда была активным организатором научных конференций и семинаров, на которых собирались как мировые специалисты по медиевистике, так и начинающие исследователи – ее студенты. В последние годы в рамках

международного научного форума «Наследие», который проводится Гуманитарным институтом НГУ, ею было организовано два международных научных семинара «Археография книжных памятников и источниковедение литературы и языка» (2018, 2021).

Е. И. Дергачева-Скоп с 2003 по 2017 год возглавляла созданную ею кафедру древних литератур и литературного источниковедения НГУ (позже она была преобразована в кафедру источниковедения литературы и древних языков). Много сделала Елена Ивановна и для развития учебного процесса. Ею была создана лаборатория археографии и источниковедения литературы, где студенты могут работать с подлинными русскими рукописными и старопечатными книгами. Кафедра регулярно проводит выставки из фондов отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, имеющие как учебное, так и просветительское значение. По ее инициативе началось создание Музея книги в НГУ.

Под ее руководством защищено около 100 дипломных работ, 17 кандидатских и 5 докторских диссертаций. Ученики Елены Ивановны работают в крупных научных центрах и университетах России: в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Томске, Омске, Тюмени, Тобольске, Сыктывкаре, Красноярске и др.

За большой вклад в развитие науки и образования Е. И. Дергачева-Скоп была награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Древнерусская литература и археография стали ее призванием и делом всей жизни. Этим летом она провела очередной полевой сезон в поездке со студентами на практику в Алтайский край и Тюменскую область. Коллеги и ученики Елены Ивановны навсегда запомнят ее как неутомимого исследователя, мудрого Учителя и жизнелюбивого, бесконечно преданного своей профессии человека.

Коллеги и ученики

Вестник Новосибирского государственного университета

Серия: История, филология

Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи доктора наук не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем статьи кандидата наук – не более 0,7 а. л., аспирантов и соискателей – не более 0,5 а. л. Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»